

Золотко

Пролог

В семье Золотовых одиннадцать лет назад появилась дочка. Мама думала назвать её Викторией — мечтала вырастить выдающуюся гимнастку-победительницу, а папе нравилось имя Вера. В Загсе, где регистрировали новорождённую, родители заспорили. Кто-то посторонний предложил третий вариант: Вероника. В нём Ника, что значит победа, и Вера. Красивое имя устроило обоих, так и записали: Вероника Золотова.

Ещё в детском саду маленькую Нику за кроткий нрав прозвали Золотко. Доброго старательного ребёнка любили все, и воспитатели, и ребята из группы.

Алевтина Сергеевна, так зовут маму Вероники, когда-то занималась гимнастикой и добилась хороших результатов, но ей помешала травма. Теперь тяга к медалям у женщины стала ещё сильнее, чем в детстве, удовлетворить её могли только достижения дочери. Как не быть чемпионкой, когда Вера, Победа и Золото — всё вместе? Вероника брала призы на многих соревнованиях, оправдывала мамины надежды и тренера не подводила. Сильная, гибкая, ритмичная, выносливая — сокровище для хорошего наставника. Главным достоинством юной спортсменки оказался характер, она была спокойной и мягкой в отношениях с другими людьми, но строгой к самой себе. Такое встретишь не часто.

Ранней весной с одиннадцатилетней гимнасткой случилось происшествие. Иногда неожиданные события нарушают выверенный ритм жизни, заставляют человека посмотреть на себя со стороны и задуматься о том, верно ли он выбрал путь. Девочка с победным именем и блестящим прозвищем прошла испытания, которые выпали на её долю, получив один из многих жизненных уроков.

Нельзя сказать, что победа над неприятностями далось легко. Школьные годы только спустя время кажутся беззаботными и радостными, на самом деле опыт редко кто приобретает без ошибок и разочарований. Человек, пока взрослеет, сталкивается с недопониманием, осуждением, ошибочными оценками и взрослых, и сверстников, а уметь постоять за себя надо учиться.

Глава 1

Нарушена привычная жизнь

Зима засиделась в городе. Весне предстояло растопить снег и высушить лужи. Солнышко удивлённо поглядывало на грязно-серые сугробы из-за кружевных облачных занавесок. На тротуаре поблёскивали замёрзшие следы ручьёв.

Накануне небесное светило выполнило заданный урок — снег заметно просел. Ночью опять подморозило, в тени высоких домов было скользко. Ника шла с утренней тренировки в приподнятом настроении. Скоро первенство России среди юниоров, график подготовки особенно напряжённый. Золотова обошла двенадцать претендентов. Это не стало неожиданностью, она лучшая из лучших, так говорили всегда. Пospорить с Вероникой могла только подруга и одноклассница Лариса Кравченко, а ещё Юлия Снегирёва. Но в работоспособности и упорстве Золотовой Нике равных не находилось.

Гимнастка тренировалась всю жизнь. Первый год посвятила общей физической подготовке, уже тогда все отметили способности и характер девчужки. Среди беспомощных созданий заслуженный тренер России Ольга Михайловна умело высматривала настоящих гимнасток. Она сразу выделила двухлетнюю Никушу и выстраивала тренировочные нагрузки с прицелом на будущие победы. Ника другого отношения не знала и воспринимала это как единственно возможный путь к вершине спортивной жизни. Жёсткие требования тренера приучили девочку работать с полной отдачей. Из года в год, изо дня в день она шагала знакомой дорогой в спортивный комплекс. Иногда и два раза в день. Но на сегодня всё. Дома обед и в школу.

Порой Вероника не успевала сделать уроки — много времени уходило на подготовку к соревнованиям. Учителя смотрели на это снисходительно. Что делать, будущая гордость спорта, олимпийский резерв. Кому-то другому учительница за невыполненные задания торжественно выводила двойку в дневнике или в журнале, а у Вероники сначала интересовались, готова ли та отвечать. Девочка сама решала, сдавать тетрадь или нет, выходить к доске, или отказаться. Другие ребята в классе считали такой подход несправедливым, некоторые спрашивали обиженным тоном: «Почему Золотова не сдаёт тетрадь? Она что, особенная?» Конечно, особенная! Свободного времени у девочки так мало, что ни книжку лишней раз не почитать, ни телевизор посмотреть, а уж про

компьютерные игры лучше и не вспоминать. Хорошо ещё родители помогали с уроками, без них успешной учёбы точно не получалось бы.

Вчера устные предметы мама читала вслух, а Ника слушала, лёжа в кровати. На упражнения и задачи сил измученная спортсменка не нашла. Сейчас тоже не успеть, задержалась на тренировке, утомилась. Ни родители, ни учителя не станут особенно её винить. Зная это, Вероника собиралась нагнать упущенный материал вечером, желательно, с папиной помощью.

Игривый ветерок трепал выбившиеся из-под шапочки волосы, воздух едва уловимыми ароматами напоминал о скором пробуждении природы. Ника подмигивала ярким солнечным зайчикам, которые дразнили её, отражаясь от многочисленных окон высокого дома. Она любила раннюю весну, эту многообещающую свежесть, пробуждение звонких почек, громкий радостный щебет птиц, ручейки, стремительно несущие корабли из палочек и прошлогодних листьев к неведомому океану. Скоро каникулы, а это — путешествия, свежие впечатления, новые друзья. Ольга Михайловна обязательно что-нибудь придумает. Обычно она вывозит подопечных из города в какой-нибудь спортивный лагерь, чаще на море. Дух захватывало от предстоящих приключений. Волны! Чайки! Песчаные пляжи, горы, ласкающие небо снежными вершинами. Вечерние посиделки у костра, игры, песни под гитару, душевные разговоры. Вероника уже подросла, не будет скучать по родителям, как раньше. Хотя, будет, но совсем чуть-чуть.

Юная гимнастка задержалась у пешеходного перехода. По пути из спортивного комплекса домой Нике надо перейти Школьную улицу. Оживлённого движения нет, но светофор на пересечении со Спортивной работает. Здесь и произошло с Вероникой несчастье, как теперь говорят, ДТП. Девочка убедилась, что зажётся «зелёный человечек», и стала переходить проезжую часть. Машин не было. Преодолев полосу, Ника увидела, как машина мчится по Спортивной к перекрёстку. Водитель должен затормозить, красный горит везде, сейчас обе улицы переходят пешеходы. Правда, на перекрёстке никого, кроме Вероники, не заметно. Автомобиль скорости не сбавлял. Если бы он ехал прямо, ничего бы не случилось. Но шофёр стал поворачивать, нет, не в сторону Ники, однако машину на скользкой дороге сильно занесло. Испугавшись надвигающегося на неё задом седана, гимнастка подпрыгнула, перекатилась по дверце багажника и упала с другой стороны машины. Тёмный автомобиль с тонированными стёклами, будто опомнившись, рванул с места и умчался по Школьной.

Ника при падении ударилась головой о ледяной бугор, потеряла сознание. Немногочисленные прохожие бросились на помощь. Крепкий мужчина поднял ребёнка, донёс до автобусной остановки, усадил на лавку, девушка вызвала «Скорую помощь», бабуля допытывалась у Ники, едва та пришла в себя, есть ли у неё телефон — надо родителям позвонить. У девочки мир кружился перед глазами, она с трудом понимала, чего от неё хотят.

— Тошнит, сейчас вырвет, — шепнула она, — голова плывёт.

— Мобильный есть, деточка? — не унималась сердобольная старушка, — мамке позвони!

— Сейчас. — Вероника порылась в кармане курточки и вытащила смартфон. — Не могу, вижу плохо...

— Вот аспид, — ругнулась старуха на безвестного виновника происшествия, — дай-ка! Чего тут жать?

Помогла девушка.

— Как тебя зовут? — спросила она, найдя в контактах номер, помеченный «Мамочка».

— Вероника.

Незнакомка кивнула и, услышав в трубке женский голос, заговорила:

— Это мама Вероники? Ваша дочь упала, поскользнулась. Сидит сейчас на остановке около школы... Ничего страшного. Сказала, что голова кружится... Да, мы «Скорую помощь» вызвали... хорошо. Я — Ира ... да... дождусь. — Ира вернула смартфон Нике и объявила остальным очевидцам, — вы идите, я подожду либо врачей, либо маму девочки.

«Скорая помощь» приехала раньше. Алевтина Сергеевна ещё домой заскочила, сотрудники ей посоветовали взять медицинский полис, свидетельство о рождении дочери и свой паспорт. Кроме того, на всякий случай мама прихватила пакет с тапочками, пижамой, умывальными принадлежностями.

В травмпункте при городской больнице медичка, заполняя многочисленные бумаги, строго спросила подроспевшую женщину:

— Что ж это вы дочь отпускаете без сопровождения?

— Она с восьми лет одна ходит, — оправдывалась мама Вероники, — каждый день в секции тренировки, не могу же я работу бросить.

— Ну, вот и дотренировалась.

— Машина на улице стукнула, — робко противоречила Алевтина Сергеевна, — с каждым может случиться.

— С теми, кто дома сидит, не случается.

Медработник вернула документы и велела идти на рентген. Девочка с маминой поддержкой бродила по этажам больницы, борясь с тошнотой и головокружением. На рентген их пропустили без очереди, но пришлось ждать, пока снимки будут готовы. Потом изображение Никиной головы разглядывал травматолог, невролог изучал рефлексy, затем пришёл педиатр.

Голова болела так, что пострадавшая едва различала сменяющиеся лица и с трудом понимала бесконечно повторяемые вопросы. К тому же между детским доктором и мамой разгорелся нешуточный спор.

— Когда она сможет приступить к тренировкам? — не удержалась от волновавшего её вопроса Алевтина Сергеевна.

— Вы из дочери инвалида задумали сделать? Неделю как минимум, а лучше две лежать и не шевелиться! О физкультуре можно вспомнить не раньше чем через месяц, да и то, сначала с неврологом посоветоваться, дополнительные обследования пройти.

— До первенства неделя осталась. Вероника к нему стремилась несколько лет!

— Какое ещё первенство? — возмутилась врач.

— Спортивная гимнастика.

— По бревну скакать? — Педиатр недовольно взглянула на маму Вероники. — Забудьте! К сотрясению мозга нельзя относиться легкомысленно.

— Доктор, ребёнок просто упал, она падает то и дело.

— Вот-вот! Возможно, это не первый случай. Деточка, у тебя раньше не было подобных состояний? — Женщина демонстративно отвернулась от матери пациентки.

— На дороге? — не поняла девочка.

— На тренировке. Упала, голова кружится, тошнит.

— Не помню.

— У них медик в спорткомплексе, если что, сразу осматривают, — пояснила Алевтина Сергеевна.

— Мамочка, оформляем ребёнка в стационар? — врачаха нервно махнула рукой, ей надоело пререкаться.

— Может быть, она дома полежит?

— Дома полежит, говорите? Пишите отказ от госпитализации. Но учтите, могут быть последствия. Вы на работу, а девочка скакать по квартире. Здесь за ней присмотрят, лекарства вовремя дадут, уколы поставят.

— Можно, я тренеру позвоню? — спросила Алевтина Сергеевна и вышла в коридор. Доктор оторвалась от записей, доверительно заговорила с Никой:

— Полежи, отдохни. Заездили ребёнка совсем. На что тебе все эти соревнования? Сегодня чемпионка, а завтра? А если проиграешь? Не дай бог, свалишься с брусьев своих! Потом ложкой в рот попадать не будешь.

Ника смотрела на белый халат врачахи, и не находила слов для ответа. Мысль о прекращении тренировок была непривычной и даже пугающей. Остальные девочки из секции будут заниматься, оттачивать программы, а она матрасы пролёживать?

Вернулась мама. Подошла к Нике, пригладила её пушистые волосы и нехотя призналась:

— Ольга Михайловна говорит, при сотрясении мозга Веронику не допустят к соревнованиям. — Алевтина Сергеевна нервно крутила в руках телефон.

— Ну да, такую ответственность никто на себя не возьмёт. Сами же засудите их, если что случится, — закивала доктор.

Оказалась Вероника в больнице. Палата трёхместная, но другие кровати свободны. Как раз сегодня выписали трёх мальчишек, и теперь комната будет девичья. Корпус недавно построили, установили современное оборудование, новую мебель и сантехнику. Ровные блёклые стены выглядели скучно, глазу не на чем задержаться. Посетителей в палату не пускали, пациенты общались с друзьями и родственниками в холле. Нике разрешали выходить ненадолго — надо лежать. Честно говоря, девочка с трудом переносила радостный гомон подружек. Родителям радовалась, но почти сразу выпроваживала — её смущал укор в маминых глазах. Лежать тоскливо, да ещё голова раскалывается — ни читать, ни кино смотреть, ни музыку слушать Ника не могла.

— Порисуй, не так скучно будет, — советовала лечащий врач Наталья Матвеевна, — хочешь, альбом с карандашами принесу?

Так нашлось хоть какое-то занятие. Первый рисунок — гимнастка на бревне. Тоненькая девочка подпрыгнула в шпагат, летит над снарядом. Гимнастический купальник вишнёвого цвета, собранные в пучок волосы, красивая линия рук. Наталье Матвеевне рисунок понравился:

— Можно повесить на стенд? У нас в коридоре выставка работ пациентов. Твоя одна из лучших будет...

— Призовое место?

Доктор засмеялась.

— Настоящая спортсменка. Разрешаешь?

Теперь Никина гимнастка красовалась среди принцесс, автомобилей, роботов и букетов.

Рисовать Вероника любила. С двух до пяти лет ходила заниматься к художнику, другу Станислава Андреевича. С удовольствием вспоминала, как она, стоя перед мольбертом в папиной рубашке поверх обычной одежды, размешивала гуашь «Гамма» в баночках. Ей нравилось смотреть, как дядя Миша «колдует» над палитрой, добавляет к лужице из краски одного цвета другую, как получается что-то совсем непохожее. Потом он высветлит полученную краску белой гуашью и наносит широкой кистью мазки на ватман. Приходит очередь Ники. Сначала её ручкой водит художник, показывая, как надо равномерно закрасивать фон, потом она сама делает неуверенные движения, иногда «заезжая» за светло-зелёный контур, намечающий задуманный рисунок. Когда фон готов, работу оставляют сохнуть, а в следующий раз надо будет прорисовывать мелочи.

Девочке казались чудом происходящие на листе изменения. Возникало нечто совершенно неожиданное, непохожее на то, что она представляла раньше. Малышке трудно вообразить будущую картину. Хотя её спрашивали, что она хочет рисовать, но на следующем занятии у неё появлялись новые желания и рисунок обрастал подробностями и жил своей жизнью.

Теперь Никины детские работы в рамках висят на стенах комнаты родителей. Даже не верится, что она рисовала это, будучи совсем маленькой. К сожалению, когда начались ежедневные тренировки, времени на увлечения не осталось. В школе на уроках рисования Золотову всегда хвалили и часто вывешивали её рисунки напоказ, учитель предлагал участвовать в конкурсах, но здесь нужны были картины сложнее тех, которые Ника успевала сделать за урок.

В больничной палате времени было достаточно. Получив альбом и цветные карандаши, девочка вспомнила свои прежние навыки, ощущения сотворённого твоими стараниями волшебства. Случилось так, что чудо произошло не только на бумаге. В соседней палате вместе с мамой лежала маленькая девочка Лиля. Крошка постоянно плакала. То поскуливала, то кричала. Когда плач становился особенно громким, Веронике приходилось подушками уши прикрывать, спасаясь от головной боли. Молодая женщина почти всё время держала свою Лилечку на руках. Та, обхватив маму за шею, постанывала. Скоро заметили, как успокаивается ребёнок около стенда с рисунками. Девчушка

улыбалась, глядя на Никину гимнастку, водила пальчиком по бумаге и что-то лепетала тихим нежным голоском.

— Зачем вы тут торчите всё время? — недовольно возмущалась заведующая, делая женщине замечание, — не положено. Все должны находиться в палатах. Какой пример детям подаёте?

— Малышка, когда на этот рисунок смотрит, не плачет, — указала мама Лили на гимнастку, — только здесь унимается.

— Нравится картинка? Животик не болит, плакса? — криво улыбнулась заведующая.

Лилечка радостно закивала.

— Идите, идите в палату. Нечего в коридоре болтаться. Вы на обследовании в стационаре, а не в картинной галерее.

Женщина вынуждена была унести дочку из коридора. Заведующая пошла по своим делам. Из Лилечкиной палаты снова послышались горькие всхлипывания.

На следующий день во время обхода Наталья Матвеевна попросила Нику подарить рисунок Лиле.

— Малышка успокаивается, когда на твою картинку смотрит.

— Пусть забирает, я ещё нарисую, — разрешила Вероника.

Теперь она изобразила девочку с лентой. Гимнастка, прогнувшись, высоко подпрыгнула. Лиловый костюм, коротенькая юбочка. Рука с палочкой взметнулась вверх, продолжая линию корпуса, лента замерла абрисом крыльев бабочки. Тщательно прорисовав силуэт спортсменки, юная художница задумалась: как бы придать ей большее сходство с бабочкой? Полежала, прислушиваясь. В соседней палате тихо — Лиля получила рисунок. Придумала! Это соревнования! Снова взялась за карандаши. Очерченное яркой лентой пространство рисовальщица заполнила изображением красных кресел, кое-где сидели нарядные зрители, составляя причудливый рисунок крыла. Остальные места заняты людьми — фон серо-зелёный. Лишь некоторые болельщики потрудились одеться в жёлтое,

белое или синее, изображая редко рассыпанные цветы. Два дня трудилась Ника над своим произведением. На больничную выставку не отдала, не захотела расставаться. Голова почти не болела, тошнота забылась, положенные обследования позади, девочку тянуло домой. В палату положили соседок — одна чуть старше Ники, другая чуть младше. Времени на рисование не хватало — беседовали, играли, даже уроки делали, в отделение приходили учителя. Так прошли две недели.

Незадолго до выписки из больницы Нику навестила подруга и одноклассница Кравченко Лариса. Сообщила школьные новости, комично передразнивая учителей и ребят, похвастала успехами на тренировках и рассказала о соревнованиях, пропущенных Вероникой. Ольга Михайловна огорчена результатом, команда выступила хуже, чем ожидалось. Лариса получила бронзовую медаль за вольные упражнения, а вот Юлия Снегирёва, которую включили в команду вместо Вероники, растерялась и выступила хуже, чем могла. Кравченко была довольна собой. До этого она на призовое место никак не рассчитывала, обходить Нику в вольных упражнениях ей не доводилось, но на этот раз благодаря отсутствию главной соперницы смогла принести команде бронзу.

— Жалеет Ольга Михайловна, что ты на первенстве не показала. Ругает водителя, сбил надежду тренера.

— Досталось, наверное, Юльке!

— Нам урок! Надо готовиться к выступлению, даже когда есть за чью спину спрятаться.

— Ольга Михайловна, наверное, так говорит? — догадалась Вероника, услышав в этой фразе знакомые нотки.

— Ага. Ты скоро тренироваться начнёшь?

— Не раньше осени. — Ника достала свою бабочку из альбома. — Посмотри.

— Ничего себе! — то ли рисунок, то ли отсрочку в тренировках оценила Лариса. — А в школу когда?

— Завтра обещали выписать, сразу после каникул в школу пойду.

Доктор Наталья Матвеевна слово сдержала, отпустила Нику домой. Тренировки запрещены до следующего сезона, освобождение от физкультуры на месяц. До конца учебного года чуть больше двух. Все оставшиеся дни каникул девочка провела за учебниками и тетрадями. Папа давал ей задания, вечером проверял, разъяснял непонятное. Надо нагнать одноклассников и окончить год без троек. Спортивных нагрузок нет, отставание в школе оправдать нечем. В перерывах между занятиями Ника гуляла, иногда бралась за карандаши, делала наброски. Волновала художницу спортивная тема, видимо, неожиданная разлука с гимнастикой заставила скучать по нагрузкам и ярким переживаниям.

Началась последняя четверть. Благодаря дополнительным занятиям Вероника смогла наверстать упущенное, скидки ей не нужны, оценки хорошие. Некоторые нерадивые ученики даже стали спрашивать у неё тетрадки, чтобы списать решённые задачи. Чаще всего этим злоупотребляла соседка по парте. Кравченко собралась на море в оплаченный спонсором спортивный лагерь. Уедет со дня на день и вернётся только в самом конце учебного года. Ларискины мысли уже плескались в морской воде, поэтому домашние задания она списывала у Вероники и, не стесняясь, пользовалась её подсказками во время устных ответов. Нике горько было от того, что не может поехать с подругой, но та, не замечая печали в её глазах, то и дело восхищалась предстоящим путешествием.

— У нас там и уроки будут, но совсем крошечные, не школа всё-таки! Зато можно будет по горам полазить, и цветёт там уже всё-всё. Красота!

— Да, наверное.

— Я тебе буду фотки присылать!

После Ларискиного отъезда Нике пришлось одной ходить и в школу, и обратно. В классе были и другие девочки, которые жили неподалёку от её дома, но у каждой свои привычные попутчики. От вынужденного одиночества Золотку стало особенно грустно. Рассматривая, показались ли на деревьях листочки или ещё рано, она вспоминала слова подруги о буйстве природы в тёплых краях, Кравченко забыла своё обещание, фотографии не присылала. Может быть, спортсменки так загружены, что некогда гулять по окрестностям? Хотелось хоть одним глазком взглянуть на цветущий край, но придётся дожидаться возвращения подруги, тогда она точно покажет снимки.

Однажды по дороге в школу Вероника повстречала улыбчивую женщину, лицо которой казалось знакомым.

— Ника! Здравствуй. Не узнаёшь меня?

Девочка присмотрелась. А! Это мама маленькой Лилечки, что была в соседней палате, когда Ника лежала в больнице.

— Узнала. Извините, я в школу тороплюсь.

— Одну минуточку постой, хочу спасибо тебе сказать.

— За что? — Ника послушно остановилась.

— Твой рисунок помог. Представляешь, с самого рождения у Лили живот болел. Как только не лечили, где ни обследовали, без толку. Твоя гимнастка помогла, теперь малышка совсем не жалуется, а с картинкой не расстаётся.

Вероника пожала плечами и пошла мимо назойливой дамы, до начала уроков было не так много времени.

— Подожди, я тебе шоколадку дам. — Женщина раскрыла сумочку. — Хорошая, бери!

— Не надо, я не ем шоколад. — Нику смутил непонятный восторг во взгляде малознакомой женщины. Неужели она, в самом деле, верит в чудодейственность рисунка?

— Угостишь кого-нибудь. Возьми, пожалуйста, так хочется тебя хоть чем-то отблагодарить!

Ника положила в карман плитку шоколада и простилась с больничной соседкой. Почти у школы девочку нагнала одноклассница Соня Мухина, она видела сцену с навязанным подарком и полюбопытствовала:

— Привет, что это к тебе тётки на улице пристают? — кивнула на торчащий из кармана уголок, — шоколадки вручают.

— Эта тётка лежала в соседней палате со своей дочкой. Говорит, мой рисунок помог. У ребёнка живот не болит больше.

— Везёт, мне бы кто подарил хотя бы конфету...

— Забирай, — Ника протянула однокласснице шоколад.

— Нельзя. — Соня сглотнула слюну. — Я толстею от сладкого.

— Подумаешь, толстеет она! Ты же не балерина, которую мальчишки вверх подбрасывают. Вполне нормально выглядишь.

— У меня предрасположенность к полноте.

— Ешь по одной дольке в день, ничего не будет.

Соня забрала подарок, спрятала в портфель.

— Интересно, как твоя картинка девочку вылечила,

— Не знаю. Мама её сказала, всегда живот у Лильки болел, а с тех пор, как я гимнастку подарила, не болит.

— Волшебство?

— Какое ещё волшебство? Скажешь! Так, самовнушение. Бывают такие боли — придуманные, мне папа рассказывал: если о них не вспоминаешь, то и не болит. Вот Лилька смотрит на картинку и забывает про живот.

— А можешь мне нарисовать, чтобы я похудела чуть-чуть? — попросила одноклассница, не обратив внимания на Никины «научные» доводы.

— Брось ты!

— Я тебя очень-очень прошу, Никочка, миленькая! Только одну картинку, самую-самую малюсенькую, — голос Мухиной задрожал, — так хочется в джинсы, влезть, которые крёстная подарила. Тесноваты.

— Нарисую, — согласилась Вероника, — не жалко, да только дело-то не в этом. Ты ешь немного и часто, вот и не будешь вес набирать.

— Да я иногда целый день не ем!

— И так нельзя, организм пугается, когда его не кормят, и при каждом удобном случае жир откладывает. Нам диетолог объясняла.

— Ладно, только ты нарисуй мне гимнастку. Я тебе пятьдесят рублей дам! У меня есть. Или даже сто!

Вернувшись из школы, юная художница вспомнила о своём обещании. Она достала из папки наброски, сделанные на каникулах, выбрала из них один. Он больше остальных подходил Соне: танцевальный класс, балетный станок, зеркальная стена, а в ней отражение балерины в пачке и пуантах. Нарисованная балерина высоко подпрыгнула, будто вспорхнув на пол, и была похожа на снежный вихрь. Вероника взялась за карандаши, раскрасила пол, изобразила отражённые в зеркале лампы, они как далёкие звёзды окружали снежную балерину, в костюм которой рисовальщица щедро добавила серебряных блёсток.

Так началось Никино ремесло. Заполучив рисунок, где Вероника изобразила летящую балерину, Соня вытянулась и похорошела. Уже через месяц ребята дразнили её «моделью». Мухина, до умопомрачения довольная, разболтала подругам о чудесных свойствах работ Золотовой. Мигом разлетелась по классу новость о девочке, излеченной волшебной картинкой в больнице, и рассказ о том, как нарисованная балерина повлияла на формы Мухиной. Соня обеспечила художницу множеством заказов, она же надоумила ребят платить за чудо — иначе, мол, не подействует.

На переменках девочки то одна, то другая отводили Золотову в сторонку и шёпотом сообщали о сокровенных желаниях, которые Ника просто обязана исполнить. Потом потянулись и мальчишки, правда, они делали это, как бы играя по кем-то придуманным правилам, не то чтобы верили Никиной силе, а так, хотели вывести её на чистую воду. Вероника поначалу отшучивалась, убеждала одноклассников, что Сонька всё выдумала, но это возымело обратный эффект — Ника цену набивает. Вскоре она осознала невозможность избавиться от навязчивых заказчиков и принялась за работу. Золотко едва успевала выполнять просьбы одноклассников, посвящая им всё утро до школы. Хорошо, по вечерам папа проверял домашние задания, иначе ученица запустила бы учёбу. В конце года

многие школьники мечтали исправить отметки, покупные рисунки таинственным образом этому способствовали.

Под заработанные деньги рисовальщице пришлось приспособить шкатулку, которую бабушка подарила для медалей. Мама тогда шутила: ёмкость маловата. Медали сюда складывать не довелось, а для купюр вполне годится. Отведённая под копилку коробочка пополнялась мятыми сторублёвыми банкнотами. Вероника говорила себе: «Это тоже награда за труд». Помогают рисунки ребятам или нет, Нику не интересовало. Выполняла заказы, и всё. Ребята порой пытались поведать художнице о своих чаяньях, от обилия чужих желаний у Ники голова гудела. «Просите рисовать — рисую. Зачем вам это нужно, не моё дело, — говорила она, — я не волшебница и не колдунья». Школьники сердились, считали её хитрой, но просьбами по-прежнему одолевали. В общем, модная в подростковой среде художница объявилась.

Вернувшись из спортивного лагеря Кравченко хохотала от души, увидев какой «бизнес» подруга развернула в школе. Она даже советы Нике давала шуточные, мол, надо не просто отдавать рисунки, а пассы какие-нибудь руками делать, или заставлять ребят повторять за собой труднопроизносимые заклинания. Каждого заказчика новоявленной художницы Лариса встречала нарочито-загадочным видом, а провожала уморительной гримасой в спину. Ника только рада была бы, отделаться от «клиентов», и даже просила подругу помочь ей, объяснить одноклассникам наивность их надежд, но Лариса отмахивалась — разбирайтесь сами и только посмеивалась. Тем более что желания ребят странным образом исполнялись. Всё свободное время Ники уходило на рисунки, Кравченко упорно тренировалась, они даже не смогли поговорить о том, как жилось в спортивном лагере, так и не увидела Вероника приморских видов, отснятых Ларисой.

Четверть пролетела быстро. В прежнее время дни Золотовой Вероники заполняли тренировки или выступления, она почти не замечала бега времени. Теперь девочка рисовала, едва успевая выполнять запросы ребят, опомниться не успела, как закончился учебный год.

В июне пятиклассники проходили двухнедельную практику на пришкольном участке. Ребята сажали цветы под руководством учительницы биологии. У каждого класса своя клумба. Пропальвали, поливали, рыхлили. Получалось красиво, целые картины составили из цветов. Когда рассада принялась, расправила упругие листочки, сразу стало

понятно, как здорово будет здесь летом. Жильцы соседних домов заходили за школьную ограду, любовались клумбами и нахваливали работу учеников.

С наступлением каникул желаний у ребят меньше не стало, Вероника так и носила повсюду папку с рисунками. Девочки и мальчики одолевали Нику просьбами ВКонтакте, звонили по телефону, караулили в школьном дворе и около дома. Часто кто-нибудь из одноклассников приводил своего знакомого из другой школы. Рисовальщица едва справлялась, карандаши работали целыми днями. Малознакомые мальчишки и девчонки вызывались трудиться вместо Вероники на клумбе, лишь бы та в это время изобразила что-нибудь на альбомном листе. Однажды примостившуюся на лавочке Нику заметила Эльмира Альбертовна, руководившая практикой пятиклашек. Учительница подошла, присела рядом.

— Золотова, ты что бездельничаешь? Рисовать будешь дома, а здесь надо работать.

— Сейчас, я иду.

— Мы участвуем в конкурсе на лучшее оформление школьного двора. Хотелось бы выиграть его, разве нет?

Ника кивнула и уже хотела отложить рисунки, но учительница остановила её.

— Что тут у тебя?

Эльмира Альбертовна взяла папку, пролистав готовые работы. Прыгуны, хоккеисты и пловцы рвались к победе. Женщина сочувственно посмотрела на спортсменку, думая, что она скучает по тренировкам и отражает свою тоску на бумаге. Семиклассница, для которой Ника рисовала, подбежала к лавочке, испугавшись, что Эльмира Альбертовна заберёт рисунок, предназначенный ей.

— Штангист мой! Возьмите другого, пожалуйста.

— Зачем? — Удивлённо вскинула брови учительница, возвращая папку Веронике.

— Желания исполняются, — пояснила семиклассница, — у вас есть желания?

— Моё горячее желание видеть практикантов у клумбы. — Эльмира Альбертовна поднялась. — Ты зачем пришла, Семёнова? Ваш класс в июле работает, насколько я знаю.

— Вместо Ники. Она рисует, а я рыхлю.

— Безобразие, чтоб я этого больше не видела! Золотова, работать, а то день не отмечу. А ты забирай своего штангиста и быстренько домой!

Девочки послушались, но как только учительница ушла, к Нике подошёл младший братишка одной из одноклассниц и так упрашивал нарисовать ему непременно сёрфингиста, что художница вновь взялась за карандаши. Мальчик был единственным, кто не говорил о мечтах и желаниях, ему просто захотелось иметь рисунок как у сестры, и он обрадовался, увидев, что его картинка даже лучше. Несмотря на огромную нагрузку, Вероника выкроила время и без всякой просьбы нарисовала для Эльмиры Альбертовны синхронисток, изобразивших водный цветок. Когда Ника протянула ей свою работу, учительница поинтересовалась:

— Красиво. Ты учишься где-то? — она с удивлением разглядывала бирюзовую воду бассейна, розовые с золотыми прожилками костюмы девушек на рисунке.

— Раньше занималась у художника, когда маленькая была. Долго уже не рисовала, начала в больнице от нечего делать.

— Думаю, ты одарённая девочка, надо бы показаться профессионалам.

— Мне доктор давала телефон знакомой художницы в Доме детского творчества, но я не звонила.

— Почему?

— Когда вернусь к тренировкам, времени не будет. Зачем начинать, если бросишь.

— Я знакома с Инной Викторовной из Дома творчества, прекрасный педагог!

Эльмира Альбертовна замолчала, любуясь синхронистками. Она когда-то и сама занималась рисованием, ей нравилось, как Ника расположила фигуры, как сочетает цвета. Хорошо бы девочке выбрать живопись, а не спорт, но Эльмира Альбертовна не уговаривала, зная, сколько сил отдано гимнастике. Однако рисунок так понравился учительнице, что она сама зашла в Дом творчества и показала Никину работу художнице.

Глава 2

Летний отдых

Настоящие каникулы начинались в июле. Алевтина Сергеевна давно мечтала побывать в Испании. Хорошие знакомые каждый год арендовали виллу на побережье и приглашали составить им компанию. Муж маминой подруги — программист, ему незачем каждый день ездить на работу, он создавал и отлаживал программы дома, поддерживая связь с работодателем по электронной почте. Сама Зоя Александровна — учительница сольфеджио в музыкальной школе. Как только начинались каникулы, они всей семьёй отправлялись в Испанию и жили там два месяца, пока тёте Зое не надо было возвращаться в школу. В течение лета их навещали то одни, то другие приятели.

Раньше Ника проводила каникулы в спортивных лагерях, выбраться куда-то всей семьёй не получалось, родители отдыхали на даче. Теперь, когда организованные тренировки дочери сорвались, Золотовы с удовольствием откликнулись на приглашение Зои Александровны. Весь июнь готовились — оформляли визу, покупали билеты, собирали вещи. К сожалению, у Станислава Андреевича на работе случился аврал со сдачей проекта. Неудачно прошли испытания, надо было срочно переделывать опытный образец. Станислав Андреевич отказался ехать за границу, но уговорил жену и дочь отправляться без него. Вероника поначалу огорчилась, она хотела путешествовать вместе с папой и мамой, но делать нечего, работа есть работа. После долгих обсуждений Золотовы придумали: в августе Станислав Андреевич вместе с дочкой отдохнёт в Питере у бабушкиной сестры тёти Алисы. Ника не бывала в Санкт-Петербурге, но много слышала о нём от папы, который в детстве часто ездил туда. Посмотреть этот красивый город нужно обязательно, поэтому девочка решила, что так будет даже лучше.

В Испании Золотко вернулась к спорту. Мама поднимала её на утренние пробежки, проводила разминку. Алевтина Сергеевна выстраивала акробатическую программу дочери, вспоминая собственное спортивное детство. Мама поставила цель — вернуть дочке звание лучшей гимнастки города, поблажек Нике ждать не приходилось. Вероника занималась с удовольствием, мышцы болели, но голова не кружилась. Юная спортсменка под руководством домашнего тренера многое успевала до наступления жары. Все окрестные дорожки и тропинки познакомились с подошвами кроссовок двух русских гимнасток. Лавочки становились снарядами для укрепления пресса, турниками служили толстые ветви деревьев. Когда палящее солнце набирало силу, мама с дочкой прятались в

кондиционированном тренажёрном зале. Алевтина Сергеевна возвращала былую форму, Вероника восстанавливала навыки. Обе загорели, вдоволь плавали и в море, и в бассейне. Ника верила, что осенью приступит к тренировкам, а в следующем году вместе с Ларисой переведётся в спортивную школу-интернат.

Зарубежный отдых не ограничивался спортивными занятиями. Мамина подруга водила гостей по излюбленным местам. Посещали зоопарк, аттракционы, музеи, любовались улочками и площадями ближайших городов. Тётя Зоя утверждала, что только благодаря Золотовым ей удаётся вытащить на экскурсии сына. Супруг целыми днями занят своими программами, Игорек, глядя на отца, тоже предпочитает торчать у компьютера. «Мотаться по жаре» вместе с маминими знакомыми ему было не по душе, а вот компания Ники его вполне устроила.

Игорь — высокий стройный паренёк с выгоревшими на солнце и поэтому очень светлыми волосами, с пробивающимися тоже светлыми усиками и весёлыми карими глазами. Характер имел общительный, любил общее внимание. Его нескончаемые шутки частенько вызывали улыбки взрослых, что говорить о девочке, которая не умела так складно балагурить и поэтому восхищалась способностью Игоря делать это легко и непринуждённо. Ника, если позволяла обстановка, весело хохотала в ответ на остроумные замечания мальчика и с усилием сдерживалась в музеях и галереях, где надо было соблюдать тишину. Игорь нашёл в девочке благодарного зрителя, ему уже не так скучно было выполнять мамину культурную программу. Взрослые частенько делали ему замечания, просили попридержаться язык там, где его красноречие мешало другим людям, тогда он переходит на шёпот, вынуждая Нику зажимать рот ладонью и бесшумно трястись от смеха.

Их дружба нравилась обеим мамам. Игорь и Вероника были знакомы с самого раннего детства, но общались мало, ведь юная гимнастка была вечно занята. Теперь Зоя и Аля хитро перемигивались, глядя на детей. Ребята проводили вместе всё свободное от Никиных тренировок и общих экскурсий время. Игорь знакомил подружку с компьютерными программами. Здесь он был настоящий ас, ведь, как и папа мечтал стать программистом. Игорь владел самыми разными программами, особенно ему нравились архитектурные. Девочка многому у него научилась и теперь не боялась информатики, которую ей предстояло изучать в будущем году.

Ника, наконец, придумала, куда можно потратить заработанные на рисовании деньги: она купит планшетный компьютер, с ним появится возможность мультфильмы придумывать. На простенький уже хватало накоплений. Такой был у Игоря. Он научил Нику пользоваться, у неё хорошо получалось, Игорь даже злился. Он рисовал потешные комиксы, забавные мультики и считал себя мастером, но его персонажи выглядели не так убедительно, как у девочки.

— Будет у меня покруче аппарат, я покажу, что такое настоящие рисунки, — недовольно бурчал он, рассматривая результаты Никиных трудов.

Она не спорила. Игорь старше и чуть-чуть нравился ей. Забавно было наблюдать, как парнишка притворяется равнодушным к таланту соперницы.

Однажды ребята вышли прогуляться по невысоким холмам побережья, они подставляли лица пахнущему морскими глубинами бризу, наслаждались красочными видами. Мальчик считал подружку малявкой, удивлялся спортивному упорству и часто заводил разговор о четырнадцатилетней немочке из соседнего коттеджа. Особых достоинств у блёклой иностранки Вероника не заметила, но смирилась и с интересом приятеля к другой девочке, и с безответностью своих чувств. В конце концов, сердцу не прикажешь, ни своему, ни чужому.

Как-то прогуливаясь по прибрежным холмам, ребята забрались дальше обычного, уже хотели повернуть обратно, но услышали голоса. Игорь заинтересовался, прибавил шагу, Ника спешила за ним. Выйдя из-за кустов, они увидели на небольшой полянке немецких туристов. Тянуло ароматным дымком, кто-то над углями жарил на палочках сардельки, кто-то играл в мяч. Фройлен сидела с книгой.

— Жаль, я не знаю немецкого, — посетовал Игорь.

— Думаю, она по-английски прекрасно говорит, — предположила Ника.

— А вот я не прекрасно. У меня тройки.

Увидев соседей, белокурая девочка поднялась и подошла.

— Гуд ивнин, — продемонстрировал свои лингвистические способности Игорь. — Ви а рашн тьюрист. Вот из ё нейм?

— Я изучаю русский, — ответила блондинка, — рада иметь практику.

— Здорово! Я — Гоша, это — Ника.

— Моё имя Лиз.

Новая знакомая приглашающим жестом указала на раскладные кресла. Игорёк поспешно уселся и коротко кивнул Нике, опасаясь, что та не захочет остаться. Девочка послушно заняла место, она чувствовала себя неловко.

— Ты хороший спортсмен, — обратилась Лиз к Веронике, — я видела твой гимнастик.

— Спасибо, — не зная как реагировать на похвалу, ответила Ника.

— Она ещё рисует. — Игоря задел интерес немочки к подруге. — Пользуется успехом, по сотенке работы толкает.

Гневный взгляд Ники остановил болтуна. Историю своего творчества она рассказала Игорю под страшным секретом.

— Можно увидеть? — поинтересовалась Лиз, не замечая молчаливой перебранки новых знакомых.

— Я не привезла ничего, а здесь некогда рисовать. Надо много тренироваться.

— Ника головой ударилась, открылся талант. Её картины желания исполняют!

Игорь, нечаянно нарушивший обещание, вёл себя так, будто и не было никакого обещания.

— Попроси Нику нарисовать тебе. Платишь сотню, и желание исполняется.

Лиз не так хорошо владела русским, чтобы понять столь горячую речь, но кое-что уловила.

— У меня нет сто. Можно десять, маленький рисунок?

У Вероники даже дух перехватило от возмущения, она встала, холодно улыбнулась и сказала:

— Хорошо. До свидания.

Задетая предательством Игоря девочка резко повернулась и убежала, оставив товарища наедине с его «Джувьеттой»

Алевтина Сергеевна не разрешала Нике гулять одной. Увидев, как дочь бежит вдоль ограды, она вышла навстречу. Девочке пришлось объяснять, что Игорь встретил соседку и болтает с ней. Скучно их слушать, вот и вернулась без него. Пришёл черёд беспокоиться тёте Зое. Она ушла на поиски, а Ника села рисовать. Увлёклась, поняла, как скучала по бумаге и карандашам. На ум пришёл бег с барьерами. Атлет в прыжке. Левая нога согнута в колене, правая вытянута вперёд, размах рук, огромный номер на груди, взгляд устремлён на следующий барьер, символически обозначенное твёрдыми чёрточками лицо жёсткое, бледное, чем-то напоминает Лиз. Весь вечер раскрашивала. Дорожки, линии, полосатые барьеры, бровка, чуть виден зелёный газон. Подумала и обозначила красную финишную ленточку. «Пусть побеждает, это не мой вид спорта». Тщательно прорисовывая мелочи, девочка засиделась допоздна и выключила лампу, только когда услышала мамины шаги. Взрослые на веранде обсуждали завязавшуюся дружбу Игоря и Лиз, разошлись они после полуночи.

Когда рассвет прогнал чёрную ночь, Алевтина Сергеевна разбудила Нику. Пробегка! Дочка не выспалась, но не противоречила. Надо пользоваться утренней свежестью. Бежали молча, мама тоже с трудом прогнала сон, и добровольная обязанность давалась ей сегодня непросто. Вероника, вверив бумаге свои переживания, освободилась от них. За повод вернуться к рисованию она чувствовала симпатию к Лиз. Почему-то Ника не рисовала для себя. Истратив множество листов, девочка не имела ни одного альбома со своими работами. Где-то дома спрятана и забыта больничная гимнастка-бабочка. Лечащий врач Наталья Матвеевна, наблюдавшая Веронику после сотрясения мозга, строго-настроено наказала девочке отнести этот рисунок в Дом детского творчества. Там преподавала одноклассница доктора Инна Викторовна. Ника смущалась: одно дело показывать свою работу таким же ребятам, как она сама, другое — настоящему художнику. Здесь, на отдыхе, девочка забросила рисование, её в конце года утомила нескончаемая работа «на

продажу». Теперь, взявшись за карандаши и ощутив радость творчества, задумалась о словах Натальи Матвеевны.

Спортсменки расположились на излюбленной поляне. Механически повторяя за мамой упражнения, девочка размышляла. На тренировках она часто выслушивала критические замечания. Ольга Михайловна не стеснялась в выражениях, «корова» — не самое обидное из них. Это было привычным, с раннего детства девчушка утраивала старания, дабы тренер не повышала голос, и даже не надеялась добиться похвалы, лишь бы не ругали.

— О чём думаешь? — спросила мама, заметив рассеянность дочки, — не стараешься!

Вероника отогнала посторонние мысли. Первым делом — гимнастика, остальное потом. После завтрака мама с тётёй Зоей собрались на пляж, Вероника тоже захотела искупаться. Игорь, предпочитавший свободное от мам времяпрепровождение, напомнил ей:

— Ты обещала рисунок для Лиз.

— Нарисовала.

— Так быстро? Покажи.

— Тебе? — с вызовом спросила Ника, обида на Игоря ещё не исчезла. Девочка побежала догонять взрослых, нетерпеливо покрикивающих ей из-за калитки.

Мальчик не обратил внимания на тон подружки, поспешил к своей фройлен сообщать, что картина для неё готова. Лиз встретила его приветливо. Выслушав, уточнила:

— Ты только рисунок хочешь сказать?

Игорь смутился.

— Ещё я хочу погулять с симпатичной девушкой.

Лиз улыбнулась:

— Не надо румянить щёки, я шучу. Пойдём гулять.

— Очень сложно выражаешься, надо говорить: «не красней». Румянят щёки только модницы.

— Спасибо, замечай мне, это полезно.

— Ладно, буду замечать, — засмеялся Игорёк.

Новые знакомые прогулялись и пришли ждать художницу на веранду дома, где жили русские туристы. Разговаривали, Гоша даже выучил несколько немецких фраз. Едва Алевтина Сергеевна открыла калитку, пропуская дочь, Лиз вышла их встречать.

— Сейчас принесу, — заторопилась Ника.

— Можно посмотреть твоя комната?

— Пойдём. — Вероника с удовольствием отметила вытянувшееся лицо Игоря.

Девочки поднялись на второй этаж. Немочка окинула взглядом типовую обстановку. Её ожидания оправдались.

— Здесь похоже... на твоя комната дома?

— Не похоже, — отрицательно повертела головой Ника и достала рисунок.

— Там есть картины?

— Мои? — удивилась художница. — Нет, я не храню.

Лиз взяла работу, долго смотрела.

— Ты есть талант!

Она протянула Нике двадцать евро.

— Зачем? Не надо, это подарок!

— Пожалуйста! Я не верю желания, Гоша шутит. Мне нравится картина. Надо смотреть и знать: работа, терпение, потратить силы, будет победа.

— Ты отлично говоришь по-русски.

— Гоша тоже сказал так, — улыбнулась Лиз, — русская жена дяди помогает мне.

— Здорово. Я английский учу со второго класса.

— Мы английский со второго, русский с пятый. Возьми деньги, мой папа разрешил платить. — Лиз положила банкноту на тумбочку. — Я рада иметь эту память про Испания. Напиши имя.

Ника вывела: «Золотова»

— Золотко — это медаль за первое место, так?

— Золотко меня в детском саду звали из-за фамилии. А медаль золотая.

— Фамилия победы!

— «Золотовой вручается серебряная медаль» — звучит не очень, — согласилась Вероника.

Девочки расстались подружками. На следующее утро Игорь, побывавший накануне в гостях у соседей, рассказывал, как немцы приняли рисунок. Неплохо знающий историю живописи отец Лиз предрёк юной художнице большое будущее.

— Прикинь, они думают, дёшево купили твой шедевр! — веселился мальчик. — Двадцать евро за каляки-маляки! В чудеса не верят, желаний не стали загадывать, так и не смог их убедить.

Ребята сидели около бассейна. Наплавались, набрызгались, чуть не утопили друг друга. Теперь, по просьбе родителей, отдыхали на скамейке-качалке. Вероника слушала разглагольствования друга.

— Признайся честно, придумала про исполнения желаний?

Девочка кивнула.

— Зачем? Выставила меня дураком! Я всем доказываю! — Игорь стучал кулаком по коленке. — Врать стыдно! Родители не учили? Как тебе в голову пришло, что рисунки желанья исполняют?

— Одноклассники так думают. Рисую, когда просят, ничего не обещаю.

— Стали бы они покупать твою мазню, если б не ждали чуда.

— Лиз купила, хотя не ждёт.

Игорь смотрел в сторону. Досадно, что повёлся на девчачьи рассказы, хорошо ещё не успел попросить у неё рисунок. Вон, немцы сразу раскусили. Тоже мне, волшебница!

— Врушка.

Вероника сползла со скамейки.

— Трепло! Обещал никому не говорить. Я с тобой, как с другом, поделилась, а ты...

Девочка разбежалась и нырнула в бассейн. Игорь тоже вскочил.

— Спасибо скажи! Двадцать евро заработала благодаря мне.

— Разве ты рисовал? Просто завидуешь.

Игорь не успел ответить, Вероника подняла столько брызг своим кролем, что мальчик потерял дар речи. Хотелось прыгнуть в воду бомбочкой, взволновать водную гладь, догнать эту вредину, но он сдержался. Натянул шорты, майку и побрёл к соседнему коттеджу.

Три дня ребята дулись друг на друга. Вероника усилила тренировки, Игорь бегал за фройлен. Алевтина Сергеевна, заметив грустные глаза дочери, пробовала с ней пооткровенничать, однако предположения о причинах замкнутости не подтвердились. Веронике всё нравится, она не устаёт, не скучает, не обижается, чувствует себя хорошо. Алевтина Сергеевна упокоилась — с девочкой полный порядок, а тоска напала из-за подросткового возраста. У Игоря другая крайность, приступ показного веселья. Шутил,

рассказывал анекдоты, зачитывал вслух отрывки из какой-то юмористической книжицы. Настроение мальчишки соответствовало общей радости от яркой природы, близости моря, свободного времени и ощущения здоровья. Нике было одиноко. Взрослые отводили взгляд от её кислой физиономии, а Игорь поглядывал торжествующе. Избегая его общества, девочка подолгу оставалась в тренажёрном зале, вспоминала отрывки акробатической программы. Прошлой зимой готовила её к первенству, да так и не показала. Она гимнастка и станет чемпионкой, а он... пусть за Лизкой гоняется — немецкий прихвостень!

Поездка в музей Сальвадора Дали, запланированная тётёй Зоей, срывалась. Игорь наотрез отказался, заявив, что он уже был там, и второй раз его в этот сумасшедший дом никто не заманит. Ника, услышав такое «авторитетное» мнение, тоже засомневалась, а без неё и Алевтина Сергеевна не могла ехать.

— Побывать в Испании и не заглянуть в страну Сальвадора Дали — преступление! — горячилась Зоя Александровна, — Алечка! Ника! Поверьте, это невероятное место, самое яркое моё впечатление от Испании. Обожаю этот музей.

— Я, честно говоря, не поклонница творчества Дали, — призналась Алевтина Сергеевна, Стасик наверняка бы загорелся, но мне, если Ника не хочет, лучше не ездить.

— Ника, дорогая, выручай! — обернулась к девочке тётя Зоя, — я так хочу ещё раз там побывать, а моих «ретроградов» не вытащишь. Этот музей поистине потрясающий, но чтобы посмотреть все экспонаты, необходимо раза три съездить, за один на все просто не хватает сил. Дали требует осмысления, работы настолько экспрессивны, что тяжело их воспринять и проанализировать без подготовки.

— Мы не успеем три раза съездить, — растерялась Ника, нам скоро домой!

Тётя Зоя засмеялась:

— Будет повод побывать в Испании ещё и ещё! Поехали, Ника, папе расскажешь, он порадует за тебя.

— Хорошо, — согласилась девочка и заметила, как повеселел Игорь.

Подумалось, что приятель, отлынивая от поездки, надеялся пообщаться со своей немецкой подругой, пока мама с тётёй Алей и Никой путешествуют. Обида, которая уже

отпускала, всколыхнулась опять. Девочка села в машину в скверном настроении. Пусть бы Гоша был равнодушен к ней, но считать её помехой? Это уже слишком. Будто она навязала ему свою компанию!

Всю дорогу Зоя Александровна просвещала подругу, воодушевлённо расписывая достоинства самого Дали и его страны.

— В Фигерасе отличный музей Дали, никакого сравнения с парижским, например, и только из-за этого туда стоит ехать, да и так, миленький старинный городок! На мой взгляд, этот дом-музей сейчас главная достопримечательность Испании.

— Хорошо-хорошо, дорогая, мы уже едем, не волнуйся так, — с улыбкой говорила Алевтина Сергеевна.

— Пойми, Алечка, я должна вас подготовить, поэтому и рассказываю.

— Ладно, рассказывай.

— Музей в здании бывшего муниципального театра. Его, кажется, построили в тысяча восемьсот сорок девятом году. Молодой каталонский архитектор Перес Пиньеро сделал проект реконструкции. Дали просил оставить фасад, но изменить интерьер. Потолок стал куполообразным витражом, — изобразила пальцами большой шар рассказчица, — на него ушло больше двух тысяч разноцветных треугольных стёкол. Изнутри музей похож на лабиринт разных по размеру темных комнат, по ним можно кружить до бесконечности.

— Надеюсь, мы с Никой всё увидим собственными глазами. Хотя кружить до бесконечности я не готова.

— Конечно, увидите. Я просто хочу вас предупредить: в любом предмете, в любом уголке есть маленький сюрприз, будто ты в сказке. Дали был очень разносторонним и в каждую частичку этого музея он вложил что-то своё.

Зоя Александровна делилась своими впечатлениями от музея и творчества великого мастера мистификаций, а Ника разглядывала симпатичные виды, мелькавшие за окошком автомобиля. Она уже не думала о Гоше и Лиз, вспомнила папу, жалела, что он не с ними, ведь мама сказала, ему было бы интересно побывать в «Стране Сальвадора Дали».

Несмотря на старания Зои Александровны, Вероника оказалась совершенно неподготовленной к посещению сюрреалистичного мира Дали. Необычное сооружение её поразило сразу.

— А зачем на крыше эти огромные куриные яйца? — спросила она тётю Зою.

— У Дали огромная любовь к яйцам и хлебу. Он ещё носил шляпу-батон и считал яйца и хлеб самой здоровой пищей.

— Гигантские какие, — удивилась Алевтина Сергеевна.

— Высотой почти три метра, а диаметром чуть меньше двух.

— Ничего себе, вот будет грохоту, если свалятся, — хмыкнула Ника.

— погоди, посмотришь, что дальше, — тётя Зоя потянула девочку за руку, — пойдём-пойдём!

Экскурсантки долго бродили по залам, внутренним дворикам, тёмным переходам. Порой, мама охала и торопилась прикрыть глаза Ники ладонью, возмущаясь:

— Но вот это уж бесстыдство.

— Искусство, Алечка! Индивидуальный взгляд на мир. Гений раздвигает привычные рамки! — спорила с ней Зоя Александровна.

— Сколько ж курить надо, чтобы всё это создать, — не соглашалась с подругой Алевтина Сергеевна, — это за гранью моего понимания.

Вероника слушала обеих женщин и готова была согласиться с каждой. Ярая поклонница творчества Дали утверждала, что этот уникальный человек внёс огромный вклад в искусство и сотворил действительно невообразимые вещи, а музей-театр яркое доказательство тому. Этим словам девочка верила, ведь и её поражала безудержная фантазия маэстро. Но многого она не понимала, кое-что вызывало у неё отторжение, поэтому Ника была благодарна маме, когда та защищала её глаза от чего-то совсем уж непривлекательного.

Палитра впечатлений была настолько разнообразной, что Ника не всегда могла ответить на повторяющийся время от времени вопрос тёти Зои:

— Нравится?

Девочка пожимала плечами и говорила:

— Интересно.

Понравилось Нике «дождливое такси», около него толпилось много народу. Дети развлекались, бросая монетку в специальное отверстие в ожидании, что из кадиллака брызнет вода. Ещё произвело впечатление лицо актрисы Мэй Уэст, сложенное из различных предметов в отдельном зале. Вероника несколько раз заглядывала в специальную линзу, стараясь понять, как из разрозненных вещей складывается улыбающееся лицо. Ей даже захотелось поваляться на конфетно-розовом диванчике, изображавшем губы.

Уставшие возвращались они домой. Молчали. Подкрались сумерки. Проголодавшиеся путешественницы по пути заглянули в кафе, расположившееся в уютном уголке узкой улочки. Был тёплый приятный вечер. Неподалёку звучала гитара, несколько голосов пели на незнакомом языке. Очень красиво.

— Что-то не пойму, это артисты? — спросила подругу Алевтина Сергеевна.

— Нет, простые люди, они по вечерам собираются на улицах, общаются.

— Как? Послушай, играют профессионально просто виртуозы!

— Да. Вот такие они, испанцы. Бесподобно играют на гитаре, танцуют, поют, и всё это радостно и простодушно. Много раз видела, а восхищаться не устаю.

Вероника слушала красивые мужские голоса, быстрые переливы аккомпанемента. Ей было очень хорошо. Должно быть, счастливы люди, способные вот так душевно петь прямо на улице, оставив дневные заботы где-то за границей сознания. Она ощутила потребность в мире и спокойствии, хорошо бы позабыть обиды, полюбить всех-всех людей и ни на кого не сердиться. Думала о Гоше. Зря он с ними не поехал.

Помирила ребят Лиз. Соседи отправлялись в Германию, их отпуск окончился. Накануне отъезда немцы устроили пикник, куда пригласили Игоря и Веронику. Оказавшись среди незнакомых взрослых людей, Ника невольно держалась товарища, а он опекал её, показывая своё великодушие. Лиз вела себя тактично, уделяя внимание обоим гостям. Её тётя была родом из Харькова, она с интересом расспрашивала о жизни в России, о школе, о гимнастике. Удивилась, узнав, что Вероника занимается в бесплатной секции:

— Надо же! Я думала, теперь всё на коммерческой основе.

— Много платных групп, но если тебя считают перспективной спортсменкой, то не надо денег.

— Значит, ты перспективная? — улыбнулась женщина, — ладно, не смущайся. Просто мы тебя художницей числили, а ты, оказывается, спортсменка.

— Тётя Мария тоже занималась спортом, — пояснила Лиз, — а теперь она тренирует маленьких фигуристов.

— Да, были времена, — улыбнулась женщина, — спорт это хорошо, но рисовать не бросай. Деверь признал в тебе талант.

— Трудно всё успеть.

— А братишка твой не рисует?

— Кто? — удивилась Ника.

— Гоша.

До этого дня соседи принимали Веронику за сестру Игоря и были удивлены, узнав, что они вовсе и не родня. Ника сказала, что была бы рада иметь такого брата. Она это сделала специально. Пусть мальчишка не воображает, будто она в него влюблена. Наблюдая, какими глазами Игорёк смотрит на Лиз, она старалась убедить себя, что интерес к мальчику прошёл. Лиз грустила, скоро в школу. Ей нравится учиться, но кто не любит отдыхать? У русских ребят ещё больше месяца каникул впереди.

Пикник был тщательно продуман. Во что-то играли, устроили какие-то смешные эстафеты. На прощанье Игорю подарили ежедневник в бордовом переплёте, а Нике небольшой пейзаж в скромной раме. Папа Лиз художник-любитель, он пишет акварели для родных и друзей. Пейзаж девочке понравился, она узнала изображённое на картине место, где часто делала разминку. Обменялись электронными адресами. Обещали присылать фотографии, делиться впечатлениями.

На следующий день ещё до рассвета соседний коттедж опустел, работники клининговой фирмы наводили в нём чистоту, готовили к приезду новых туристов. Игорь ходил с унылым видом, не расставался с подарком. Скоро все заметили, как мальчик записывает что-то в ежедневник. Сначала думали, завёл дневник, но со временем поняли — поэзия. Взрослые делали вид, что не обращают внимания. К подростковой лирике все относятся бережно — с каждым такое случалось, и каждый знает, как неловко быть пойманным. А Веронику мучило любопытство. Перемена, произошедшая в Игоре после отъезда Лиз, потрясла девочку, она окончательно забыла о своей былой симпатии к мальчику. Как мог весёлый, заводной парнишка, шалопай и приколист превратиться в задумчивого философа — этакий Пьеро вместо Буратино. Ника просила Игоря дать ей посмотреть ежедневник, но мальчик даже «одним глазком взглянуть» не разрешал. Он купил подходящую по размеру сумочку с длинным ремешком, носил её через плечо, пряча туда свои тайны.

Случай представился, когда юного поэта увезли в больницу. У него разболелся живот. Испугавшись аппендицита, отец поехал показать сына доктору. Мать осталась провожать подругу. Алевтина Сергеевна торопилась на работу, они с Вероникой улетали. Женщины укладывали вещи, о чём-то толковали, плакали даже, а девочка бродила по дому, по двору, вокруг бассейна, прощаясь с любимившимся местом. Было грустно уезжать без Игоря. Вспоминались их ссоры, доверительные беседы, дружба с Лиз. Присев на скамейку, она заметила ежедневник. Точно, мальчик был здесь, когда скрутило живот. Так и оставил свою заветную книжку. Вероника взяла её в руки, открыла.

Навсегда понравились веснушки золотые
И красивые глаза нежно-голубые.
Голос твой, пусть в нём металл,
Жаль, что я несмел.
Я б тебя нарисовал,

Если бы умел.

Этого нельзя делать, зачем она прочла! Словно обжѣвшись, Ника выронила ежедневник и убежала в дом. Чувствовала себя преступницей. Ни о чём думать не могла, в голову стучались Гошины строки. Понятно, посвящены они Лиз, но Веронике казалось, что кто-то неведомый, не Игорь, а другой, обращается к ней этими словами. Веснушек, ни золотых, ни серебряных, Ника не имела, а глаза у неё были ярке, васильковые. Из-за этого малознакомые люди часто путались и назвали её не Вероникой, а Василисой. Но не слова важны, а чувства, вложенные юным поэтом в его посвящение. Подавить возникшее из-за проникновения в чужую тайну ощущение неловкости спортсменка решила привычным способом — побежала к тренажёрам. Физические нагрузки помогали девочке справляться с эмоциями.

Алевтина Сергеевна нашла дочь в тренажёрном зале. Сейчас не время тренироваться! С минуты на минуту уезжать! Вероника, подчинившись маминой настойчивой просьбе, пошла в комнату, проверила свои вещи. Присели на дорожку. У калитки ждала машина такси. Зоя Александровна поцеловала Нику на прощанье:

— Что-нибудь передать Игорю?

— Можно я ему записку напишу?

— Словам не доверяешь? Что-то личное? — лукаво спросила тётя Зоя.

Женщины переглянулись, Никина мама достала из сумки листочек и ручку:

— Время есть, пусть пишет.

Девочка отошла в сторонку и, примостившись на перилах, вывела следующее: «Извини, Игорь, я прочла твоё стихотворение, только одно. Мне очень понравилось. Не понимаю, как люди становятся поэтами. Ника» Она свернула лист и отдала Гошиной маме. Та с улыбкой потрепала её по щеке, поцеловала в макушку и проводила до калитки. Таксист успел сложить вещи в багажник. Алевтина Сергеевна с Вероникой сели в машину и оставили в прошлом свой испанский отдых.

Глава 3

В Питере

Папа заждался своих «девочек». Встреча была радостной, с долгими красочными рассказами. Алевтина Сергеевна, хвастая загаром и восхитительной фигурой, говорила о многочасовых тренировках и сожалела, что супруг всё это время просидел в городской духоте.

— Вижу-вижу, — смеялся Станислав Андреевич, — ты так похорошела! Гламурные журналы передерутся за право напечатать твоё фото.

— Я вовсе не о себе, — хитро шурилась супруга, — Вероника вернула форму, это главное. В Питере не ленитесь, ей нужно продолжать тренировки!

— Посмотрим. Да, Золотко? — обернулся он к дочери.

— А мы в музей Сальвадора Дали ездили, — невпопад сказала Ника.

— Что ты говоришь! Как же мама отважилась на такой подвиг?

— Да это всё Зоя! — пояснила Алевтина Сергеевна, — она фанатка Дали, мне бы в голову не пришло любоваться на воплощённый бред.

— Ну, и как впечатление?

— Гением я этого человека не назову, но побывать там и лично познакомиться с его творениями можно, раз уж занесла судьба в эти места.

— Строга!

— Знаешь, Стас, не люблю, когда художник намеренно ищет способ соригинальничать. Лишь бы шокировать, поразить. Всё только ради этого. Никакой философии я не увидела за его фокусами.

— Почему-то меня это не удивляет. А тебе, дочка, понравилось?

— Да, — неуверенно сказала Ника, — не всё... Много понравилось. Необычно. Он большой фантазёр. Тётя Зоя говорит...

— Вот-вот, — перебила её мама, — тётя Зоя все уши девочке прожужжала этим Дали. С тобой, Стасик, она бы нашла общий язык, зря ты не поехал.

— Что ж, как-нибудь в другой раз. А пока мы с дочкой окунёмся в понятное искусство. Побродим по Русскому музею, по Эрмитажу.

— Найдите время съездить в Пенаты, — предложила Алевтина Сергеевна, — дом Репина я сама хотела посетить, да пока не получается.

— Хорошо. Я там был лет двадцать назад, посмотрим, какие произошли изменения.

***

Работу Станислав Андреевич успешно завершил, и теперь он в отпуске. Билеты на поезд куплены, через три дня начнётся новое путешествие. Вероника не стала звонить подругам, наверняка все разъехались. Посмотрела электронную почту. Пришло письмо от немочки, в нём фотографии с пикника. На снимках восторженный Игорь, удивлённая Ника, непроницаемая Лиз. Стало немного грустно. Всё-таки жаль, что эта поездка уже в прошлом. Так много новых впечатлений! Будет что рассказать Ларисе. Конечно, с девочками из секции тоже было здорово отдыхать, Ольга Михайловна умудрялась вывозить подопечных в музеи, на экскурсии. Но как-то это всё было однообразно, дисциплинированно, что ли. Здесь же Ника общалась с новыми людьми, строила непривычные отношения. Это сложнее, но интереснее.

Надо было ответить Лиз, поблагодарить за фотки. Вероника не знала, что сообщать зарубежной знакомой, недавно расстались. Прицепила свою фотографию с каких-то соревнований, в тексте письма похвастала предстоящей поездкой в Санкт-Петербург к родственникам. Тем же вечером Лиз откликнулась, советовала делать зарисовки достопримечательностей. Немочка уже бывала в Питере, ей нравилась архитектура города, прозванного культурной столицей.

Вероника впервые посетила Петербург, город поразил её величием, особым достоинством. Папа, часто бывавший здесь в пору юности, ругал перемены. Тогда родственники жили в центре, в огромной коммуналке, где комната имела антресоли, позволяющие не очень крупному человеку выпрямиться во весь рост. Там стояла кушетка, рядом тумбочка с настольной лампой, висела полка с книгами. Это называли кельей. Стасик подолгу жил там, когда гостил у тёти Лисы и дяди Юры. Своих детей они не имели

и с удовольствием приглашали племянников на каникулы. Коммуналку расселили. Из комнаты с высокими потолками пришлось переехать в малогабаритную однушку на окраине города. Привычка принимать гостей осталась. Дядя Юра застеклил балкон. Там ставили раскладушку, и спать летом на ней было даже лучше, чем в квартире. Однако приезжать к родственникам с женой и дочкой было неудобно, маловато места для стольких гостей, поэтому Станислав Андреевич давно не был у тётки Алисы, общались по телефону и письмами. Когда не стало дорогого Юрочки, тётушка особенно нуждалась в поддержке.

Полтора года прошло после смерти Юрия Алексеевича. Тётя Лиса тосковала по ушедшему супругу, частенько вела разговоры о своей задержке на этом свете. Веронику такие слова удивляли и пугали, она не понимала, как человек всерьёз может мечтать о смерти. Девочка думала, что тётя Лиса шутит, чуть-чуть притворяется, хотя печальное лицо и блеск влажных глаз говорили о другом.

Единственное что удерживало тётушку в этой жизни, по её словам, был пёс неизвестной породы по кличке Борюсик. Принёс его в дом ещё до своей болезни дядя Юра. Он и возился с собачкой, пока не слёг. Теперь эта обязанность по наследству досталась супруге. Забота о питомце не всегда легко давалась, и тётя Лиса частенько ворчала, называя пёсика «моя обуза».

Приученная к ранним подъёмам, Вероника вызвалась гулять с Борюсиком. Одну её не отпускали, да и тётушке не спалось по утрам. Выходили они во двор втроём. Измученный многочасовой ходьбой по музеям, скверам, проспектам и набережным папа досматривал сны. Борюсик безудержно радовался новой компании, они с Никой бегали наперегонки, потом девочка делала зарядку, а пёс уморительно прыгал вокруг, подражая упражнениям. Тётя Лиса сидела на скамейке, посматривая на «молодёжь», разгадывала кроссворд.

Папе доставалось от мамы за его утренний сон, каждый разговор по скайпу сводился к упрекам. Сама Алевтина столько усилий потратила на восстановление спортивной формы дочери, а отец спит сном праведника, когда Ника якобы совершает пробежки.

— Мало ли кто может оказаться во дворе! Какие-нибудь хулиганы пристанут, а девочка одна!

— С ней тётя Лиса, Борюсик! И откуда взяться хулиганам в шесть утра? — возражал Станислав Андреевич. Но мама всё-таки была недовольна, она не верила в бойцовские качества пожилой женщины и собаки.

Папин план спортивной подготовки сводился к пешим прогулкам. Ему и этого хватало — мышцы болели с непривычки. До стадиона Станислав Андреевич с Никой так и не добрались, забывая настойчивые требования Алевтины Сергеевны сразу после выключения компьютера. У папы находились свои предпочтения. В Питере он будто превратился в подростка, ему хотелось очутиться везде, где проводил время тогда. Часто бродили по Васильевскому острову. Здесь, по мнению папы, каждое здание можно рассматривать бесконечно. Несколько раз гуляли в Летнем саду. С тех пор как Станислав Андреевич бывал там, многое изменилось, но всё-таки ему понравилось.

— Н-да, копии есть копии, — говорил он, рассматривая многочисленные скульптуры, — что делать! Сохранить подлинники в наших климатических условиях сложно.

— А мне нравятся эти скульптуры, — спорила Ника, — вот-вот оживут, посмотри!

— Как же запах времён? Энергетика автора? — улыбнулся папа, — хотя, соглашусь, выглядит нарядно. Настоящие произведения пусть хранятся в музеях, а здесь и так приятно гулять. Народу только многовато. В жару всех тянет к зелени и воде.

— Мне люди не мешают, даже интересно в компании посидеть у фонтана. — Ника потрогала пальчиками бьющую струю воды. — Они мне так нравятся!

— Погоди ещё, что скажешь в Петергофе! — Станислав Андреевич подумал, поглядывая вокруг, и кивнул, — пожалуй, ты права. Люди здесь спокойные, уравновешенные, рядом с ними неплохо, а если хочешь спрятаться, полно других путей, где никто не гуляет.

— Ага! Классно придумали огораживать тропы. Траву и деревья сквозь решётку видно, а соседние дорожки и гуляющих людей не разглядишь.

— И газоны никто не топчет. Культурное место, достойное Питера.

Ещё одно культурное место, достойное Питера, посетили — Русский музей. За день до этого съездили в Пенаты, как мама рекомендовала. Место удивительное. «Пенатами» назвал его художник Илья Репин, он сам перестраивал финский домик, добавил второй этаж — огромную мастерскую с застеклённой крышей, балкон, где спал зимой и летом, веранду. Жилище Репина не похоже ни на одно здание, которое Нике приходилось видеть. Экскурсия по музею была интересной. Эти места после революции оказались на территории Финляндии, но художник так и не принял финское гражданство, оставаясь до самой смерти верным родине. Завещал он свои Пенаты российской академии художеств, но это завещание не имело силы до тех пор, пока земли не вошли в состав Советского Союза. Произошло это через несколько лет после смерти художника. Жизнь Репина не была лёгкой, все его сбережения после революции сгорели в лопнувших банках. Пришлось и голодать, и мёрзнуть. Зимой работал в шапке и пальто, невозможно было протопить весь дом, в мастерской было так же холодно, как на улице. На последнем автопортрете Илья Ефимович изобразил себя в верхней одежде. Работал художник до последних дней. Когда отказала правая рука, взял кисть в левую, ему пришлось изобрести специальную палитру, которая крепилась на поясе.

После экскурсии по дому Репина Ника с папой гуляли в парке, затем сходили на берег финского залива. Погода стояла чудесная. Песок, высоченные сосны, морской воздух, ласковое солнце... Не хотелось уезжать. Девочка забралась на большой валун, Станислав Андреевич стал её фотографировать.

— Изобрази что-нибудь, Золотко, — попросил.

Вероника сделала ласточку, потом встала на мостик. Папа похвалил:

— Отлично! — сейчас маме снимок отправлю, пусть не говорит, что ты не тренируешься.

Ника засмеялась, прыгивая с камня.

— Тоже мне тренировка, — и добавила серьёзнее, — давай, ещё отправим Лиз в Германию. Она просила меня присылать ей фотки.

Девочка побегала по песчаному пляжу, прошлась колесом, сделала сальто. Проходившие мимо люди зааплодировали. Эх! Соскучилась по гимнастике! Купаться не решились, вода всё-таки холодная, не хватало простудиться.

На следующий день обещанная экскурсия в Русский музей. От красивого здания веяло спокойствием, торжественностью. Без суеты, без лишних волнений зашли, взяли папе билет. Школьникам бесплатно. Не торопясь, переходили из зала в зал, разглядывая портреты. Далёкие по времени люди смотрели с полотен. «Как их лица не похожи на нынешние», — думала девочка. В зале, где висели картины великого мариниста Айвазовского, задержались надолго. Ника села на лавочку и разглядывала волны, небо, удивительную игру света. Захотелось к морю, вдохнуть солёный воздух, вслушаться в шум прибоя.

Встречая картины Репина, Ника радовалась им как старым знакомым. Не только потому, что неоднократно видела репродукции, она чувствовала их связь с тем местом, где побывала вчера, полотна Ильи Ефимовича были ей чуть-чуть родными. Многие другие картины ей тоже нравились, и не только картины, девочка с удовольствием рассматривала рисунки, заботливо спрятанные под бархатные покрывальца. Эх! Если бы и ей так научиться рисовать! Какие интересные бытовые сюжеты и выразительные лица находили старинные художники, как тщательно всё прорисовано! Невозможно поверить, что это карандаш.

— Мне до этих рисунков очень далеко, — огорчённо сказала девочка папе.

— Какие твои годы, — он ласково потрепал её плечо, — научись!

Русский музей Нике понравился даже больше чем Эрмитаж, где, во-первых, стояли около двух часов в очереди, во-вторых, в залах столько народу, что люди чуть не сталкивались друг с другом. Много было туристов из Китая, итальянцы тоже встречались, французы. Наверное, были и другие, но Ника их не распознала. Дворец поражал великолепием, праздничностью. Экспонатов просто невообразимое множество. Три часа ходили, так всё и не осмотрели. Станислав Андреевич назвал экскурсию ознакомительной.

— По-хорошему надо посвящать визит одной выбранной теме, наша пробежка мало чего путного в голове оставит, — сказал он, когда выбрались, наконец, на Дворцовую площадь, потом спросил, — ну, Золотко, признайся, что тебе понравилось больше всего?

— Больше всего? — Ника задумалась. Что сказать? После небольшой паузы засмеялась, — больше всего вид из окна понравился. Набережная, река, мост, Петропавловская крепость. Если бы ты меня не утащил оттуда, так до сих пор и стояла.

— А! Воображала себя принцессой?

— Вроде того.

***

Исаакиевский и Казанский соборы, Петергоф... Впечатлений Вероника получила больше, чем в Испании, хотя они с папой договорились не расстраивать маму такой новостью. Помня совет немецкой подруги, Ника делала зарисовки памятников, мостов, зданий. Медный всадник, пожалуй, получился неплохо, кое-какие скульптуры в Летнем саду удались, да ещё каменный лев. Юной художнице куда больше нравилось рисовать людей, причём не статичных, а в движении. Незадолго до отъезда Станислав Андреевич показал рисунки дочери тётке Алисе. Та просила оставить ей на память «Медного всадника» или льва, эти понравились больше других. Девочка, к общему удивлению, заупрямилась.

— Ты же рисуешь для подруг, — уговаривал её папа, пока старушка была на кухне, — почему не хочешь оставить тётушке хотя бы один рисунок? Как тебе не стыдно!

Веронике было стыдно, но ещё сильнее ей было страшно. Раньше девочка не обращала внимания на поверья одноклассников, но сейчас испугалась: а вдруг из-за этого льва или всадника желание тёти Алисы исполнится и она отправится к дяде Юре на тот свет? Сказать это папе она не могла, поэтому смотрела в пол и отмалчивалась.

— Стасик, оставь ребёнка в покое, — весело сказала тётя Лиса, вернувшись с кухни. — Никуша дома нарисует и пришлёт мне в письме. Правда, детка?

Ника закивала, а тётушка продолжила:

— Критическое отношение к себе — это хорошо. Не хочет оставлять на память неудачные, на её взгляд, работы.

Папа хмурился, ему бы в одиннадцать лет и в голову не пришло отказать в просьбе тётке Лисе. Он даже хотел потихоньку от дочери вытащить из папки «Медного всадника», но тётушка остановила его:

— У девочки есть причины, даже если они никому не известны. Давай уважать её решение. Да, вот что. Я бы советовала вам съездить к Нонне. Она огорчится, узнав, что ты был здесь и не навестил её. Никины работы покажи, Нонна реставратор, рисунок изучала.

— Даже не знаю, стоит ли? Не виделись с детства, и не переписывались.

— Дело твоё, — старушка ненадолго задумалась, потом спросила, — до сих пор неловко, что ты пренебрёг её чувствами? Мы все ждали вашего союза. Понимаю, она у нас пышка...

— Тётя Лиса!

— Нонна вышла замуж два года назад. Встретила какого-то проходимца. Фотограф. Видимо, счастлива... можешь своё чувство вины позабыть.

— Думаешь, Нонна, как посторонний человек, объективно оценит способности Вероники?

— Вот уже и посторонний! Ай-яй-яй, Стасик! Такие были друзья: водой не разольёшь! Неужели не интересно повидаться? За столько дней и не позвонил даже. Совсем забыл.

— Как я мог забыть? Мы с Никушей все наши с Нонной заветные места обошли, я дочери об архитектуре Питера столько рассказал, ни в одном справочнике не прочитаешь. Даже удивительно, как хорошо Нонкины лекции помню.

— Вот и славно! Навести подругу детства, доченькой похвастай!

Станислав Андреевич, следуя совету тётушки, приехал с дочерью в реставрационную мастерскую, где работала племянница дяди Юры Нонна. Они попали в огромное светлое помещение, ужасно загромождённое. Кроме Нонны там ещё были люди. Вероника разглядела старичка, двух девушек, парня и мужчину.

— Извини, что здесь тебя встречаю, — говорила миловидная русоволосая женщина, — сроки поджимают, в буквальном смысле днём и ночуем в студии. Какая девочка! Глаза синющие, папкины. Как я хотела дочурку с такими василёчками!

Нонна обняла Нику, прижав её к себе, поцеловала макушку. Девочка растерялась, она не привыкла к объятьям. Конечно, мама частенько целовала в щёчку, и папа приобнимал за плечи, но чтобы так, как Нонна, всем мягким телом...

— Смущается. Какая милая, — продолжила Нонна, — не смущайся, ты мне племянница двоюродная. Какие-никакие, а родственники. Пойдём чаю выпьем. Тортик мой любимый захватили! Удивительно! Стасик, ты помнишь мои пристрастия.

Они прошли в смежную комнату, где устроено место для чаепития. И здесь мольберты, пустые рамы, банки с непонятными надписями создавали впечатление вселенского беспорядка, много чего громоздилось на стеллажах. Нонна включила электрический чайник, приготовила чашки, тарелочки, пакетики с чаем.

— Какие вы молодцы, навестили тётю Лису! Она тоскует, плачет. Как зайду к ней, наслушаюсь жалоб, голова болит. Ваш приезд её взбодрил, звонила мне, хвасталась, Веронику нахваливала. Ты рисуешь? — повернулась она к Нике.

— Рисует, — ответил за Нику папа. Он уже разрезал торт и положил по кусочку на тарелки, — хочешь посмотреть?

— Разрешаешь? — спросила племянницу Нонна. Вероника достала из пакета папку с рисунками, женщина разложила их на тумбе. — Здания тебе неинтересно рисовать, это сразу видно. «Медный всадник» хорош, скульптуры тоже, но...

— Скучно?

— Н-да, формально как-то... есть что-нибудь нездешнее?

— Она, как только нарисует, сразу отдаёт! — Огорчённый голос папы выдал его волнение. — Я и половины её работ не видел.

— Нарисуй, пожалуйста, сейчас. — Нонна подвела девочку к мольберту, закрепила лист, разложила карандаши, мелки, кисти...

— Можно карандашами? — спросила девочка. — Что рисовать?

— Самое любимое.

Вероника принялась за работу, папа с Нонной пили чай и беседовали. Темы прыгали из настоящего в прошлое и обратно. Друзья детства вспоминали общих знакомых, Нонна делилась своими планами. Она мечтает жить в США. Были там с мужем, он много фотографировал, размещал работы в журналах. Супруги не всё смогли увидеть, что хотели. Их ждали заповедник Гамильтон, национальный парк Теодора Рузвельта, Долина огня в Неваде, река Колорадо в Аризоне. Единственное, что держит женщину в Питере, это необходимость заботиться о тёте Лисе.

— С нами она, конечно, не поедет. Не одобряет моего любопытства к новым местам.

— А твои не будут скучать?

— Скайп на что? В наше время общаться можно сквозь тысячи километров. Мы в одном городе живём, а видимся раза три в год. Всё по телефону. Ладно, хватит обо мне. О себе расскажи.

Станислав Андреевич говорил в основном о Нике. Какие у неё успехи в спорте, как она с мамой съездила в Испанию, как они вместе делают уроки. Нонна слушала, улыбалась и с интересом поглядывала на мольберт.

В комнату заглядывали другие реставраторы, тоже наливали чайку и угощались тортом. Старичок, оказавшийся начальником, напомнил всем о срочной работе, строго глянул на Станислава Андреевича, но отвлёкся на Веронику.

— Новая сотрудница? Хорошо. Продолжай. — Он постоял, рассматривая изображённых Никой бегунью с собачкой, и ткнул пальцем в рисунок. — Я бы чуть больше руку в локте согнул. Мордочка весёлая. Молодец, продолжай.

Начальник удалился, позванивая ложечкой в стакане. Нонна с Никиным папой подошли к мольберту.

— Он похвалил её? — уточнил папа.

— Сам видишь, девочка способная, — задумчиво откликнулась Нонна, — сказала бы, что она в питерскую родню, хотя это невозможно.

— Почему невозможно? — удивилась Ника.

— Дядя Юра был художником и мой отец. Они родные братья. А твоя бабушка — сестра тёти Лисы. Значит, у Стаса и у тебя нет кровного родства с живописцами.

Станислав Андреевич пропустил мимо ушей генеалогический экскурс и настаивал на оценке:

— Скажи, чего тут особенного? Рисунок как рисунок, я сам так смогу.

— В этом возрасте дети редко рисуют людей. Посмотри, пропорции выдержаны, передана динамика.

— Про локоть ваш старик сказал...

— Да, бежит ногами быстрее, чем руками. Но Ника рисовала без образца. Чрезвычайно сложно придумать и достоверно изобразить бегунью с собакой, не имея их перед глазами.

Нонна обратилась к племяннице, — кто тебя учил рисовать?

Ника пожала плечами.

— Когда я маленькая была, папа к своему другу-художнику водил. В детском саду много рисовала и в школе на уроках.

— Одарённая у тебя девочка, Стасик, надо искать ей хорошую студию.

Станислав Андреевич подмигнул дочери:

— С этим успеется, сейчас гимнастика на уме. Извини, Нонночка, мы тебя основательно отвлекли, начальство точит недовольство.

— Да, была бы счастлива поболтать с вами, но не успеваем проект сдать, каждая минута на счету!

— Золотко, нам пора, — сказал папа Веронике.

— Я не раскрасила.

— Оставь рисунок здесь. — Нонна взяла лист с бегуньей и убрала в свою папку. — Приедешь в следующий раз, раскрасишь. Давай прощаться, юное дарование!

Женщина, смеясь, обняла Нику, даже приподняла её немного.

— Лёгонькая какая! Не кормите совсем ребёнка!

Веронике было уютно в тётиных объятьях, она с сожалением отстранилась от неё.

— Можно, я осенью приеду, в каникулы?

— Если тебя на сборы не отправят, ты человек подневольный, — грустно заметил папа.

— Знаете, что! — Нонна остановила гостей у самого выхода. — Мои не простят, если я им внучку двоюродную не покажу! Да и тебя, Стасик, рады будут увидеть. Сможете заехать к ним завтра часиков в шесть? Помнишь, где я раньше жила?

— Помню.

— Приезжайте, я их предупрежу. Сама тоже постараюсь освободиться.

— Удобно ли? — сомневался Станислав Андреевич.

— Там у папы мастерская в моей бывшей комнатке. Кое-какие работы есть, — Нонна обернулась к Нике, — тебе интересно взглянуть на мастерскую питерского художника?

Вероника бросила взгляд на папу. Нонна засмеялась:

— Соглашайся! Редко кому позволено побывать там!

— Хорошо, — кивнул Станислав Андреевич, — мы будем, но ты, пожалуйста, приезжай. Я и раньше-то твоего отца побаивался, а теперь столько лет прошло! Он забыл меня, наверное.

— Договорились! До завтра! Пока, племяшка! Не дают тебе родители развивать художественный талант, подневольный человек!

Девочка размышляла над словами Нонны, пока ехала в метро. Что значит, подневольный человек? С малых лет она слышала о спортивной одарённости, привыкла к многочасовым тренировкам, к особому режиму. Ей не приходилось рассуждать, раз данные есть, она обязана их развивать и добиваться высоких результатов. Теперь выясняется, что есть и другие способности. Их не надо развивать? Ника не могла вместо спортивных сборов поехать в Питер. Найти время для Дома творчества в жёстком графике тренировок тоже не получится. Как сказал папа? Успеется? Сначала соревнования, сборная страны, медали, а после, когда-нибудь...

— О чём задумалась? — тормозил её отец.

— Я не разучусь рисовать?

Папа молчал. Сам спросил и молчит, Ника продолжила:

— Если не тренироваться, уже не сможешь сесть на шпагат или крутить сальто, а если не рисовать?

— Ты всегда мечтала стать чемпионкой. Ни о чём другом не думала.

— Раньше не думала. Я теперь задумалась.

Вот и папа погрузился в размышления. Пришли они к тётке Лисе тихие и отстранённые. Борюсик радостно скакал вокруг Вероники, отвлек девочку. Она переделалась в спортивный костюм и пошла с собакой во двор. Побегали, порезвились. Жаль расставаться! Вечером, уже лёжа на раскладном кресле, Ника слышала, как тётя Алиса рассказывает папе, что она хочет оформить дарственную на Нонну, а Борюсика заберут соседи. На племянницу она не надеется, на её фотографа тем более. Девочка, не связывая слово «дарственная» с квартирой, не понимала, почему соседи заберут Борюсика, если тётя Лиса дарит его Нонне? С этими загадками она и заснула.

Следующий день прошёл в беготне по магазинам. Купили гостинцы для родителей Нонны, подарки тётке Алисе, сувениры родным и знакомым. Гуляли по излюбленным местам, а к вечеру пришли в квартиру, знакомую Станиславу Андреевичу с детства. Родители Нонны Алексей Алексеевич и Серафима Ивановна встретили гостей радушно. Милые весёлые люди, и чего папа их раньше побаивался? Прошли в гостиную. У Вероники

сложилось впечатление, что она попала в музей, столько здесь было необычных вещей. Мебель, похоже, ещё позапрошлого века, но добротная и величественная. Красивые большие вазы, статуэтки... Не хватает только столбиков с натянутым шнуром и надписей: «Экспонаты руками не трогать!» Вскоре прибежала Нонна. Расцеловала всех и упорхнула на кухню, шепнув отцу:

— Я обещала Никуше, что ты покажешь ей картины.

— Ну, раз обещала... Пойдём, внученька!

Попав в мастерскую Алексея Алексеевича, Ника застыла. То, что она увидела, поразило ещё больше, чем «музейная гостиная». Обстановка немного напоминала реставрационную мастерскую, где Золотовы побывали вчера, но как будто прибранную. Развешанные, расставленные картины совсем не походили на те, которые Вероника ожидала увидеть. Девочка растерянно переводила взгляд с одного полотна на другое, изображённые на них предметы и люди выглядели слишком необычно. Художник как будто заставлял пространство картины вмещать больше, чем оно способно вместить. Предметы деформировались, растворялись, становились беспредметными. Контрастные яркие или исчезающие блёклые цвета давали ощущение разлома. При этом каждая картина, меняя местами привычное далеко-близко, соединяла энергию и форму, давала ощущение глубины и цельности.

— Что стоишь, будто тебя оглушили? — басил Алексей Алексеевич, — думала увидеть картинку из учебника, по которым сочинения пишут?

— Можно, я ещё посмотрю? — робко спросила Ника.

— Интересно? Радует. Смотри, смотри. Авангард. Ты слышала это слово? Общее название, конечно. Про течения и особенности не буду объяснять. Подрастёшь, сама разберёшься, если захочешь.

Вероника, двигалась по комнате приставными шагами, присаживалась, поднималась на цыпочки, вытягивала шею, наклонялась, в зависимости от места расположения полотна. Незнакомые чувства рождались в её душе. Пожалуй, художник прав, надо повзрослеть, чтобы разобраться в этих впечатлениях. Наконец, она остановилась у картины, висевшей

обособлено. Девочка смотрела на неё долго. Яркие радостные краски, линии, дуги складывались в изображение канала, мостов, домов, неба, солнечного света...

— Признавайся, — прервал её размышления художник, — какая картина тебе понравилась больше других?

— Мне многие понравились... Больше других — эта.

Алексей Алексеевич подошёл к гостье, обнял за плечи.

— Хвалю! Вкус у тебя есть. Что здесь изображено, как думаешь?

— Питер. Вон купол Исаакиевского собора.

— Правильно. А что тебя затронуло? Каково главное впечатление?

— Здесь хочется жить. Остаться навсегда.

В мастерскую зашла Нонна и встала рядом:

— Ну что, папа, Никуше картина Николая Петровича понравилась?

Ника растерянно посмотрела на Алексея Алексеевича:

— Эта не ваша?

— Не пугайся. Ты сделала правильный выбор. Эту картину писал мой старший товарищ, осмелюсь сказать, учитель — Николай Петрович Чарухин. Его творчество отличается как раз тем, что оно понятно даже неподготовленному человеку. А до моих творений надо немного подразвиться. Шучу-шучу. — Он обернулся к Нонне. — Что ты хотела, дочка?

— Мама зовёт к столу, — сказала та, — пойдём, Ника, за ужином мы расскажем тебе о прекрасном художнике, с которым были лично знакомы.

Выходя из мастерской, Вероника услышала слова Алексея Алексеевича, обращённые к дочери.

— Удивительно, как неразвитый в художественном смысле ребёнок может ориентироваться в мире авангарда.

— С чего ты взял, что Никуша неразвита? Родители ей занимаются. Вот, недавно она побывала в Фигерасе, познакомилась со страной Сальвадора Дали, — возразила ему Нонна.

— Да что ты говоришь! Чудны дела твои, Господи, — удивился художник, — кто же её возил туда? Стасик?

— Нет, она с мамой путешествовала.

— С Алевтиной? Не может такого быть. Никогда бы не подумал, что эта оголтелая спортсменка способна понимать искусство.

Нике в голосе Алексея Алексеевича послышалась издёвка, стало обидно за маму, и девочка оглянулась.

— Не слушай старика, внученька, это прошлые обиды говорят, — добрая улыбка художника прогнала неприятное впечатление.

Оказавшись снова в гостиной, Ника с удивлением увидела накрытый белой скатертью большой стол. Пока она с Алексеем Алексеевичем разглядывала картины в мастерской, папа, помогая женщинам разложить и сервировать стол, успел поведать и об успехах дочери в гимнастике, и об их семейных делах, и о собственной работе. Теперь разговор шёл о картинах и художниках.

Внимательно слушая разговор взрослых, девочка узнала странные для себя вещи. Например, в недавнее время авангардное искусство было под запретом. Чарухин создал множество картин и не мог показывать их людям. Мастерская в Новых Черёмушках хранила великолепные полотна, которые видели лишь редкие её посетители. Николай Петрович по образованию архитектор, прославился на весь Советский Союз грандиозными плакатами. У него были награды и звания, огромная удобная мастерская. Только не было возможности открыть главную часть своей души — удивительные по чистоте и силе воздействия картины. И всё потому, что авангард не в нашей стране признавали понятным народу искусством. Коренной петербуржец Чарухин через всю жизнь пронёс любовь к

этому городу, бывшему главной темой его творчества. На каждой картине художника можно найти купол Исаакиевского собора. Санкт-Петербург — вечный город, идеальное место для духовной жизни человека. Всё пространство картин Николай Петрович подчинял этой идее: и архитектурную перспективу, и каналы с водой, и небо, а самое главное — краски. Художник умел изображать это так, что людям, далёким от живописи, тем более от авангарда, всё равно, очень нравится.

За разговорами время прошло незаметно, вот уже спать пора. Станислав Андреевич заметил, что дочь «клюёт носом».

— Как бы мне Никушу на руках нести не пришлось.

— Мы вас здесь можем уложить! — предложила Серафима Ивановна.

— Нет, поедем, — возразил Золотов, — тётя Лиса ждёт, тревожится, да и вам лишняя суета ни к чему.

Нонна осталась помочь маме с мытьём посуды, Алексей Алексеевич пошёл проводить гостей до метро.

— Ну, что, Золотко, понравилось тебе в Питере? — спросил он Нику, прощаясь.

— Очень.

— Хотела бы тут жить? Что на папу поглядываешь? Он, знаю, всегда мечтал. Частенько гостил у моего брата, да что-то не задалось. А, герой не нашего романа? — Художник строго посмотрел на Станислава Андреевича.

Теперь Вероника поняла, почему папа раньше его побаивался. Взгляд у Алексея Алексеевича был пронзительный и строгий.

Отцу всё-таки пришлось нести задремавшую Нику на руках. Она не помнила, как оказалась в постели. Станислав Андреевич уложил дочку и долго беседовал с тётушкой на кухне. Старушка волновалась, дожидаясь их, а теперь у неё бессонница. Говорили о Нонне, о её родителях, вспоминали дядю Юру и давние времена. Разошлись уже, когда небо начинало светлеть.

— Спасибо тебе, Стасик, — прослезилась старушка, — дано я так душевно не сидела. Думала, так и помру, ни с кем не поговорив.

— Что вы, тётя Лиса, мы с вами ещё не раз почаёвничаем. Будем с Никой приезжать, обязательно.

— Хорошо, дорогой. Алечку тоже привози, я красавицу твою со свадьбы не видела.

— Привезу. Доброй ночи.

— И тебе доброй ночи, милый! Скоро Никуша проснётся, а мы всё балаболим.

Нике снились картины. Бескрайние полотна, которые невозможно окинуть взглядом. Девочка медленно двигалась вдоль нарисованных яркими красками зданий, ступала на брусчатку, гуляла по набережным. Причудливые балкончики, многоярусные арки манили её дальше и дальше. Хотелось пробежать по мостику через нарисованный канал. Вот он, крутобокий мостик, совсем рядом, но это только кажется. С каждым шагом Ники, он удалялся, как будто играя.

Глава 4

Сентябрь начинает новый круг

Занятия в секции начались ещё в августе. Как только Ника и Станислав Андреевич перешагнули порог дома, завершая путешествие, Алевтина Сергеевна объявила, что завтра тренировка, а ещё надо будет пройти обследования, куда девочку благодаря маминым стараниям уже записали.

— Так срочно? — удивился папа.

— А ты как думал? Ольга Михайловна подготовила документы в интернат, но хочет убедиться, что последствий сотрясения мозга не осталось.

— Как говорят, с корабля на бал, Золотко, — сказал Станислав Андреевич, — то есть в нашем случае, с бала на корабль.

— А как вы хотели? Бездельничали в Питере, значит, здесь придётся усерднее трудиться!

— Хорошо, мамочка, я всё поняла. — Ника подошла к маме и обняла её, прижавшись щекой к плечу.

— Лариса тебе названивала, соскучилась.

— Я тоже. Сейчас позвоню ей.

— Нет-нет, — запротестовала мама, — завтра встретитесь и поговорите, а сейчас разбирать вещи, чистить пёрышки. Форму новую померь, я в магазине договорилась, если размер не подойдёт, завтра поменяю.

— Вот мы и дома! — шутливым голосом сказал папа и в ответ на недовольный взгляд супруги добавил, — и очень этому рады!

Ника весело закивала. Путешествовать здорово, но и дома хорошо. Всё такое родное, милое, уютное!

Вечер прошёл в хлопотах и разговорах о чудесном отдыхе. Алевтина Сергеевна, слушая рассказы о том, как дочка и супруг провели время в Санкт-Петербурге, поминутно вздыхала.

— Как я люблю этот город! Вот где всегда мечтала жить.

— Я тоже! — согласилась с ней Ника, — как было бы здорово туда переехать.

— О чём ты? — грустно вздохнул папа, — жильё в Питере нам не по средствам.

— Жаль. Можно хотя бы чаще тётю Лису навещать, — просила девочка, — она так скучает одна.

— Обязательно, Золотко, — папа ласково поправил девочке чёлку.

— Это ещё нескоро, — охладила их пыл Алевтина Сергеевна, — Ника будет теперь жить в другом городе в спортивной школе. Не думаю, что ей позволят уезжать и пропускать тренировки.

— Не переживай, дочка, что-нибудь придумаем, — утешал папа, — ладно, Алечка, помолчим пока об этом.

— Только вернулись, — улыбнулась мама, — и сразу планы строите. Сейчас надо нацелиться на гимнастику.

Что ж, с этим не поспоришь.

***

Девочки в секции, впервые увидев друг друга после каникул, делились впечатлениями, тренер повышала голос, привлекая внимание:

— Совсем распоясались! Прекратить болтовню!

А так хотелось поговорить! Еле дождались окончания занятий. В раздевалке тренер подошла к Нике и Ларисе. Те так были увлечены разговором, что не сразу это заметили.

— Кравченко! — обратилась Ольга Михайловна к Ларе, — ты помнишь своё обещание? Я тебя рекомендую в интернат в надежде, что ты его исполнишь.

— Да, конечно, — смутилась девочка.

— В Болгарии ты меня почти убедила, я видела, как старательно занимаешься. Но здесь? Опять хиханьки-хаханьки?

— Простите, Ольга Михайловна, — заговорила Ника, — мы давно не виделись...

— Я не с тобой говорю, Золотова. Кстати, ты проходишь обследования?

— Да.

— Количество мест в интернате ограничено. Мне доверяют. Всех, кого рекомендую, берут. Не хочется терять это доверие. Понятно? С тебя — справка, а с тебя, Кравченко, серьёзное отношение к тренировкам. Оставляй болтовню и хохмочки дома.

Когда Ольга Михайловна вышла, Ника присвистнула.

— Ничего себе!

— Отвыкла за каникулы? — хмыкнула подруга.

— Мне кажется, она не была такой. Смотрит, как будто насквозь глазами сверлит.

— Ладно, не обращай внимания. Скоро мы отсюда свалим. В интернате, конечно, не сахар, но перспективы круче! Есть за что корячиться. А что Ольга Михайловна про обследования говорила? Всем надо проходить?

Ника отрицательно покачала головой.

— Только мне. Из-за сотрясения. Врачи должны дать разрешение.

— Так это что? Тебя могут и не взять в интернат?

— Не знаю. Могут, наверное.

— Ха! Если тебе не разрешат, мы с Юлькой не конкурентки, обе попадём! Ничего себе! Слышишь, Снегирёва? А мы с тобой всё лето соревновались, как ненормальные.

Юля, которая стояла за спиной у Вероники, приложила палец к губам, указывая глазами на Нику.

— Да ладно, — махнула рукой Кравченко, — если бы Ольга Михайловна хотела Золотко в интернат отправить, не заставляла её врачей проходить. Это она нас с тобой специально лбами столкнула, мол, за одно место боритесь. А мы из кожи вон лезли.

Она снова повернулась к подруге:

— Представляешь, я три дня молчала, доказывала, что могу не трепаться.

— Не представляю, — засмеялась Ника, — у меня не получилось бы.

Снегирёва уже переделась и, проходя мимо девочек, тронула Веронику за локоть.

— Не слушай её. Ольга Михайловна уверена, что тебе надо ехать в интернат, во всяком случае, больше чем нам с Кравченко. Ладно, пока!

— Воображала! — Лариса скорчила рожицу вслед уходящей Юле. — Не представляешь, как мы боролись. Я её чуть не возненавидела. Пойми, тебе я привыкла уступать, всё-таки ты всегда была сильнее. Но Юльке! Ещё посмотрим!

— Не надо никому уступать, работай в полную силу, вот и всё, — задумчиво сказала Ника.

— Да дело не в силе. Характер, видишь, мой тренеру не нравится. Недостаточно я серьёзная, — засмеялась Лариса, — забудем! Пора домой.

Почти все гимнастки из секции ездили в Болгарию, там продолжали тренироваться. Однако Вероника благодаря маминым усилиям не отстала от подруг, Ольга Михайловна отметила это одобрительной улыбкой. Именно Золотову тренер намеревалась рекомендовать в интернат в первую очередь, и Ника её не разочаровала. Видно было, что Золотовы времени зря не теряли, форму юной гимнастки поддерживали. Пожалуй, скоро вся страна узнает имя талантливой спортсменки, осталось только убедиться в её полном восстановлении.

Бегодня по медицинским кабинетам привела совсем не к тому результату, который ждали. Невролог, тщательно изучив полученные графики и снимки, разрешил Нике заниматься спортом в щадящем режиме. Алевтина Сергеевна так растерялась, услышав заключение, что поблагодарила и вышла из кабинета, не уточнив смысла слова «щадящий». Отдавая выписку тренеру, она спросила:

— Ольга Михайловна, в спортивной школе могут обеспечить такой режим Веронике?

— Сомневаюсь. Спрошу и сообщу вам.

«Щадящий режим» смутил докторов интерната. Они посоветовали через полгода пройти обследование заново. Если ограничения снимут, Золотовой можно будет начать занятия там со следующего учебного года, а пока надо продолжать тренировки под руководством Ольги Михайловны.

Итак, на два отведённых места в спортивной школе-интернате берут Кравченко и Снигирёву. Лариса и Юля с первого сентября будут учиться в другом городе. Веронике грустно расставаться с подругой, но всё-таки она рада ещё год провести дома. Алевтина Сергеевна, в отличие от дочери расстроилась, даже созванивалась с Ольгой Михайловной, пыталась уговорить её, но тренер не могла повлиять на ситуацию.

— Зачем торопиться? — успокаивал жену Станислав Андреевич, — никуда не денется этот интернат.

— Всегда знала, что ты настроен против!

— Кто сказал «против»? Врачи просят повременить. В следующем году поедет. Здоровье, в конце концов, дороже.

— Они перестраховываются, как ты не поймёшь! Из-за этой паузы Нику оттеснят.

— Если уж посторонние люди перестраховываются, нам надо у них поучиться, всё-таки речь идёт о здоровье единственной дочери.

— Стас! Не делай из меня зверя! — кипятилась Алевтина Сергеевна, — о дочке, видишь, я не беспокоюсь! Она в Испании тренировалась без всякого «щадящего режима» Ещё и на жаре! И ничего страшного не произошло! Обследования показали хорошие результаты. Значит, может она в полную силу работать? А! Поэтому и говорю — перестраховываются.

Вероника слушала родителей и невольно принимала сторону отца. Понятно, в интернате подготовка сильнее, ей теперь сложно будет соревноваться с Кравченко и Снегирёвой, но так не хотелось жить в общежитии, питаться в столовой, скучать по дому и родителям! Пусть это будет потом. Ещё один год в родной квартире, в знакомой с первого класса школе.

***

— Вот и лето пролетело, наступил учебный год! — вещал с крыльца школы напуганный первоклассник.

— ...девчонки и мальчишки, одни поём мы песенки, одни читаем книжки, — бравурно несло из динамиков.

Начало сентября радовало стоящих на линейке школьников солнцем, пока ещё высоким синим небом, лёгким ветерком и редкими в зелени деревьев золотыми листочками. Букеты, банты, белые рубашки и блузки, расспросы-перешёптывания... К Золотой то и дело кто-нибудь протискивался и, дёргая за одежду, упрасивал срочно

нарисовать ему «волшебного спортсмена». Вероника локтями отпихивала надоедливых одноклассников.

Узнав, что Лариса Кравченко теперь не будет с ними учиться, а Золотова тоже собиралась переходить в другую школу, они боялись опоздать с «волшебным» заказом. За каникулы накопилось столько желаний! Уедет чудо-художница в интернат, как до неё доберёшься?

Ника пыталась урезонить одноклассников, ей сейчас не до рисунков, надо много тренироваться, домашних заданий тоже никто за неё не сделает. Объяснений девочки не слушали. Подумаешь, тренировки, долго изобразить какого-нибудь лыжника, пловца или наездника? Веронику уговаривали, а некоторые пытались запугать. Ираида Владиславовна строго оглядывала ряды своих подопечных.

— Колов, прекрати вертеться, Барабанщикова, не тараторь! Вы способны полчаса спокойно постоять? Хуже первоклашек!

В обещанные полчаса организаторам торжеств непросто уложиться. Выступали представители городских властей и Управления образования. Директор награждала грамотами победителей прошлогодних конкурсов, олимпиад и соревнований. Эльмира Альбертовна радостно говорила о победе в городском конкурсе на оформление пришкольной территории. Ученики декламировали стихи, танцевали, пели. За время линейки Вероника получила уйму заказов. Ребята сами организовались в очередь, обещая терпеливо ждать.

На единственном в этот день уроке Ираида Владиславовна представила ребятам новенькую. Хрупкая большеглазая девочка Полина Соловейчик села за одну парту с Вероникой. Новая соседка совсем не походила на покинувшую класс Лариску, вела себя смиренно, по сторонам не глазела. Ребята быстро потеряли к ней интерес. Только Золотова иногда поглядывала на Полину, невольно сравнивая с уехавшей в спортивный интернат Ларой. Теперь Ника острее осознала потерю. Кравченко была не только близкой подругой, но и связующим звеном с остальными девочками, которые теперь, словно забыли о существовании Вероники. Лариска всегда оказывалась в центре внимания. Многие одноклассники приглашали её на празднование дня рождения, сама она частенько устраивала общие прогулки, выходы в кафе, вечерние посиделки во дворе. Тихую,

спокойную Золотову остальные ребята воспринимали, как дополнение к признанной классной заводиле. Теперь, когда Кравченко ушла из школы, Ника стала для одноклассников только лишь исполнительницей желаний, девочку одолевали просьбами, как будто, с ней ни о чём другом и поговорить нельзя.

Ираида Владиславовна объявила о творческом конкурсе среди школьников. Нужны эссе или рисунки, посвящённые какому-либо яркому городскому событию. Поначалу все взялись обсуждать задание, но учительница остановила разговоры — работа индивидуальная. Некоторые всё-таки перешёптывались, другие склонились над черновиками, набрасывая план. Полина Соловейчик постукивала пальцами по крышке парты, рассматривая их, и что-то еле слышно шептала. Вероника очередной раз пожалела о смене соседки, Лариска бы наверняка советовалась и совала нос в Никину работу, а эта сидит, как сфинкс.

Что рисовать? Вспомнила велопробег. В тот день городские власти перекрыли движение на нескольких улицах, дорогами завладели педальные кони. Золотовы всей семьёй ходили болеть за четверых знакомых ребят. Слепящее майское солнце, клейкая зелень, многочисленные зрители, синие, красные и белые воздушные шарик. Радостная праздничная картина возникла в голове художницы.

На листе бумаги, появилась улица. Девочка пробовала передать настроение картины Чарухина, которую она видела в мастерской Алексея Алексеевича в Питере. Яркораскрашенные дома сдвинулись, торопясь втиснуться в отведённом пространстве. Велосипедист в очках и шлеме, оторвавшись от седла, пригнулся к рулю. Его преследователи даже не заехали на рисунок, видны только передние колёса их велосипедов. Сам парень прорисован чётко, а деревья и зрители на тротуаре смазаны, так Ника изобразила скорость. Рисовальщица увлеклась, даже почувствовала лёгкий ветерок, обдувающий щёки.

Соседка записывала что-то короткими строчками. В углу черновика появились загадочные точки и тире. Полина изредка тыкала в них авторучкой, качая в такт головой. Классная руководительница прохаживалась между рядами, наблюдая за учениками, и время от времени поглядывала на часы.

— Ребята, скоро сдавать! Переписывайте начисто и не забудьте на другой стороне указать фамилию, имя, класс и школу. — Ираида Владиславовна остановилась рядом с Вероникой и рассматривала её рисунок. — Молодец, Золотова. Подпиши.

Ника, закончив рисовать, повернулась к Полине, та тоже подписывала лист.

— У тебя стихи? Дай почитать.

Соседка ничего не ответила, только отрицательно покачала головой. Ника пожалала плечами:

— Разве это тайна? Всё равно жюри будет смотреть. Мой друг пишет стихи, я хотела сравнить.

Полина, молча, отдала работу проходящей мимо учительнице, что-то тихо ей сказала и вышла из класса.

— Может, она немая? — предположил Колов, перегнувшись к Веронике через парту.

Тут же получил замечание:

— Сядь, не вертись. Сдавайте, кто готов? — Ираида Владиславовна брала у ребят листочки и складывала на учительском столе.

Вероника, выйдя из школы, загрустила. Сейчас бы Лариска дразнила мальчишек, отобрала у Колова кепку, закинула её куда-нибудь, и девчонки удирали бы от веселорассерженных одноклассников. Потом они с подружкой могли заглянуть в киоск и купить по мороженому. Дорога домой... Прохожие оглядываются, потому что Лариска хохочет, схватившись за живот... долгое расставанье около крыльца. Как ты, подружка? Вероника хотела позвонить Ларисе, но вспомнила слова Ольги Михайловны. Та убеждала не беспокоить гимнасток, пока у них не наладится жизнь в интернате. Соскучатся — сами позвонят. Представить Кравченко скучающей у Ники не получилось, Лара всегда переполнена оптимизмом и если не тренируется, то болтает с Юлькой или с кем-то из новых подруг.

На следующий день в школе случилась неприятность. Пропала конкурсная работа Золотовой Вероники. В учительской классный руководитель шестого «А» в сотый раз перебирала листочки, но рисунка не находила.

Социальный педагог школы Анна Ивановна ждала окончания поисков, надо сегодня отнести работы учеников в соседнюю гимназию, где их будут оценивать. Теряя терпение, Анна Ивановна спросила:

— Может быть, она не сдавала?

— Точно помню, как положила на стол вместе с другими.

— Не пропустили?

— Как тут пропустишь, всего два рисунка было, остальные ребята писали эссе или стихи.

— Вот смотрите! — Анна Ивановна вытащила из стопки лист.

— Это Колов рисовал памятник павшим воинам. Девятого мая всем классом ходили цветы возлагать.

— Выпал где-нибудь, — подключилась к разговору завуч Людмила Анатольевна, — не украли же его, в конце концов.

— Колов похитил, чтобы конкуренцию уменьшить, — шутливо сказал историк.

— Да, Арнольд Михайлович, обидно как раз то, что Золотова явный лидер, призовое место в городе было обеспечено, — подняла глаза Ираида Владиславовна.

— Может быть, ещё раз в кабинете посмотрите?

— У ребят надо спрашивать. — Людмила Анатольевна решительно зашагала к двери учительской. — Какой у них урок?

Шестой «А» занимался биологией. Эльмира Альбертовна расхваливала тех, кто отличился во время летней практики.

— Эти ученики получают пятёрки в журнал. Молодцы!

— А остальные? Я тоже приходил, — возмутился Колов, — можно хотя бы четыре мне поставить?

Все разом заговорили, поднялся гул.

— Да? Вы с Борзовым только носились по двору, пока другие работали, — высокомерно заявила Барабанщикова.

Колов показал однокласснице кулак, в это время открылась дверь и в кабинет вошли завуч и классный руководитель. Ученики поднялись из-за парт.

— Извините, Эльмира Альбертовна, позвольте прояснить один момент. Садитесь, ребята!

— Да, конечно, Людмила Анатольевна, — учительница биологии отошла в сторонку.

— Произошло нечто странное! Надеюсь, это недоразумение, — обратилась к ученикам завуч, — Ираида Владиславовна обнаружила пропажу конкурсной работы. Прошу того, кто случайно прихватил чужой листок, сейчас же вернуть его.

Стало тихо, ребята переглядывались.

— Не понимаю вашего упорства — Людмила Анатольевна строго смотрела на поникшие головы. — Этот рисунок может принести победу школе, а зачем он тому, кто его забрал?

— Рисунок? Чей рисунок? Золотовой? — зашумели ученики. Поднялась Соня:

— Это нечестно! Кто взял? У нас очередь. Первая Лена Барабанщикова, она не брала, я точно знаю. Мы вместе выходили, у неё алиби.

Поднялся шум.

— Может, сама Золотова умыкнула, чтобы бесплатно не отдавать? — выкрикнул Колов. Ника обернулась и стукнула паренька учебником биологии. Хорошо, что шустрый мальчишка увернулся, скользящий удар пришёлся по плечу.

— Прекратите сейчас же! — Ираида Владиславовна, усаживая вскочивших и останавливая галдящих школьников, быстро ходила между партами. — Не позорьте меня перед завучем.

Эльмира Альбертовна тоже пыталась унять распоясавшихся учеников. Никто из учительниц не ожидал столь бурной реакции. Когда порядок, наконец, восстановили, Людмила Анатольевна обратилась к раскрасневшимся ребятам:

— Хорошо, понимаю, перед классом неловко. Сделаем так: пусть тот, кто взял рисунок, на перемене занесёт его в кабинет Анны Ивановны. Оставим этот некрасивый поступок без последствий, но работа Золотовой должна участвовать в конкурсе, — увидев, поднятую руку Вероники, она спросила, — что хочешь?

— Я могу ещё нарисовать.

— Когда ты будешь рисовать? — Завуч посмотрела на часы. — До пяти часов надо сдать все работы.

— Я отпущу её, — сказала Эльмира Альбертовна.

— А следующий урок?

— Следующий мой. — Ираида Владиславовна сделала Нике знак собираться и напомнила, — когда закончишь рисовать, зайдёшь ко мне за домашним заданием.

Людмила Анатольевна проводила ученицу в кабинет социального педагога, поручив девочку Анне Ивановне. Вероника впервые повторялась, вчерашний велосипедист опять мчался к финишу. Копия получилась даже лучше украденного оригинала. Учителя остались довольны, забыли о происшествии. Для одноклассников всё только начиналось. Мухина организовала следствие с опросом свидетелей. Вне подозрений были Полина, покинувшая класс раньше всех, Золотова, Барабанщикова и, разумеется, сама Соня. К остальным сыщица приставала с вопросами и даже требовала показать содержимое портфеля. Скоро эта бурная деятельность всем надоела, и ребята отмахивались от

самозванного детектива. Но ей слишком нравилась эта роль, чтобы так запросто от неё отказаться. Пришлось самой Веронике успокаивать энергичную одноклассницу, она даже пригрозила, что не будет больше рисовать.

Новое развитие дело получило, когда кто-то сказал, что Никиного велосипедиста нет на городской выставке в Доме творчества. Целый день на переменах класс бурлил, после звонка шёл активный обмен записками. Заметив, что ученики непрерывно строчат друг другу послания и перешёптываются, Ираида Владиславовна вынуждена была остановить урок.

— Или вы мне объясняете причины своего безобразного поведения, или я пишу докладную, и ваших родителей вызовут к директору школы, — строго сказала она.

Спустя минуту стало тихо, потом Мухина подняла руку и встала.

— Мы все волнуемся за судьбу конкурсной работы Ники Золотовой. Мало того что её рисунок здесь пропал, пришлось новый рисовать, так теперь его и на выставке нет.

— Вы же нам говорили, что Золотко может первое место занять, и вдруг её рисунки кто-то крадёт, — поддержала подругу Лена Барабанщикова, — это несправедливо.

Ираида Владиславовна сделала знак Соне сесть и внимательно оглядела класс. Ей казалось странным такое сопереживание чужому успеху.

— Вы так желаете победы Веронике, что готовы уроки срывать?

— Нечестно красть рисунки! — выкрикнул с места Борзов.

— Ладно. Думаю, вы что-то путаете. Я сегодня зайду в Дом творчества и всё выясню, — сказала учительница и обратилась к Нике, — а ты как это объяснишь?

Девочка только плечами пожала. Математичка улыбнулась и продолжила урок.

На следующий день Ираида Владиславовна сообщила, что рисунок не исчезал, Дом творчества отправил его на областной конкурс. Ребята были несколько разочарованы, многие хотели найти преступника в своей среде. Очередь разрасталась. Каждый заказчик переживал, не пропадёт ли рисунок, предназначенный ему. Обстановка в классе

накалялась. Вероника рисовала, как автомат, пользуясь любой свободной минутой. Девочка надеялась, что ребята угомонятся, получив свои картинки.

Свободных минут у художницы было недостаточно. Утром тренировка, после обеда в школу, а вечером надо выполнить домашние задания. Рисовала на переменах, порой и на уроках, если не работали в тетрадях. Вопреки ожиданиям, очередь не уменьшалась. Взяв на себя роль координатора, Мухина сообщала, кто следующий получает рисунок.

— Это Борзову? — Соня заглянула через плечо примостившейся на подоконнике Веронике.

Из класса их попросили выйти для проветривания, Ника по обыкновению прихватила лист и карандаши.

— Нет. Я для другого человека рисую, — покачала головой она.

Соня вытащила из кармана список.

— Какому ещё человеку? Следующий по очереди Борзов.

— Себе. Могу я себе без очереди?

Высоко подпрыгнувшего с рыжим мячом баскетболиста Вероника рисовала для учителя физкультуры. Близился финал по баскетболу между школьными командами. Все знали, как Дмитрий Дмитриевич мечтал о победе.

Сонька опешила.

— Интересно, а для чего я эти списки веду? Хочешь рисунок, вставай в очередь! Нечего блатных пропускать.

— Ладно тебе, — пыталась успокоить подругу Барабанщикова, — пусть отдаёт рисунок, кому хочет. Гришка подождёт.

Соне такое заступничество совсем не понравилось.

— Да? Ну и смотрите сами за порядком, если такие умные! — она бросила испещрённый мелкими буквами лист на подоконник и ушла в буфет.

Лена, схватила список и побежала следом. Вероника, не обращая внимания на суету, продолжала рисовать. Будучи спортсменкой, она знала, как важна товарищеская поддержка. И раз уж решила таким образом помочь школьной команде, не вправе отступить.

Ребята некоторое время спорили, кому вести учёт, но, в конце концов, уговорили не отказываться от своих обязанностей Мухину. Ей доверяли все, и до сих пор она умудрялась улаживать разногласия. Однако баскетболистом Ника распорядилась по-своему. На следующей перемене она зашла в спортзал и протянула листок Дмитрию Дмитриевичу. Физрук удивился.

— Мне? Зачем? Думаешь, я учитель рисования?

Вероника растерялась, не зная, что ответить. Мужчина улыбнулся её смущению и взял лист. Посмотрел, улыбнулся ещё шире и показал большой палец, что означало высшую похвалу Дим Димыча.

— Ладно, повешу на стенд спортивных достижений. Ты у нас знаменитость, грамоту получила на областном конкурсе рисунков. Смотри, гимнастику не бросай, художница!

— Я не бросаю.

Уже выходя из зала, она повернулась к Дмитрию Дмитриевичу.

— Желаю нашей команде выиграть финал.

— Да, — откликнулся физрук, — в этом году ребята сильные, надеюсь, победим.

У выхода из спортзала, Веронику караулила Барабанщикова.

— Так бы и сказала Соне, что хочешь Дим Димычу подарить, для победы в соревнованиях.

— Следишь за мной, что ли? — рассердилась Ника.

— Очень надо. Борзов у Соньки допытывается, когда ему рисунок отдашь.

— Ты при чём?

— Ладно, не злись, не скажу никому.

— Ага, чтобы барабаны не барабанили, — не поверила известной болтушке Ника.

Прозвенел звонок, девочки заторопились в класс.

Вероника не хотела говорить ребятам, кому подарила рисунок, она и себе не признавалась, что пытается таким образом помочь школьной команде. Просто надумала нарисовать баскетболиста, а кому его отдать, если не Дим Димычу? Физрук тренировал этих ребят с седьмого класса, уже четвёртый год. В межшкольном первенстве по баскетболу они выступали успешно, остался финал, и настрой на победу был нешуточный.

После этого случая Нике стало ещё неуютнее в школе. Ни от кого она не видела сочувствия, и перед всеми была в долгу. «Повинность какая-то получается», — думала она иногда, но старалась гнать прочь эти неприятные мысли. Привычка доводить дело до конца не позволяла бросить рисование, не выполнив заказы ребят, раз уж обещала им.

Школьная и спортивная жизнь шла своим чередом. Тренировки, уроки, контрольные, домашние задания. Учителя порой делали Веронике замечания, никому не нравились посторонние занятия на уроке. Её уличали в невнимании, но она умудрялась отвечать на неожиданно заданные вопросы. Училась хорошо. На тренировках Ольга Михайловна по-прежнему выделяла Нику, несмотря на «щадящий режим». Впереди «Звёздочки» — турнир региона по спортивной гимнастике среди девочек. Главный старт при подготовке к этому турниру — городские соревнования. Их Золотова выиграла, но соперницы наступали на пятки, и Ольга Михайловна не хвалила Нику. Когда Алевтина Сергеевна подошла к тренеру после награждения, та хмуро посмотрела на маму главной своей надежды.

— Боится.

— Кто? Ника?

— Когда обследование пройдёте?

— Уже прошли. Записаны на приём к неврологу в понедельник. Там и получим заключение.

— Хорошо. Поймите, Алевтина Сергеевна, девочке надо поднажать, она, будто витает где-то, команды не слушает. Если б я её с малолетства ни знала, на соревнования не стала выставлять.

— Так она выиграла!

— Выиграла. По натуре победитель, вот и выиграла, но разве это её уровень? Были бы здесь Снегирёва с Кравченко, не видать Нике первого места ни в одном виде.

— Я не понимаю, — теребила ремешок Алевтина Сергеевна, — что изменилось?

— Может быть, её врачи запугали? — предположила Ольга Михайловна. — Вероника будто переступает через страх, подходя к снаряду.

— С вольными упражнениями всё хорошо?

— Да, здесь порядок. — Тренер кивнула призывно машущему ей судье. — В случае чего, перейдёте в акробатику. Извините, меня зовут.

Алевтина Сергеевна растерянно посмотрела вслед удаляющейся Ольге Михайловне.

— В случае чего?

Вечером дома состоялся неприятный разговор. Мама подробно перечислила все жертвы, на которые она пошла ради спортивного будущего Вероники, обвинила её в равнодушии и бессердечности, требовала дать обещание заниматься, как следует. Папа, когда хотел вмешаться, выслушал лекцию о своей некомпетентности и удалился. Обескураженная неожиданной реакцией мамы на победу в соревнованиях Ника механично поддакивала и старалась не выпускать из глаз слёзы. В кровати она долго ворочалась, размышляя о том, почему, посвящая всё время спорту, она никого не радует, а, рисуя урывками, между делом, имеет невероятный успех. Папа заглянул к Веронике, присел на краешек постели.

— Не обижайся, дочка. Мама переживает за тебя.

— Да. Я не обижаюсь.

— Почитать тебе?

Ника кивнула, папа взял их любимую книгу с забавными рассказами о животных и читал, пока дочь не заснула. Ей снились рисунки, но не спортсмены, каких она рисовала обычно, а забавные мартышки, степенные слоны, любопытные жирафы. Животные красовались среди крошечных пальм и гигантских стеблей травы, не опасаясь оранжевых тигров, дружелюбно улыбающихся из-за кустов.

Заключение врача подняло Алевтине Сергеевне настроение. У Вероники не выявлено последствий травмы, гимнастикой девочке разрешено заниматься без ограничений. Ольга Михайловна, получив копию заключения, довольно потирала руки: «Ну, теперь я с неё живой не слезу, турнир выиграет и на первенство России поедет!» Начались изматывающие тренировки. Надо устранять последствия «щадающего режима». Ольга Михайловна так часто повышала на Веронику голос, что едва не сорвала его. От страха перед брусьями и бревном не осталось и следа. Только трепет в ожидании нового окрика щекотал нервы Ники. Спортсменка часто пропускала школу — у Золотовой особый график подготовки. Рисовать она стала меньше, очередь застопорилась. Соня отбивалась от Никиных заказчиков, умело гасила недовольство обещаниями «посодействовать». Часто кто-нибудь из нетерпеливых ребят уговаривал Нику рисовать на уроке, девочка так привыкла к этому, что уже не прятала рисунки, а учителя смирились с этой особенностью Золотовой Вероники. Однако бесконечно такое нарушение дисциплины не могло оставаться безнаказанным.

Пятый, последний на сегодня, урок — литература. Учительница уехала на курсы повышения квалификации, занятия вместо неё вела завуч. Она прохаживалась между рядами, строго поглядывая на притихших учеников, и одного за другим вызывала рассказывать стихотворение.

— Борзов!

— Чего? — вскинулся Борзов.

— Иди к доске. Садись, Барабанщикова, пять.

Борзов поплёлся к учительскому столу, беспомощно оглядывая одноклассников. Со всех сторон зашептали.

— За это время, Борзов, можно было уже запомнить, если слушать ответы других,
— заметила Людмила Анатольевна.

— Неохотно и несмело, — начал ученик, — неохотно и несмело...

— Смелее, смелее, Борзов, и охотнее. Что за смех?

— ...Солнце смотрит на поля. Чу, за тучей прогремело...

— Слух у тебя хороший.

— ...Принахмурилась змея...

— Кто принахмурился?

— ...Земля, земля, — раздалось со всех сторон.

— Спасибо, ребята. Земля, Борзов!

— Я и говорю, земля!

— Так, дальше! — Людмила Анатольевна остановилась около Вероники. — Чем ты занимаешься, Золотова?

Ника рисовала. Она увлеклась и не заметила, как подошла учительница.

— Дай-ка сюда! — Завуч взялась за лист. — Дай, кому говорю!

— ...Вот пробилась из-за тучи синей молнии струя... — вещал Борзов.

Ника навалилась грудью на лист.

— Я уберу, Людмила Анатольевна.

— Дай мне!

— ...Чаще капли дождевые, вихрем пыль летит с полей...

Весь класс наблюдал борьбу за рисунок. Ника держала лист, прижав его к столу, Людмила Анатольевна осторожно тянула.

— ...И раскаты громовые всё сердитей и смелей... — Борзов, пользуясь тем, что на него не смотрят, читал по книге, раскрытой на учительском столе.

Лиза Сёмина, которой предназначался изображённый Вероникой прыгун с шестом, чуть не плакала. Она уговорила Нику закончить рисунок сегодня, потому что ей очень-очень надо именно сегодня! И что же?

— ...Солнце раз ещё взглянуло исподлобья на поля...

— Людмила Анатольевна, — подняла руку Полина Соловейчик, — можно выйти?

Завуч кивнула, продолжая вытягивать лист. Никина соседка поднялась из-за парты, сделала шаг по проходу и рухнула на пол. Кто-то взвизгнул. Полина лежала не шевелясь.

— ...И в сиянье потонула вся смятённая земля, — закончил Борзов.

Людмила Анатольевна уже спешила вокруг ряда к лежащей девочке.

— Что с тобой? Колов, в медпункт!

Медпункт был на этом этаже в конце коридора. Колов бросился из класса. Завуч помогла Полине подняться.

— Что с тобой?

— Не знаю. — Полина потирала ушиб. — Темно стало.

— Синяк будет, надо холодное приложить. Дойдешь до медпункта?

— Постараюсь.

Людмила Анатольевна вывела Полину из класса, зашёл запыхавшийся Колов, из-за двери слышалось:

— Валентина Степановна, у нас обморок!

Передав ученицу медсестре, завуч вернулась в кабинет литературы, уселась за стол.

— Так, Борзов, продолжай.

— Я рассказал!

— Ах, да! Садись. Какую оценку ему поставить? Кто слушал? — Людмила Анатольевна занесла ручку над нужной строкой в журнале.

— Пять! — дружно откликнулись одноклассники.

— Пять здесь, пожалуй, выбьется из общего ряда. Четыре, Борзов.

Борзов был рад и четвёрке, даже подбежал к столу с раскрытым дневником. Вероника продолжила рисовать. После урока, как только Людмила Анатольевна вышла из класса, передала рисунок Сёминой.

— Спасибо, Ника, — молвила счастливая Лиза, прижимая листок к груди.

— Соловейчик благодари. — Вероника кивнула на соседку, которая вернулась за портфелем.

Одноклассницы обступили Полину. Девочка, смущённая общим вниманием, торопливо собирала портфель.

— Ты специально упала? — допытывалась Барабанщикова, — чтобы Лизкин рисунок спасти?

Полина не ответила.

— Спасибо, девочки. — Сёмина убрала лист в портфель и поспешила из класса.

— Серьёзно, скажи, как тебе удалось Людмилу Анатольевну провести? — настаивала Барабанщикова.

— Лен, отстань от неё, — вступилась Соня, — а то опять брякнется.

— Подумаешь! Не хочешь, не говори, — обиженно фыркнула Барабанщикова.

Подруги ушли, ушла и Полина, а Ника сидела за партой и размышляла. С неожиданной стороны открылась ей соседка: тихоня-тихоня, а вон как всё повернула.

Опять вспомнилась Лариска. Как бы она поступила? Верилось, что Кравченко что-то придумала бы. Что-то своё, особенное.

Урок, проведённый завучем в шестом «А», имел печальные последствия. На педсовете Людмила Анатольевна говорила о Золотовой. Выяснилось, что девочка на многих предметах сидит в обнимку с карандашами и никаких запретов не слушает. Ребята, как и в произошедшем на уроке литературы эпизоде, умудряются переключить внимание учителя. Выходка скромницы Полины могла оказаться отвлекающим манёвром. Это предположение возмутило завуча. Людмила Анатольевна долго не могла успокоиться и призывала разобраться в этом. Телефонный разговор классного руководителя с Алевтиной Сергеевной Золотовой не только не прояснил ситуацию, но ещё больше всё запутал. Дома ребёнок рисованием не увлекается, у них нет ни одной её работы. Учителя в других классах, заметив, как ребята показывают друг другу какие-то рисунки, узнали, что это «волшебные спортсмены» одной девочки из шестого «А». Кроме того, вспомнили историю с украденным в начале учебного года конкурсным велосипедистом. Опрос родителей на классных собраниях поверг в шок руководство школы. Почти у всех ребят есть рисунки некой девочки. Более того, дети выпрашивали деньги на их покупку, утверждая, что спортсмены исполняют желания. Все называли имя Сони, но это, скорее всего, посредник.

Мухину допросили в кабинете директора. Она разревелась, рассказала подробности и клятвенно обещала «больше этим не заниматься». С девочки взяли слово не распространять Никины рисунки и отпустили с миром. Вызвали к директору и саму Золотову. Разговор закончился на удивление быстро. Вероника обрадовалась избавлению от надоевшей обязанности. Художницу, конечно, пожурили: в школе надо учиться, а не заниматься посторонними делами, тем более за деньги! С чем она и не спорила. Казалось, проблема решена, но начались брожения среди обделённых рисунками ребят. Они караулили Соню и Нику, упрашивая рисовать. Обе даже разговаривать об этом отказывались. Затем начались перепродажи. Счастливые обладатели двух и более картин выставляли их на аукцион. Дисциплина в школе превратилась в неосуществимую мечту. Разговоры в учительской то и дело возвращались к теме «волшебных рисунков».

— Ситуация становится неуправляемой, — громогласно заявила завуч, оглядывая притихших коллег, на одной из перемен, — с этим надо что-то делать!

— Может, священника пригласить? — робко предложила Анна Ивановна.

— Какого? — взвилась Людмила Анатольевна, — Думайте, что говорите!

— Православного, наверное.

— Да? Эльмира Альбертовна предложит имама позвать. Арнольд Михайлович скажет...

— Я, Людмила Анатольевна, ничего не скажу, не надейтесь, — вежливо остановил речь завуч Арнольд Михайлович.

— Священник разъяснит ребятам вред суеверий, — настаивала Анна Ивановна, — не сотвори себе кумира, не надейся на князи человеческие...

— Какая вы наивная, Анюта, диву даюсь! — всплеснула руками Людмила Анатольевна. — Разве можно двадцатиминутной проповедью поставить эти мозги на место? С самого рождения у детей одно волшебство на уме. Что фильмы, что книги, не говоря о компьютерных играх. Ткнул мышкой куда надо — готово, враг повержен, у тебя ещё десяток жизней и здоровья выше крыши. Кругом одна магия.

— Игры играми. В школе-то мы можем их направить. Язычество какое-то получается. Батюшка лучше других покажет вред напрасных надежд.

— Анна Ивановна, если мы в школе будем филиал храма устраивать, нас там, — завуч ткнула пальцем в потолок, — не поймут. К язычеству как раз относятся снисходительно, а стоит...

— Что, собственно, произошло? — Арнольд Михайлович, закончив заполнять журнал, выбрался из-за стола и пошёл к выходу из учительской. — Девочка продаёт свои рисунки. Есть спрос, есть предложение. Это нормально.

— У нас образовательное учреждение, а не рынок! — провозгласила завуч. — Потом, Золотова обещает исполнения желаний, куда это годится?

— Она не обещает, — возразила Анна Ивановна, — ребята сами в это верят.

Дверь в учительскую отворилась, показался учитель физкультуры:

— Что за базар, извините, спор?

— Вот, мы сейчас у Дмитрия Дмитриевича спросим! — всем корпусом повернулась к нему Людмила Анатольевна.

— Попал, — присвистнул физрук.

— Когда Золотова подарила вам рисунок с баскетболистом, она, насколько я знаю, обещала победу школьной команде!

— Нет, просто подарила, — пожал плечами Дмитрий Дмитриевич, — и пожелала, конечно, успешно выступить.

— Вот! — значительно произнесла завуч, — пожелала победы!

— Так и вы желали нам победы, Людмила Анатольевна, — хмыкнул физрук, — правда, не подарили ничего.

— С моей стороны это была обычная вежливость, а вот Золотова...

Прозвенел звонок, присутствующие в учительской обрадовались ему не меньше, чем ученики окончанию урока. Похватав журналы, учителя поспешили в классы. Людмила Анатольевна тоже пошла к двери, испепеляющее взглянув на Дмитрия Дмитриевича, у которого не было урока. Анна Ивановна тоже оставалась в учительской, она с благодарностью за поддержку взглянула на физрука и тихо сказала:

— Не рынок и не храм, а учреждение.

Глава 5

Непонимание

Вероника по-прежнему ходила в школу и возвращалась после уроков домой одна. Привыкла, всё реже вспоминала Кравченко, свою попутчицу с первого класса. На дорогу требовалось четверть часа, всё бы ничего, но в эти пятнадцать минут на девочку наваливались печальные мысли. Чаще всего вспоминался разговор, который Ника хотела забыть. Иногда она думала, что надо рассказать родителям об этом происшествии, хотя бы папе. Быть может, он найдёт слава утешения, как-то объяснит причину директорского гнева, что-то посоветует. Девочка не могла уяснить, чем она провинилась, в душе у неё появилась неудобная раздвоенность. Раньше слова старших Золотко воспринимала, как

единственно верные, поводов сомневаться в оценках учителей, тренера или родителей у неё не бывало, но сейчас где-то в подсознании острым шипом кололся протест. Снова и снова Ника думала о высказанных ей обвинениях, мысленно оправдывалась, но рассказать взрослым об этом почему-то не решалась. Вдруг родители так же как учителя, начнут её упрекать. Тогда обида на взрослую несправедливость превратится в неугасимую.

Вот и сейчас, шагая по заснеженным улицам, школьница вспоминала багровое лицо завуча, тихий голос социального педагога и пристальный взгляд директора. Лёгкий морозец подрумянил щёки, кончики пальцев мёрзли в перчатках — Вероника не послушала маму, не стала надевать варежки. Низкое серое небо и блёклое солнце не радовали, даже мелодичное поскрипывание шагов не отвлекало Нику от унылых дум.

Вызвали её тогда к директору следом за Мухиной. Шёл урок математики, в кабинет заглянула социальный педагог, она же психолог, завела одну девочку и указала на другую.

— Золотова, — сказала математичка, — иди с Анной Ивановной. А ты, Мухина, садись на место.

Соня только круглые глаза сделала и шепнула Нике:

— Держись!

Это слово удивило Веронику. Она, как и все ученики, побаивалась директора, но это был трепет перед главным человеком в школе, а не ужас. «На ковёр» её вызывали впервые. До сих пор Золотову не ругали, причин для этого не находилось, Александра Петровна либо поздравляла девочку с победой на очередных соревнованиях, либо вручала грамоты. Что такое «держись»? Так говорят тем, кому надо защищаться от удара. Мухина оказалась права, Нике, в самом деле, надо было защищаться, но девочка слишком растерялась для этого.

Оказавшись в кабинете директора, Вероника огляделась. Большой стол, перпендикулярно ему ещё один длинный, рядом несколько стульев. Вдоль стен витрины с кубками и другими наградами, на стенде красивые грамоты. На одном из стульев за длинным столом сидела завуч, сама хозяйка кабинета стояла у окна, против света, Ника не могла разглядеть выражение её лица. Анна Ивановна оставила ученицу в центре кабинета,

сама прошла к стулу рядом с завучем. Ника не знала на кого из них смотреть и опустила глаза.

Людмила Анатольевна, кашлянув и коротко глянув на директора, заговорила:

— Будь добора, Золотова, объясни нам причины своего поведения, — не дождавшись ответа, поторопила, — что молчишь?

— Ты понимаешь, Ника, о чём тебя спрашивают? — подключилась к диалогу Анна Ивановна.

Девочка отрицательно покачала головой.

— Вот как, — в голосе завуча всё сильнее слышалось раздражение, — обманываешь, наживаешься на товарищах и считаешь это нормальным?

— Мухина сразу во всём созналась, — зачем-то сказала Анна Ивановна, и напуганная сердитым взглядом Людмилы Анатольевны смолкла.

— Причём тут это? Золотова ловко использовала подругу. Пряталась за её спиной. У Мухиной нет материальной заинтересованности, она помогала нашей ловкачке по недомыслию.

Вероника с каждой минутой всё меньше понимала, о чём идёт разговор. Сердце сильно-сильно колотилось, Девочка старалась его унять, затаивая дыхание, но это не помогало. Пауза тянулась долго. Нике начинало казаться, что у неё уши заложило, поэтому она ничего не слышит. Наконец, молчание прервала Людмила Анатольевна. В голосе её слышалось сожаление, казавшееся Нике притворным.

— Мы-то считали тебя хорошей, трудолюбивой, приличной девочкой... Скажи мне кто год назад, что Золотову придётся вызывать к директору и прорабатывать, я бы рассмеялась в лицо!

Это что же? Вероника вдруг стала плохой, ленивой и неприличной? Почему? За что её ругают? Рисовать на уроках не следует, это понятно, но ведь она никому не мешает, сама учится хорошо.

Александра Петровна, до этого момента стояла неподвижно, теперь подошла к своему столу и уселась. Завуч и психолог замерли, словно приняв у директора эстафету в игре. Директор переложила с места на место предметы перед собой и подняла глаза на Золотову.

— Скажи мне, пожалуйста, милое дитя, кто тебя надоумил торговать рисунками?

Ника хорошо помнила, что Соня убеждала ребят платить за «волшебство», но говорить об этом директору не хотела. Тем более что Людмила Анатольевна недавно говорила об отсутствии заинтересованности у Мухиной.

— Обманывать нехорошо, тебе это известно? — ровным голосом спросила Александра Петровна и, дождавшись, когда девочка кивнёт, продолжила, — возможно, ты считала это шуткой, но ребята тебе верили. Ты ведь не думаешь, что творила чудеса? Ну вот, не думаешь. А товарищам обещала исполнение желаний, да ещё деньги за это брала.

— Я не обещала, — еле слышно прошептала Ника.

— Позвольте мне, Александра Петровна. — Завуч встала, громко отодвинув стул, и прошла по кабинету. — Я считаю этот факт пятном на добром имени школы. Ученица устроила коммерческую деятельность, причём так широко, что это стало известно и за пределами, так сказать, нашего учебного заведения.

Директор откинулась на спинку стула и, подняв бровь, слушала Людмилу Анатольевну. Та продолжила свою речь:

— Ты знаешь, Золотова, о том, что у нас в стране надо платить налоги с доходов?

Эта фраза удивила всех присутствующих. В другое время Вероника засмеялась бы, услышав такое, сейчас у неё только уголки губ дрогнули, но завуч заметила и это.

— Улыбаешься? А если твоего отца посадят в тюрьму, тоже будешь посмеиваться?

— Людмила Анатольевна, — робко возразила социальный педагог, — вы преувеличиваете.

Завуч резко повела рукой, останавливая возражения.

— Несовершеннолетний гражданин организывает коммерческое предприятие, имеет доход. Теневой бизнес фактически! И это на территории школы! Всем нам не поздоровится в случае чего! Ты хочешь, что бы твоих учителей и родителей наказали, Ника? Отвечай! Язык проглотила?

— Меня ребята просили, я не думала...

— А вот, надо думать! Или хотя бы советоваться со старшими.

— Ты ничего не рассказывала маме и папе? — поинтересовалась Анна Ивановна.

Девочка пожала плечами.

— Как такое может быть? — обернулась к директору психолог, — благополучная семья, я всегда считала, что Золотовы интересуются девочкой.

— У них одни медали на уме, — едко заметила Людмила Анатольевна, возвращаясь на прежнее место, — кроме гимнастики не хотят ничего видеть.

Веронике стало совсем плохо, уже не знала, закончится ли когда-нибудь этот разговор. Во рту пересохло, как будто она пробежала в полную силу километра два.

— Можно? — девочка указала на стоящий около завуча графин.

Анна Ивановна, чуть не толкнув Людмилу Анатольевну, поторопилась налить воды и протянула Нике стакан. Та робко подошла, выпила залпом и сказала:

— Я больше не буду рисовать.

— Нет, рисуй, пожалуйста, — миролюбиво возразила директор, — только не надо продавать свои работы товарищам. Вот, когда вырастешь, оформишь индивидуальную трудовую деятельность, торгуй сколько угодно.

— Но ей многие успели заплатить! Надо бы вернуть ребятам деньги, — сказала Людмила Анатольевна.

— Она, наверное, потратила, — предположила Анна Ивановна.

— Ладно, это обсудим с родителями. — Директор указала на Нику. — Отведите её на урок. Мы с тобой договорились, Золотова? Никакой торговли! Иди.

Ника кивнула и с облегчением пошла к выходу, за ней поспешила Анна Ивановна.

Как будто это так просто. «Не буду больше». Обида на учителей за несправедливые обвинения не главная проблема. Ребята не желали отказываться от услуг художницы. Особенно негодовали те, чья очередь подошла. Соня, которой до этих пор нравилась роль Никиного агента, теперь не желала объясняться с разъярёнными заказчиками. Всех отсылала напрямую к художнице: «Честное слово, не могу на неё повлиять, говорит, надоело бумагу портить». Неделю после вызова к директору Ника все перемены проводила в разговорах. К ней подходили в буфете, обращались в коридоре, ловили в раздевалке, большие ребята, маленькие, ровесники. Голова кругом шла, девочка уже лиц не различала. Не думала, что при таком огромном количестве изготовленных рисунков, осталось столько желающих получить такие же.

Однажды наступила тишина. Золотову перестали замечать. Как это получилось? Предприимчивые ребята копировали Никины рисунки — зарабатывали на подделках, интерес к самой художнице пропал. Девочка поначалу обрадовалась, вздохнув с облегчением, но вскоре заметила странную пустоту вокруг, отчуждение и подчёркнутое равнодушие одноклассников. Она самой себе казалась рыбкой в аквариуме, беззвучно открывающей рот. От всех остальных её отделяла толща воды.

Дойдя до школьного двора, девочка остановилась. Развернуться бы сейчас и пойти, куда глаза глядят. Шумные стайки учеников и учениц пробегали мимо. Дверь открывалась, пуская их в уютное тепло, не успевала закрыться, как снова её кто-то тянул на себя. Ника стояла, не в силах двинуться. Чуть не задев её плечом, прошла Соня, рядом с ней Барабанщикова. Девочки весело болтали о спектакле, на который собираются идти в каникулы. Ника вспомнила, как Мухина догнала её здесь и выпросила шоколадку подаренную Нике мамой маленькой Лилечки. Если бы того случая не было! Не узнала бы Сонька о Лилечкином выздоровлении, не просила нарисовать и ей «волшебный» рисунок, не сочинила историю о своём чудесном похудении. Скоро звонок, надо идти. С опозданием заходить в класс ещё тяжелее.

Вероника с тех пор как перестала рисовать для ребят, скверно чувствовала себя в школе. С ней не общались. Вокруг девочки будто возникла невидимая стенка. Одноклассники не отвечали на приветствия, отводили глаза, когда Ника о чём-то спрашивала. Соня, скрывая от ребят свой сговор с директором, представила Золотову зазнавшейся знаменитостью. Те, кто поначалу обращался к художнице напрямую с просьбой нарисовать что-нибудь для них, получали отказ. Это подтверждало Сонькину теорию. Якобы Золотова задрала нос и не хочет больше рисовать для мальчишек и девчонок, у неё появились заказчики солиднее. Огорчённые ребята поверили этому вымыслу, не понимая, почему Вероника, изготовив так много рисунков, теперь отказывается это делать даже за удвоенную цену. Порой, отвечая у доски, Ника не могла поймать ничей взгляд. У каждого в классе находились неотложные дела в учебнике, в тетради, портфеле, кто-то демонстративно смотрел в окно. Призывы учителя внимательно слушать товарища не находили отклика.

Полина вела себя иначе. Она не только слушала Золотову, когда та работала на уроке, но иногда спрашивала её о каких-то мелочах за партой или на перемене. В глубине души Вероника была благодарна прежде молчаливой соседке, так неожиданно переменившейся. Как хорошо, что эта странная девочка теперь учится с ними! Она не подружилась ни с кем, всегда сторонилась одноклассников и теперь одна-единственная из класса не присоединилась к бойкоту, объявленному Золотовой. Ника скучала по уехавшей в интернат Лариске. Будь Кравченко здесь, никто бы не посмел Нике бойкоты устраивать, мигом напоролся на колкость или насмешку! Конечно, давняя подруга заступилась бы за неё, и не так скромно, как Соловейчик, а во всю мощь своего темперамента. Ей ничего не стоило поскандалить хоть с Мухиной, хоть с дзюдоисткой Катькой, хоть с кем-нибудь ещё. Она сумела бы умерить бесконечные запросы ребят. Сколько им надо «волшебных» рисунков? У каждого уже по два-три! Ника даже хотела послать Ларисе письмо, сочинила его на уроке литературы, но, перечитав, не отправила. Уж больно оно жалобное получилось, как будто ябеда пишет. Лучше поговорить с жизнерадостной подругой с глазу на глаз. Вероника надеялась встретить Лару на турнире по гимнастике, окунуться в привычную трескотню острот и шуток.

Из-за натянутых отношений с одноклассниками спортсменка с удовольствием пропускала школьные занятия. В секции отношения с девочками тоже были напряжены. Никто не игнорировал существование Ники, просто говорили с ней нехотя и поглядывали с

неудовольствием. Неусыпное внимание тренера к любимице обижало остальных. Они сожалели, что Золотова не уехала в интернат, тогда бы Ольга Михайловна оставшихся девочек тренировала в полную силу. Мнение это было предвзятым. Тренер немало усилий тратила на всех гимнасток, и успех зависел от них самих, от старания и настроения на победу, но так удобно оправдывать неудачи действиями или бездействием кого-то другого!

В середине декабря Вероника успешно выступила на турнире региона по спортивной гимнастике среди девочек «Звёздочки». Вошла в число призёров и получила первый взрослый спортивный разряд. Алевтина Сергеевна светилась от счастья. Помня, как в юности из-за травмы вынуждена была прекратить тренировки, она испугалась, что дочь повторит её путь. На этот раз обошлось, девочка избежала последствий сотрясения мозга и смогла восстановить спортивную форму. Теперь надо стремиться к новым вершинам. Женщина каждый раз, похвалив Нику, напоминала, что почивать на лаврах нельзя, впереди первенство России.

Единственным разочарованием турнира для Ники было отсутствие команды из школы-интерната, их пригласили в другой регион. Руководство направило одарённых спортсменок на более представительные соревнования, девочкам полезен опыт борьбы с незнакомыми гимнастками — предстоит первенство, где будет много новых соперниц. Ольга Михайловна узнала, что и Кравченко, и Снегирёва взяли в гостях золотые медали, одна за вольные упражнения, другая на брусьях, сообщила хорошую новость в секции. Золотко обрадовалась за подруг, но теперь их ещё долго не увидеть. Желание Вероники обсудить с Ларисой свои беды оставалось пока неисполненным. Девочки из команды отнеслись к Никиному успеху холодно, не нашлось новой подруги и здесь.

Город провожал старый год. Сверкали гирляндами витрины, в каждой из них красовались зелёные или серебристые ёлочки. Школьники готовили новогодний концерт. Ребята собирались до начала уроков, репетировали весёлые сценки, разучивали новогодние стихи и песни. Часто встречи превращались в радостный гомон и всеобщее ликование, классной руководительнице приходилось восстанавливать порядок. В этих шумных сборищах Золотова и Соловейчик не участвовали. У гимнастки утром тренировка, Полина сдержанно отказалась, не объясняя причин. Обычно Вероника выступала на праздничных концертах с отрывками из вольных упражнений, в этом году её не привлекали. Ираида

Владиславовна заметила, что ребята в классе настроены против Золотовой, но не находила времени с этим разобраться: конец четверти, контрольные, педсоветы, родительские собрания, тут ещё продолжение истории с «волшебными рисунками». По школе распространялись копии. Находчивые ребята переводили Никины произведения через стекло и продавали товарищам. Тех, кто занимался фальшивками, искали, но, наученные опытом самой художницы копировальщики тщательно шифровались. Всплеск интереса к Золотовой сменился таким равнодушием, что она ощущала вокруг себя вакуум, и если б не Полина, вообще ноги бы в школу не шли. Замкнутая и мечтательная Соловейчик общалась с Никой, и она это ценила.

Подругой соседку по парте Ника не стала б называть, она по-прежнему ничего ни знала об этой странной девочке. Что любит? Чем увлекается? Кто её родители? Почему поменяла школу? И есть ли у неё друзья? Вероника иногда осторожно задавала какой-нибудь вопрос, но Полина смотрела в сторону, будто не расслышав, и беспомощно улыбалась. Становилось её жалко и приходилось умерить любопытство. Поделиться с ней своими думами тоже не получалось. Лариса, помнится, всё вытрясет из подруги, если заметит погрузневшее лицо. Полина никогда не спрашивала ни о чём, она каким-то непонятным чутьём угадывала, как надо себя вести, чтобы поддержать человека, посочувствовать ему. Нику это удивляло, но помогало выдержать бойкот одноклассников.

Незадолго до каникул Анна Ивановна оставила шестой «А» после уроков. Многих учителей беспокоила напряжённая атмосфера в классе, поэтому завуч считала необходимым протестировать ребят и поручила психологу сделать это срочно. Анна Ивановна предпочитала работать индивидуально или с группами человек пять-шесть, не больше, иначе результаты не будут достоверными, однако, времени на это не было.

Ребята, еле дождались окончания уроков и недовольно загудели, когда Анна Ивановна уговаривала их задержаться минут на пятнадцать. Помогла ей усадить шестиклассников за парты подоспевшая Людмила Анатольевна.

— Сами себя задерживаете! — строго говорила она, — быстренько достали ручки и заполнили бланки. Раздавайте, Анна Ивановна!

Ника, получив бланк, углубилась в изучение вопросов. Быстренько расставила галочки в нужных графах, хотелось сдать и бежать домой. На последнем вопросе работа

застопорилась: «Назовите имя своего лучшего друга». Раньше, не задумываясь, записала бы Ларису Кравченко. Неприятные сомнения скребли сердце. Вот уже несколько месяцев они не общались. Лариса не звонила. Когда Ника попыталась сама её набрать, наткнулась на механический голос, сообщающий, что номер не существует. Родители подруги новый номер её мобильного не сказали. Алевтина Сергеевна, узнав об этом, долго рассуждала о людской неблагодарности. «Спасибо должны сказать! Если бы ты поехала в интернат, Лариске твоей пришлось здесь остаться! Они теперь нос воротят, помешаешь, видите ли, восходящей звезде тренироваться!»

Вероника удивлялась маминым словам. Она не просто так место в интернате уступила подруге, а по настоянию врачей. За что же Лариса должна быть благодарна? Она усиленно тренировалась, мечтая обойти Снигирёву, и заслужила это место без помощи Ники. Жаль, конечно, что не удалось увидеть подружку на турнире, тогда бы всё прояснилось. Наверное, у неё совершенно нет времени на разговоры.

Ника, устав от пустой строки рядом с трудным вопросом, перевела взгляд на лист соседки. Соловейчик тоже добралась до этого места. На мгновение ручка зависла, потом вывела: «Мама». Вероника удивилась и подумала: «Можно так?» Она уже хотела по примеру Полины назвать лучшим другом маму, но было бы справедливее написать о папе. Этого она тоже не решилась сделать, вдруг листочки с тестом раздадут родителям, мама, увидев такой ответ, обидится.

Что получается? Она одна одинёшенька? Уехала Кравченко, и всё? Почему-то вспомнилась Лиз. Переписка с немочкой продолжалась всё это время. Ника любила читать её письма, и сама с удовольствием делилась с ней новостями. Немного странные с точки зрения русского языка послания поддерживали, согревали отвергнутую ровесниками художницу. Лиз была далеко, но искренне интересовалась жизнью русской девочки, горячо поздравляла с успехами в спорте. Вероника улыбнулась и решительно написала ответ на вопрос о лучшем друге: «Лиз».

Такой ответ озадачил психолога. Анализируя тесты учеников шестого «А», она подтвердила справедливость опасений за атмосферу в коллективе. Золотова, по всей видимости, изгой. Никто не назвал её другом, примером для подражания, человеком, которому сочувствуешь. Ни одного упоминания, как будто нет такой ученицы в классе.

— Кого она сама зачислила в друзья? — спросила Анну Ивановну завуч.

— Похоже, имела в виду Сёмину, но даже имя не дописала, вот, посмотрите:
«Лиз...».

— Ох, и почему только Золотова не ушла из школы, лучше бы Кравченко осталась, честное слово, жалею, — посетовала Людмила Анатольевна, — столько с ней проблем.

— Не понимаю агрессию одноклассников по отношению к Веронике, — Анна Ивановна указала на стопку листочков с тестами.

— Что тут странного? Обирала их наша чемпионка.

— Ребята платили и нормально с ней общались, а когда Ника перестала рисовать...

— Разочаровались, поняли, что девчонка их за нос водила. Ничего. Всякое в жизни бывает, теперь не будут такими легковверными.

***

В последний учебный день четверти Ираида Владиславовна вела классный час, раздавала дневники, обсуждая успеваемость каждого ученика. В кабинет вошла Людмила Анатольевна, взмахом руки велела всем не подниматься из-за парт и сурово спросила, показывая рисунок:

— Кто это рисовал?

Школьники притихли. Вероника подняла руку, увидев знакомого прыгуна в воду. Людмила Анатольевна шагнула к девочке:

— Тебе запретили торговать рисунками!

Вопреки установившейся в последнее время традиции, глаза учеников устремились на Нику. Стало слышно, как в соседнем классе репетируют хоровое исполнение песни:
«Три белых коня, эх, три белых коня: декабрь, январь и февраль...».

— Ты обещала больше не заниматься... бизнесом, Золотова!

Вероника смотрела на завуча, не зная, как ответить. Прыгуна в воду она рисовала ещё в сентябре, в начале года никто ей не запрещал этого делать.

— Ника не рисует, совсем, — медленно поднялась из-за парты Полина, — честное слово.

— Тебя никто не спрашивает, Соловейчик, сядь. Мухина, как ты это объяснишь? — Завуч потрясла картинкой у носа Сони.

Бледная Соня вытянула шею, разглядывая изображённую на листе вышку и летящего к светло-зелёной воде прыгуна.

— Такой рисунок я отдавала Ашоту из восьмого «В». В первой четверти. Тогда можно было.

Она теребила краешек блузки, обводя взглядом класс в поисках поддержки.

— Наверное, Ашот свой рисунок продал, — робко поддержала подругу Барабанщикова, не сводя глаз с рассерженного лица завуча.

Классная руководительница знаками показывала ребятам, что спорить не стоит.

— Можно было, — передразнила Людмила Анатольевна Мухину и, выходя из класса, бросила Нике, — после каникул вызову отца.

Едва дверь закрылась, одноклассники, для которых существование запрета стало открытием, загалдели. Многие повскакали с мест, окружили Соню с Леной. Колов тянул Золотову за рукав:

— Так это ты не сама отказывалась рисовать для нас? Тебе запрещали? Кто? Говори!

— Отстань! — Ника освободила из цепких пальцев одноклассника руку. С новой силой напомнила о себе обида за несправедливый бойкот. — Мало я нарисовала вам? Чего вы такие ненасытные?

— Сказала бы, что тебе не разрешают учителя, — настаивал Колов, — мы думали, ты важничаешь!

— Зря вы с Сонькой поддались! — поддержал друга Борзов, — Всё равно по школе рисунки перепродаются. Врут, что твои, иначе ведь не купит никто. А цены знаешь, какие ломают?

— Никто тебе не поверит, что не рисуешь. Рисовала бы потихоньку. Для нас только...

— Сами рисуйте!

Ираида Владиславовна с трудом восстановила дисциплину. Вероника, не желая больше объясняться, попросила учительницу отпустить её домой. Та быстренько нашла нужный дневник. Ей тоже не хотелось, чтобы подготовка к концерту превратилась в митинг. Хватит одной Мухиной. Уже в раздевалке Нику догнала Полина.

— Меня тоже отпустили, пойдём вместе.

— Пойдём.

Девочки оделись и вышли во двор школы. Скрип снега настраивал на размышления. Вероника предложила:

— Может, погуляем, не хочется домой.

— Холодно. Нельзя мне пальцы застужать.

— Что с твоими пальцами? — удивилась Ника, разглядывая Полинкины пуховые варежки.

— На скрипке играю, если суставы заболят, не смогу на конкурсе выступить. Пошли ко мне домой, я тебе исполню что-нибудь.

Это было впервые. Никогда раньше девочка не говорила кому-то из одноклассников о себе, тем более не звала домой. Вероника обрадовалась приглашению. Как играют на скрипке, она видела только по телевизору, ей это казалось волшебством. Вот бы подержать инструмент в руках, провести смычком по струнам! Ника согласилась, и девочки заспешили по освещённой фонарями улице. Полинкина квартира встретила девочек запахом пирогов.

— Мама, я пришла! — крикнула Полина, вешая пуховик гостыи и своё пальто на крючки в прихожей, и добавила, — с подругой.

С кухни выглянула разругавшаяся женщина, вытирая руки о синий клетчатый фартук.

— Вовремя! Пироги только вытащила. Сейчас горяченьких, с чаем.

— Это Вероника, моя одноклассница, мы за одной партой сидим.

Ника за полгода не слышала от Соловейчик столько слов подряд. Удивительно, как человека меняет домашняя обстановка!

— Я Раиса Марковна... тётя Рая, — представилась хозяйка, — мойте руки и за стол.

— С капустой? — спросила Полина, когда девочки уселись на кухне.

— Эти с капустой, а в духовке с повидлом. Угощайся! — Тётя Рая подвинула тарелочку с золотистыми пирожками ближе к госте. Ника отхлебнула чай, почувствовала вкус мяты и ещё чего-то знакомого.

— Смородина, — ответила на незаданный вопрос Раиса Марковна.

— Мам, можно я Нике на хорошей скрипке сыграю? — умоляюще сказала Полина.

— Доченька, лучше без дела не брать, мало ли что. Поиграй на своей.

— Но ведь мы её купим!

— Не знаю, пока не получается занять столько. Постараюсь посуду взять на работе, но не знаю, хватит ли.

— Пожалуйста, мамулечка, — упрашивала Полина, — а вдруг отдавать придётся, а я так мало играла на ней!

— Хорошо. Только осторожно!

Напившись ароматного чаю с пирожками, девочки пошли в комнату. Вероника села на диван, осматриваясь. Внимание привлёк небольшой комод, хозяйка назвала его «музыкальный». Из нижнего ящика Поля достала грудку покрашенных в красный цвет железок, оказавшихся раскладным пюпитром. Появилась тонкая большого формата книга. Полина пристроила её на пюпитре и раскрыла. На разлинованных страницах расселись как набухшие почки на весенних ветках разнообразные значки. Ника знала, что это ноты, но кроме самих кружочков с палочками столько всего непонятного...

— Как ты в этом разбираешься?

— Сейчас услышишь. — Скрипачка раскрыла футляр, один из двух лежащих на комодке, и достала инструмент. Пристроила мостик, взяла смычок.

Вероника залюбовалась подругой: та изредка поглядывала в ноты, слегка покачивалась корпусом, выводя пассажи, лицо её сделалось открытым, ясным. Звуки скрипки, сильные, яркие, глубокие, наполнили Нику восторгом. Полина перевернула несколько листов, произведение оказалось большим. Закончив, она немного постояла и взглянула на гостью:

— Ну как?

— Не думала, что такое бывает, — широко распахнув сияющие глаза, откликнулась Вероника, — дяденьки и тётеньки в оркестрах понятно, они учились сто лет, но чтобы девочка...

— А ты как скачешь на своей гимнастике? Тоже многие удивляются, — Полина убирала инструмент в футляр, накрывая его бархатистой тряпочкой.

— Ещё не поиграешь?

— Могу на своей, но она не так звучит.

— А эта чья?

— Маме предложили купить для конкурса. Отличная скрипка, трудно такую найти, но мы пока не заплатили.

— Пили на той, — разрешила Ника. Полина ещё немного поиграла на взятом напрокат инструменте. Пальцы также шустро бегали по грифу, но даже незнакомая с тонкостями скрипичной игры гимнастка слышала, как отличается звучание инструмента от предыдущего.

Звонок Никиного смартфона прервал концерт. Алевтина Сергеевна разыскивала дочь. Пришлось с гостеприимными Соловейчиками прощаться и бежать домой. Мама не зря беспокоилась, завтра рано утром Вероника уезжает в расположенный неподалёку спортивный лагерь «Лесная сказка», собираться надо сейчас, пока ночь не наступила. Девочка, находясь под впечатлением от прослушанной музыки и от самой скрипачки, рассказывала обо всём маме, но та слушала рассеянно. Куда важней для неё было выбрать правильный свитер, нужный спортивный костюм, не забыть тапочки, носочки...

— Представляешь, мам, у неё две скрипки, звучат по-разному. Та, которая чужая, поёт как оперная знаменитость, могуче, широко. Другая, на прокат взяли, дзынькает вроде попсы...

— Не болтай, ты меня сбиваешь, — остановила Нику мама, — иди лучше собери зубную щётку, мыло, полотенце. Сама знаешь что взять, не в первый раз.

Вероника, вздохнув, стала собираться. Ужинали поздно. Ника не проголодалась, пирожки Соловейчиков ещё не забылись. Она хотела рассказать, как побывала в гостях, но не стала, вид у мамы был озабоченный.

— Ешь, как следует. Завтра некогда завтракать, рано уезжаете.

— Да что тут ехать, — миролюбиво спорил папа, — там их накормят кашей, и какао с бутербродом дадут. Я видел меню на сайте.

— Хорошо-хорошо, ещё бы не кормили! Занимайся, как следует, — обратилась Алевтина Сергеевна к дочери, — такую сумму за тебя выложили!

— Она всегда всё делает, как следует, — папа погладил Нику по голове. — Будем скучать. Обязательно с подарками приедем навещать.

— Там будет и ёлка, и подарки, и дед Мороз. Такие деньжищи! Можно подумать, на Бали ребёнка отправляем!

— Алюша, не переживай, я премию получил неплохую.

— Будь она в интернате, не приходилось бы выкручиваться!

В мамином голосе слышался упрёк. Когда Алевтина Сергеевна так говорила, Ника чувствовала себя виноватой. Станислав Андреевич, увидев дочкины васильковые глазки, растерянно следящие за мамой, отправил Веронику спать:

— Ты поела? Иди, ложись, а то не выспишься.

— Зубы почисть, — добавила мама, — в чемодан, я надеюсь, «дорожную» щётку положила?

Девочка кивнула, привычно поблагодарила маму за ужин и ушла с кухни, предоставив папе справляться с мамиными эмоциями. Всё, что касалось спорта, вызывало у Алевтины Сергеевны бурю чувств.

Прежде чем лечь, заглянула в электронный почтовый ящик. Пришло очередное письмо от Лиз. Сначала посмотрела фотку. Группа весёлых молодых людей около нарядной ёлки на площади. Рядом с Лиз высокий рыжеватый парень, чуть наклонился в её сторону и обнял за талию. В письме девушка пояснила, что это её бой-френд. Они вместе путешествуют по Франции. Дальше Лиз спрашивала, есть ли кто-нибудь у Ники, и как по-русски назвать парня, с которым дружит девушка. «Моя тётя, сказала, что это хахаль, мне кажется, она шутила», — она нарисовала улыбочку. Немного подумав, Вероника ответила: «Может быть, кавалер или ухажёр. Эти слова, кажется, устарели, обычно говорят просто — мой молодой человек, хотя это странно звучит». Дальше она написала: «Сейчас рядом со мной нет мальчика, который мне бы нравился» Потом добавила: «И кому бы я нравилась». Подумав, стёрла последнюю фразу. Пожелала Лиз весёлых каникул, поздравила с Новым годом и отправилась в постель.

Глава 6

Весёлое времечко

Утренняя суэта и проводы остались позади. В автобусе Вероника заняла местечко у окна, помахала маме и папе, огляделась. Неподалёку расположились две девочки из её секции, они сели вместе и демонстративно отворачивались, когда Ника на них смотрела. Заходившие в автобус ребята выбирали места рядом с друзьями, к Золотовой никто не

садился. Ей стало неуютно. Возникло чувство, похожее на то, которое она испытывала в классе после объявления бойкота. Неужели ей снова придётся пройти через это?

Пятеро легко одетых мальчишек шумно забежали по лестнице и, толкаясь, заняли четыре места. С шутками и хохотом выталкивали лишнего. В конце концов, скинулись в «камень, ножницы, бумага». Проигравший парнишка оглядел свободные кресла и заметил одиноко сидящую девочку, та смотрела на него широко распахнутыми ярко-синими глазами. На лице парнишки мелькнуло сомнение.

— Валерка! — подначивали его друзья, — смотри, как повезло, ждёт тебя твоя Ассоль.

— Нет, это Белоснежка! Признавайся, из какой ты сказки? — обращался другой шутник уже к самой Нике.

Валера, не слушая товарищей, спросил:

— Не занято?

— Свободно, — ответила Ника и подвинулась, хотя места было достаточно.

Мальчик сел на краешек сиденья. Сначала он дичился, переглядывался с дружками, сидящими через проход, но к середине маршрута оттаял. Повернулся и, чуть пригнувшись, заглянул в круглое окошечко, которое Ника отскребла от инея на стекле.

— Полчаса ещё ехать, — сказал сосед тоном завсегдатая.

— Ты бывал здесь? — спросила девочка.

— На этой спортивной беже? Несколько раз. Занимаюсь в лыжной секции, а в «Лесной сказке» часто проводят соревнования. Гимнастка?

— Как ты догадался?

— Видно. Художественная?

— Нет, спортивная.

— О! Уважаю, — протянул руку, — Валерий.

Ника, смутившись, пожала ладонь мальчика и назвалась:

— Вероника.

— Ты здесь тоже со своей секцией?

— Нет, я должна была в спортивном интернате учиться, тогда бы с подругами в Сочи поехала, но пришлось отложить на год. — Ника не захотела говорить о девочках, которые почему-то упорно делали вид, что незнакомы с ней.

— Значит, за свой счёт.

— Ага.

— Не пожалеешь, здесь классно. Правда, гимнастки в помещениях больше торчат, а мы по лесу бегаем. Знаешь, какой лес! Обязательно ходи гулять.

— Не заблужусь?

Лыжник засмеялся:

— Вообще-то, немудрено. Мы с моим другом Сашкой в первый заезд, знаешь, что отчудили?

Сосед рассказал, как они выступили на квалификационных соревнованиях. Валера стартовал следующим после Саши и вскоре догнал его. Товарищ лыжню уступил, но не отставал, шли друг за другом. Так увлеклись борьбой, что пропустили поворот круга юниоров, ушли на взрослый. Намотали лишние километры, устали зверски, но выдержали и финишировали.

— Представляешь? Тренер нас ждёт, по времени должны быть. Все ребята на месте, а Сашка и я где-то пропадаем, — с улыбкой рассказывал Валера, — бегу к финишу, вижу злющего тренера, он уже решил, что мы первый юношеский разряд не выполнили — в норматив не уложились. Да ещё наши номера не зарегистрировали на повороте. Бросается сразу ко мне с вопросом: «Где пропадали? Срезали через лес? Я вас предупреждал, что весь круг контролируют!». Я растерялся, сказать ничего не могу, а Сашка оправдывается,

нас, мол, записали, видел он человека на повороте. Да и я видел, почему, думаю, он наши номера не сообщил? Отругали меня и Саньку по первое число!

— Как такое получилось? — сочувственно спросила Ника, — вы же весь круг проехали.

— Мы круг для взрослых пробежали на третий взрослый, представляешь? Первые из всей секции.

— Это выяснилось?

— Конечно, — Валера засмеялся, — когда Олег Саныч, тренер наш, данные с большого круга получил, только присвистнул и сказал: «Ну, вы даёте!»

Слушая и другие истории, девочка смотрела, как бегут заснеженные обочины, машут укутанные серебристым кружевом ветви елей. Впервые с момента отъезда Лариски в интернат

Автобус повернул с трассы на расчищенную дорожку.

— Подъезжаем, — сказал Валера. Вон, видишь ряд бревенчатых домиков? Там гимнасток селят.

Автобус остановился на площадке около узорчатых ворот. Юные спортсмены засуетились, вставая с мест и разбирая вещи.

— Давай чемодан, я тебя провожу, — сказал Нике сосед.

— Не надо, — запротестовала она, хотя чемодан был тяжёл для неё, от дома до автобуса его нёс папа.

— Надо-надо, меня учили помогать женщинам и детям.

Вероника засмеялась:

— И кто я, по-твоему, женщины или дети?

— Дети, конечно.

Товарищи провожали Валеру шуточками, он только добродушно посмеивался.

Шли по неширокой дорожке, освящённой фонарями. Зимний день не спешил начинаться, в лесу царили сумерки. Между редкими стволами над белой землёй ленивая дрёма, и только сугробы в кругах фонарного света блистали тысячами крохотных огоньков.

— Белочка! — Ника увидела серо-коричневую красавицу, длинными скачками спешащую от одной ёлки к другой.

— Здесь полным-полно белок, людей они почти не боятся.

— Кормить их можно?

— Да, есть место, куда все насыпают орешки. Я тебе покажу потом.

Подошли к бревенчатому дому, на веранде ребят встретила подтянутая женщина в бордовом спортивном костюме со списком в руках.

— Воспитатель, — шепнул Валера.

— Фамилия? — спросила женщина, и отметила Нику в списке, — а вы, молодой человек?

— Сопровождаю, — хмыкнув, ответил паренёк.

— Что ж, — радушно сказала воспитатель, — сопроводи до комнаты. Выбирай любую, Вероника. Ты первая.

Ребята прошли внутрь. Валера решительно направился к центру.

— Советую сюда, подальше от входа и не угловая. — Он поставил сумку около кровати. — Здесь. У окна дует, та около двери, будут все мимо тебя шастать.

Ника послушно села на выбранную Валерой кровать, огляделась и спросила:

— А ты почему не торопишься? Все хорошие места займут.

— Мы с парнями договорились располагаться как в прошлом году, не беспокойся за меня.

В комнату заглядывали девочки, но, смущаясь незнакомого мальчика, проходили дальше.

— Ладно, устраивайся, — он легонько хлопнул девочку по плечу и убежал.

Вскоре в комнату зашли две девочки постарше Ники. Познакомились. Оля и Уля уже бывали в «Лесной сказке», они сразу взялись опекать новенькую. Как только юные спортсмены разложили вещи по тумбочкам, пришлось идти на завтрак. В просторной столовой, помещение которой было рассчитано на большее чем сейчас количество ребят, Ника села за один стол с Олей и Улей, четвёртой к ним присоединилась знакомая старших девочек Вика.

На столах, как и обещал папа Вероники, каша, какао, бутерброд. Воспитательница Нина Савельевна в качестве сюрприза вручила девочкам по большой шоколадной конфете, правда, предупредив:

— На сладкую жизнь не рассчитывайте.

Приятно оказаться в новой обстановке, где нет предвзятости из-за «волшебных» рисунков или нарочитого внимания тренера, где тебя воспринимают как обыкновенную девочку без выдающихся способностей. Дни в «Лесной сказке» были заполнены до отказа. Тренировки утром и во второй половине дня, прогулки, самодеятельность. Устроили конкурс новогодних стенгазет. Вероника вызвалась рисовать, новые подружки согласились, ведь никто из них не имел такого опыта. На большом листе ватмана девочка изобразила Деда Мороза лыжником, а Снегурочку фигуристкой. Раскрашивали всем миром. Ярко-синяя шуба с серебряной опушкой развевалась, едва поспевая за мчащим на лыжах дедом, шапка набекрень, седая борода по ветру. В другом углу Снегурочка в малиновом платье скользит ласточкой и детишки, хлопая в ладоши, зовут: «Дедушка Мороз!» Старшие девочки придумали стихи, разместили их между фигурами деда и внучки. Общая работа — не для кого-то одного, для всех — вызвала в Нике ощущение восторга. Приятно было слышать похвалы, хотя они относились не к ней лично, а к нескольким участницам.

Газета гимнастического отделения заняла первое место на конкурсе, собрав самое большое число «лайков» и единогласное одобрение жюри, куда вошли директор, старшая вожатая и начальник охраны. Валера, с которым после знакомства в автобусе Ника частенько болтала, подошёл и пожал художнице руку.

— Здорово ты лыжника изобразила, а наши «примитивисты» только снеговика с палками сумели! — Он тронул нарисованную серо-голубую лыжню. — Куда им до твоей фантазии! Сама-то катаешься?

— Не умею. У нас даже на физкультуре лыжи отменили.

— Зря. Хочешь, научу? Здесь в прокат дают и лыжи, и ботинки.

— Можно попробовать, — согласилась Вероника.

Никина попытка встать на лыжню привела к повальному хохоту Валеркиных друзей. Девочка не обижалась, сама смеялась громче всех. С горки, не падая, съехала два раза из пятнадцати, но ей всё равно понравилось. Через два дня таких тренировок новоиспечённая лыжница уверенно управлялась со спортивным инвентарём. Каждый раз, когда она была свободна от своих тренировок, с удовольствием принимала приглашение Валеры покататься. Его товарищи признали девочку «своим парнем» и наперебой инструктировали. Эти весёлые впечатления заслонили воспоминания о бойкоте одноклассников и неприязни в секции. Ника отдыхала душой, общаясь с новыми знакомыми.

На пятый день в «Лесной сказке» устроили дискотеку под странным названием «Путешествие во времени». Ведущие знакомили ребят с танцами модными в позапрошлом и прошлом веке. Первым был вальс. Музыка Свиридова к повести Пушкина «Метель» знакомая, любимая Никой. В центр нарядного зала вышел директор лагеря под руку с Ниной Савельевной. Они уверенно закружили, показывая всем красоту классического вальса. Никто не решался присоединиться к танцующей паре.

— Смотри! — Ульяна толкнула Веронику локотком, — это к тебе.

В сторону девочек-гимнасток шёл Валера. Он так важно вышагивал, что джинсы и свитерок смотрелись элегантно брьюками и фраком. Остановился напротив Ники, предложил руку и, глядя в глаза, наклонил голову, приглашая на тур вальса.

— Я не умею, — пролепетала девочка и почувствовала тычок пальца Ульянки в спину.

Кавалер улыбнулся одними уголками губ и взял Нику за локоть. Они вышли в центр. Девочка почувствовала уверенную руку у себя на талии и, не понимая, как она это делает, закружила сначала на небольшом пятачке, потом всё шире и, наконец, по всему залу. Едва успевала ноги переставлять, Валера так уверенно вёл партнёршу, что она, даже теряя равновесие, не только не падала, но ничуть не пошатывалась в его крепких объятиях. Хорошо, что у гимнастки тренированный вестибулярный аппарат, иначе бы точно, голова закружилась. Быстро мелькали стоящие вдоль стен ребята, друзья Валеры бурно аплодировали. «Наверное, он поспорил с ними», — подумала Ника, но тут же забыла об этой догадке, увлечённая бесконечным кружением. Вышли танцевать ещё несколько пар, но никто не мог так вести даму, как Валера. Когда музыка смолкла, и он вернул партнёршу подругам, Ника спросила:

— Где ты научился?

— Провожу, — сказал он и вернулся к друзьям.

Нике послышалось: «Расскажу».

— Круто! — восхищённо сказала Оля, — здорово танцуешь вальс. Научишь?

— Я в первый раз, честное слово, — как будто, оправдываясь, сказала Ника.

— Да это же Валерка у нас танцор, — напомнила подруге Ульяна, — в прошлом году он с Викторией танго на закрытии смены выдал, забыла, что ли?

У Вероники в груди зашевелилось неприятное чувство. Странно, ей не нравилось, что мальчик, окруживший её своим вниманием, мог также относиться и к другим девочкам.

Вечер продолжался. Ребята с удовольствием плясали детский танец «Ленька-Енька». Нике он понравился, весёлый, бойкий, несложный. Все выстроились в длинную

гусеницу, взявшись за талию впереди стоящего человека, и прыгали то вперёд, то назад, делали махи то левой, то правой ногой. Потом звучали «Полька», «Кадриль», «Чарльстон», «Яблочко» Даже пробовали «Чечётку» отбивать. Директор и воспитатели лихо руководили неумелыми танцорами. Несмотря на то, что почти каждый танец превращался в невообразимую кутерьму, было весело. Завершал вечер «Танец маленьких лебедей». Оля и Уля с двух сторон схватили Нику и девочки мигом превратились в тройку балерин. Другие «лебеди», в том числе и мальчишки, спотыкались, сталкивались друг с другом, а Ника с подружками завершили танец успешно. Это трио признали лучшим и даже вручили каждой участнице по шоколадной медальке. Слова директора о завершении вечера ребята встретили недовольными возгласами, но режим есть режим, итак, уже полчаса после обычного времени отбоя прошло. Директор был неумолим, пришлось расходиться.

Валера провожал Нику. К домику они пошли самой длинной дорогой, даже забрели на стадион, где фонари в этот вечер не зажглись и не мешали разглядывать звёздное небо. Разговаривали о том, о сём, наконец, Ника полюбопытствовала:

— Ты, наверное, занимаешься танцами?

— Нет. — Валера тёр замерзающие уши, он забыл надеть шапку.

— Говорят, даже танго танцевал.

— Когда это?

— В прошлом году на закрытии смены.

— А! Тоже мне танго, одно название, — и, как будто оправдываясь, сказал, — меня директор заставил. Любитель он всех этих изысков.

— Ты не любитель? У тебя хорошо получается.

Ника не могла понять, нравятся Валере её похвалы, или наоборот, он недоволен разговором. Помолчав несколько минут, паренёк всё-таки рассказал историю своего знакомства с этим видом искусства.

— Моя двоюродная сестра Анька мечтала красиво танцевать. Девочек в школу бальных танцев брали только с партнёрами, вот мои родители и заставили меня пойти записаться вместе с ней. Целый год занимались.

— Потом бросили?

— Мне дико повезло. Анька вымахала за лето и стала выше меня почти на голову. А там, у одного перспективного парня, партнёршу родители за границу увезли, вот мою Анюту и поставили с ним в пару, она тоже очень способная. Так вышла мне амнистия.

— А с кем-то ещё ты не мог танцевать?

Валера покрутил головой:

— Сбежал. Навязывали на выбор несколько маленьких девчонок, но мне эти танцы не нравились, честно говоря. С другой стороны, тренировка хорошая. Выносливость, гибкость, силу развивают, но мне выступать на людях не нравится. То ли дело лыжня, бежишь себе, не думая как ты смотришься, играет ли на лице улыбка и всё такое прочее.

— На лыжи пошёл, когда танцы бросил?

— Нет, в секцию я записался раньше, но случалось иногда пропускать тренировки, ведь возили нас на всякие там бальные конкурсы. Анька, кстати, со своим новым партнёром за рубежом уже несколько раз выступала, призовые места берут.

— Не жалеешь?

— Ты что! Я вскоре ещё стрельбой увлечусь, мечтаю в биатлон перейти. — Валера осторожно тронул Никино плечо. — Что это мы обо мне и обо мне. О себе расскажи, чем увлекаешься кроме гимнастики?

— Рисую. Ну, ты видел уже.

— У тебя здорово получается, занимаешься где-то?

— Нет. Просто нравится. Времени особенно нет на рисование. Хотя, знаешь, я, когда в Русском музее разглядывала рисунки настоящих художников, позавидовала. Так захотела учиться живописи.

— Ты была в Питере? Когда?

— В августе.

— Как тебе наш город, понравился?

— Ещё бы! Вот бы где хотела жить. А ты что, из Санкт-Петербурга? Везёт! Я бы целыми днями бродила по улицам и любовалась архитектурой.

— Знаешь? Я тоже кое-что в искусстве понимаю, — похвастал мальчик, — можно сказать, вырос в Эрмитаже.

— Как это? — удивилась Вероника.

— Наша соседка тётя Маруся там работает, а у неё сын мой ровесник. Она его частенько в Эрмитаж вместо детского садика таскала, и меня за компанию. Целыми днями там торчали. Пропитался, так сказать, высоким искусством насквозь, — говорил он шутливым тоном, — что тебе больше всего понравилось?

— У меня впечатления перепутались, слишком грандиозно.

— Это из-за того, что за один раз пытались обойти все залы.

— Наверное, — согласилась Ника.

— Будешь ещё в Питере, скажи мне. Я тебя проведу в Эрмитаж, когда там нет народа. Покажу свои любимые картины, скульптуры. Тебе обязательно понравится.

— А можно с папой?

Валера пожал плечами.

— Это, если тётя Маруся позволит.

За разговорами незаметно добрались к домику гимнасток. Валера взял Никину руку и держал, словно не желая отпускать.

— Иди, — сказала девочка, — ребята опять будут подшучивать.

— Они завидуют, — важно ответил Валера, — не у каждого парня есть такая классная подруга.

Вероника смутилась, отняла руку и, махнув на прощанье, взбежала на крыльцо.

Соседки встретили Нику весёлыми замечаниями, она, молча улыбалась, снимая пуховичок.

— Первый бал Наташи Ростовой в лагере «Лесная сказка», — торжественно объявила Оля.

Ника скинула одежду и нырнула под одеяло.

— Как тебе князь Андрей? — продолжала посмеиваться Оля.

— Не знаю, о чём ты, — сказала Ника и укрылась с головой.

— Они ещё не проходили «Войну и мир», — сокрушённо вздохнула Ульяна.

— Так, и мы пока не проходили. Кто не знает Наташу Ростову и князя Болконского?

Подружки продолжали разговор, а Ника делала вид, что спит. Сон не шёл. Вспоминался вальс под музыку Свиридова, крепкая рука партнёра, его взгляд полный любопытства. Валера ровесник Гоши, который нравился Нике раньше, но тот считал её маленькой и никогда не смотрел на неё с интересом. Пытаясь разобраться в своих чувствах, Ника вспоминала, как ей было неприятно узнать, что Валера раньше танцевал с Викой, и как тепло становилось на душе от его взгляда или вопроса. Она влюбилась? Чувства не были похожи на те, которые она испытывала к Игорю. Которые из них настоящие, тогда или сейчас? У кого бы спросить?

Девочка думала о том, почему все, с кем она могла бы дружить, так далеко живут? Лариса, Лиз, Валера. Рядом только соседка по парте. Полина? Эта странная одноклассница, с которой они как будто подружились перед самыми каникулами. Что может понимать эта увлечённая музыкой девочка? Ника вспомнила, как в тесте Полина написала, отвечая на вопрос о друге: «мама». Нет, своей маме Ника не могла рассказать о новых переживаниях. Скорее всего, она начнёт уговаривать выбросить все глупости из

головы, испугавшись за дочкино усердие на тренировках. Утомлённая весёлым танцевальным вечером, прогулкой и мыслями Ника уснула. Ей ничего не снилось. Наверное, все, что могло произойти чудесного, уже случилось наяву.

В субботу объявлен родительский день. Лыжники устроили шутивную эстафету, фигуристы и гимнасты показательные выступления, были ещё единоборства, хоккей и футбол. Зрители разрывались между спортивными площадками. Вероника хорошо показала, получила грамоту. Одно огорчало девочку, её родители не приехали. Как такое могло быть? Папа обещал навещать, мама раньше не пропускала ни одного соревнования. Не могли же они оба заболеть! Наверное, случилось что-то плохое. Звонок бабушки немного успокоил, хотя она так и не объяснила, почему родители не навестили дочку в лагере, но опасения её развеяла.

Воскресенье — выходной. Тренировок не было, только утренняя пробежка по зимнему лесу. Юным спортсменам позволили отдохнуть после субботних соревнований. Хотя, отдыхом это можно назвать с натяжкой. День был посвящён взятию крепости. В первой половине дня всем миром строили огромную снежную крепость, а после тихого часа устроили настоящую битву. Девочки защищали высокие стены от нападающих мальчишек. Заранее заготовленными снежками осыпали штурмующих, сталкивали тех, кто забирался наверх. Взрослые помогали и тем, и другим. Шум, хохот, то воинственный клич, то визг. Ника совсем забыла вчерашнее разочарование, так было весело. Всё закончилось полностью разрушенными стенами и весёлой беготнёй. Так извалялись в снегу, что пришлось сушить одежду в специальной комнате. Румяные и довольные пришли на ужин. Редко кто не просил добавки.

***

Десять дней промелькнули, пора уезжать. Родители Веронику не навещали, только в первые три дня поговорили по телефону, а потом названивала бабушка, интересовалась здоровьем и настроением внучки. Соскучиться девочка не успела, так много происходило событий. Жалко расставаться с девчонками, сдружились. Оля, Уля и Вика из другого городка, и занимаются художественной, а не спортивной гимнастикой, не увидишься с ними даже на соревнованиях.

— Не грусти, — утешала Нику Ульяна, — встретимся на олимпиаде.

— Да, — согласилась Ольга, — в следующем году мы уже в «Лесную сказку» не попадём.

— Я тоже буду в интернате учиться, скорее всего, в Сочи поеду, — сокрушалась Вероника.

Внимательно проверив тумбочку, нет ли там забытых вещей, девочка подхватила чемодан, нащупала в кармане смартфон и вышла на крыльцо. Там её поджидал Валера.

— Давай, помогу донести!

— А твоя сумка где?

— В автобусе. Я нам с тобой место занял.

Выходящие из домика девчонки заулыбались и пошутили что-то о «культурной столице». Валера махнул им рукой, мол, идите своей дорогой.

Теперь, сидя в автобусе рядом с Валеркой, Ника поняла, как хочется поскорее увидеть маму и папу. Разговор шёл о доме.

— Всего десять дней, а ты уже скучаешь? — удивлялся товарищ.

— Почему-то не звонили, обещали навещать и не приехали ни разу.

— Мало ли, может, заняты были...

— Праздники, выходные у всех. Чем заняты?

— Ну, разберёшься! Ты уже скоро дома будешь, а нам ещё на поезде стучать колёсами по стыкам! Скажи, Ника, тоскуешь по Питеру?

— Да. Часто представляю места, где гуляли с папой. Моя тётя Нонна живёт в Петербурге, и тётя Алиса, бабушкина сестра. Родители обещали, что будем их навещать.

— Здорово! Дай-ка телефон, я тебе свой номер забью!

Вероника достала смартфон, мальчик набрал свой номер и сохранил под именем «Валера Питер».

— Обязательно позвони. Встретимся, я тебе такие интересные улочки покажу, ни один гид их не разыщет. Ну, и поход в Эрмитаж, как обещал, в понедельник, когда там выходной день.

— Хорошо. Давай, я тебя наберу, мой номер сохранишь!

— «Выйду ночью в поле с конём», — затянули песню несколько голосов.

— «Мы с конём по полю идём», — почти весь автобус присоединился к хору.

Ребята всего десять дней назад познакомились, но успели подружиться. Горечь расставания они хотели скрасить каким-то общим делом. Песня, которую все выучили к посвящённому закрытию смены концерту, подходила для этого как нельзя лучше.

Веронике жалко было расставаться с Валерой. Она вспомнила летний отдых в Испании, как ей нравился Игорь, как уехала, не попрощавшись с ним. Сравнивала этих мальчишек, пытаясь ответить себе на вопрос, симпатичен ей Валера или нет. Чувства были совсем не похожи. С Гошей она чувствовала себя глупышкой, обижалась на него, он часто был ей недоволен. Со стороны Валеры было уважение, даже восхищение — это приятно.

— Спасибо тебе, — неожиданно для самой себя сказала девочка.

— За что?

— На лыжах кататься научил, и вообще... с тобой интересно и легко.

— На здоровье! Будешь кататься? Обещай. Знаю-знаю, школа, тренировки! Хотя бы на стадионе круг-два в воскресенье, всё-таки свежий воздух.

— Постараюсь. Папа мой любит лыжи, я с ним.

— Вот и отлично. Я, кажется, приехал, — показал в окошко Валера и, подхватив сумку, стал пробираться к выходу следом за друзьями из команды. — Счастливо тебе!

— До свиданья!

Лыжники выходили у вокзала, тепло прощаясь с новыми знакомыми. Остальных везли до спортивного комплекса, где местных ребят встречали родственники.

Ещё из окошка автобуса Ника увидела родителей. Мама в чём-то убеждала папу, рублила воздух рукой в серо-зелёной перчатке и строго поглядывала на мужа. Он, высматривая дочь среди многочисленных детских лиц, рассеянно кивал. По дороге домой Ника, взяв за руки маму и папу, готова была подскакивать, как маленькая. Рассказывала о девочках, с которыми делила уютный домик, о питерских лыжниках, о газете, новогоднем карнавале, о катании с горы на лыжах. Столько ещё увлекательного происходило: родительский день, танцевальный вечер, взятие крепости... Её слушали не перебивая. Дома показала грамоты, полученные на соревнованиях родительского дня, и заключительных в конце смены. Мама похвалила, советовала отнести Ольге Михайловне. Уже завтра тренировка, а после обеда в школу. Эх, каникулы, до чего ж вы стремительные!

Глава 7

Кого посчастливится встретить

В начале третьей четверти отношение одноклассников к Нике изменилось в лучшую сторону. Некоторые снова уговаривали её рисовать. Она отказалась наотрез, и так Людмила Анатольевна обещала папу в школу вызвать. Полина Соловейчик сидела за партой, понурив голову, совсем как в начале года, а на переменах уходила куда-то, будто пряталась. Вероника не сразу обратила внимание на соседку, потом, вспомнив, как они подружились в последний день перед каникулами, обиделась, но ненадолго. Такой уж, видно, характер у скрипачки, не виделись десять дней, отвыкла — дичится.

После замечательно отдыха в каникулы настроение у Вероники было приподнятое, она отправила Лиз подробное письмо, прицепила фотки домиков, леса, снежной крепости, которую построили, а потом обороняли. Рассказала о девочках, с которыми подружилась, посетовала, что они тоже далеко живут. Про Валеру умолчала почему-то. Немецкая подруга поделилась впечатлениями о рождественских каникулах. Они с бой-френдом посещали концерты, планетарий и какие-то заумные лектории.

В секции атмосфера оставалась прежней. Ольга Михайловна по своему обыкновению похвалила Золотову за успехи в лагере, что не понравилось другим её воспитанницам. Ника заметила это, как и многое другое. Неприятно, когда заходишь в раздевалку, и весёлый щебет девочек смолкает, а мимо тебя проходят с каменным выражением лица, как будто ты пустое место. Обидно, когда любую твою ошибку встречает радостный гул, а удачное выполнение элемента сопровождается гробовым

молчанием. Ника не знала, как это изменить, поэтому собрала волю в кулак и терпела, отдавая все силы тренировкам. Недолго осталось, скоро она уйдёт в другой коллектив, где не будет такой ревности к вниманию тренера. Хотелось в это верить. А пока? Пока Ника относилась к тренировкам, как к неприятной повинности.

Вот так, в очередной раз заставила себя выйти из дома и медленно шла в сторону спортивного комплекса. Думала о ближайших выходных. Папа обещал купить лыжи, и они собирались покататься. «Не знаю, — говорил Станислав Андреевич, — есть ли в парке лыжня. Там бегать лучше, чем на стадионе, где одни малыши». Ника вспоминала, как она каталась в лесу. Конечно, в парке не так интересно, но всё-таки деревья растут, есть небольшой овражек, по дну которого к пруду течёт речушка. Там на санках с горок катается малышня, но, может быть, и на лыжах можно. Ника остановилась. Небольшой запас времени был, захотелось посмотреть лыжню в парке. Гимнастка побежала в сторону от спортивного комплекса.

В парке встречало безмолвие, пустые дорожки. Ника шла, любуясь заиндевевшими ветвями. Красиво, будто в хрустальную страну попала. Вот-вот зазвонят бубенцы под дугой, и тройка серых в яблоках коней, выбрасывая комья снега из-под копыт, промчит сани с Дедом Морозом. Безлюдно. Никого. Хотя? Навстречу Нике за невысоким кустарником лихо скользил бородатый старичок в синей спортивной куртке и шапочке с помпоном. Есть всё-таки лыжня, отлично! Нужно было возвращаться, время пожимало, но девочка продолжала идти, не в силах повернуть назад. В парке чудесно, не то, что в гимнастическом зале. В глубине души Ника знала, что неправильно поступает, однако, даже не пыталась объяснить себе, почему это делает. Здесь хорошо, а там плохо, она не хотела туда, где плохо. «Посмотрю, можно ли в овраге с горки кататься», — сказала она себе и прибавила шаг. Вскоре дорожка вывела девочку к пруду. Он покрыт льдом. Лишь с той стороны, где речушка впадает, образовалась большая полынья. Там любили плавать зимующие в городе уточки.

Что это? Ника увидела небольшую сгорбленную фигурку, медленно передвигающуюся по льду. На рыбака не похоже, кажется, девочка. Зачем она ходит там? Что-то неуловимо-знакомое угадывалось в робко бредущем человеке. Дымчато-серое пальтишко и лимонного цвета шапка, как у Сёминой. Вероника побежала. Похожая на одноклассницу девочка успела подойти к самой кромке льда и как замороженная смотрела в тёмную воду. Проваливаясь в глубокий снег, Ника делала большие шаги, стараясь

двигаться как можно быстрее. Она шумно дышала, в висках долбил пульс, какой-то горячий ком рос в середине живота. Глаз не отрывала от хрупкой фигурки на краю белого поля. Дальше всё произошло мгновенно и страшно. Шаг, всплеск, тёмные волны, облизавшие лёд.

— Ли-и-и-за-а-а!!! — Ника почти летела.

Она кинулась на живот около полыньи. Тёмная вода бурлила пузырями.

— Лизка! Лизка, где ты?

Разглядела что-то в глубине, схватила, потянула. Тяжело. В следующий миг над поверхностью показалась голова, Ника тянула за волосы, перехватила другой рукой за ворот пальто. Показались плечи, руки. Утопающая схватилась за край, стала цепляться, пытаясь выбраться. Хриплое дыхание, распахнутые, полные ужаса глаза.

— Давай, давай, Сёма!

Ника, стоя на коленях, тянула промокшую насквозь Лизу за ворот, та отчаянно напрягала мышцы рук, подтягиваясь. Сил ни у той, ни у другой не хватало.

Тяжело... тяжело... В жизни так тяжело не было. Мокрые пальцы сковало в покрывшихся изморозью варежках, но Вероника не чувствовала холода, горячая волна била в голову. Пустота, ни мыслей, ни желаний. Тянула, отползая дальше от края, тянула в каком-то отчаянном напряжении. Вот Лиза уже грудью легла на лёд, пробует подняться на локти и вытащить из воды ногу. Вот она забросила на край полыньи колено. Хрупкий лёд обламывается. Ещё попытка... Ещё. Чуть дальше от воды. Льдинки режут колени, Ника, не замечая этого, понемногу двигает их назад. Одно, другое, снова, ещё. Лиза уже лежит на льду, только ноги в воде.

— Девочки! Вы чего там делаете?!

Ника не оглянулась на голос, тянула Сёмину, отвоёвывая у воды каждый сантиметр.

К ним бежала женщина, за ней, быстро перебирая маленькими ножками, спешила похожая на крошечную лисичку собака.

Женщина помогла Нике оттащить Сёмину от края, поднять её на ноги.

— Господи боже, причитала она, как тебя угораздило? Идём, Идём, скорее.

Подхватив Лизу с двух сторон, они вели её к берегу. Собачка ярким мячиком прыгала вокруг, задрав голову, вглядывалась в лица.

— На площади машины такси стоят, я вас посажу, — продолжала незнакомка, — тебе домой надо скорее, не дай бог, заболеешь.

Сёмина резко остановилась.

— Я не пойду домой. Ни за что. Нет, — она почти плакала, посиневшие губы дрожали.

— Тогда в больницу, — предложила женщина, подхватила девочку за талию, будто собираясь взять на руки.

— Не пойду! Отпустите меня! — Лиза стала вырываться.

— Ко мне, ко мне поедем, — Ника тянула одноклассницу за локоть, — мама с папой на работе. Пойдём, Сёма.

— Давай-давай, быстренько, к подружке твоей. Бежим, милая, зачоченела совсем, — женщина с удивительной силой тащила Лизу почти волоком.

Из парка вышли через ближайший центральный выход. На площади три жёлтых машины, рядом, смеясь, разговаривали молодые парни. Увидев странную группу, один из них присвистнул:

— Это что ещё за русалка?

Шапку Лиза потеряла, на её макушке примостилась Никина беретка, волосы растеклись плетями по плечам.

— Ребята! Подбросьте девчонок домой, — говорила женщина, но просьба не требовалось.

Один их таксистов уже открыл дверцу машины, второй выхватил из багажника кусок брезента, бросил на сиденье и помог мокрой девочке усестся, за ней забралась в машину Ника.

— Сейчас печку включу, согреетесь, — говорил первый парень, садясь за руль.

Женщина, открыла сумочку, и рылась в поисках кошелька:

— Я заплачу за них.

Таксист махнул рукой:

— Нечто мы не люди! — Мотор взревел, автомобиль выехал с площади. — Куда едем?

Вероника назвала адрес. Домчались за пять минут. Остановив машину около подъезда, парень выскочил, открыл заднюю дверцу и вытащил заторможенную Лизу, Ника выбралась сама и поспешила за шагающим через ступеньку таксистом, который нёс Сёмину на руках.

— Номер квартиры? — спросил он.

Ника ответила, обогнала его и отперла дверь.

Парень перешагнул порог, поставил девочку на ноги и сказал:

— Дальше сами, а то я машину открытую бросил.

Вероника начала расстёгивать Лизино пальто и крикнула вслед, выскочившему на площадку таксисту:

— Спасибо!

— Нечто мы не люди! — слышалось в ответ.

В прихожей с Лизки, наверное, полведра воды натекло, особенно много из сапожек.

Золотко действовала механично, как будто по заложенной программе. Вскоре Сёмина в Никиных вещах — недавно купленном лыжном костюме, верблюжьих носках, укутанная пледом — сидела в кресле, тупо глядя перед собой.

Хозяйка включила чайник и, наконец, сменила свитер, рукава которого промокли.

— Сейчас, чайку выпьем, согреешься, — приговаривала она, хлопоча на кухне, хотя Сёмина её не слышала.

В папин огромный бокал, который мама называла «пол-литра», Ника положила мёд, толстый кружок лимона и насыпала сушёный имбирь. Это Лизе. Себе тоже сделала чай. Принесла в комнату. Сёмина забралась в кресло с ногами. Плед, которым она укрылась с головой, над макушкой торчал домиком, делая девочку похожей на матрёшку. Вероника улыбнулась и протянула большой бокал гостье. Та посмотрела непонимающими глазами, потом, будто очнувшись, высвободила руку, взяла чай. Нику вдруг стал колотить озноб. Она обхватила чашку пальцами обеих рук, старалась согреться. Очень хотелось набрать горячую ванну и нырнуть туда, но боялась надолго оставить Сёмину одну, да и воду упоминать при ней было неловко. Горячий чай не помогал справиться с дрожью. Вероника отставила чашку, подошла к спортивному комплексу, схватилась за турник. Раз, два, три, четыре... Лиза, отхлёбывая чай маленькими глотками, следила за гимнасткой. Та, перестав подтягиваться, сделала несколько приседаний и сказала:

— Тренировку прогуляла сегодня.

Сёмина протянула ей пустой бокал и, глядя недобрым, как показалось Нике, взглядом сказала:

— Зачем ты меня вытащила? — отбросила плед и закричала, — зачем?! Я должна была умереть! Я обещала ему!

Вероника испугалась. В Лизе чувствовалась какая-то звериная мощь. Ещё миг и бросится на спасительницу с кулаками. У Сёминой начиналась истерика. Ника попятилась, она не знала, что делать. Сказала, стараясь говорить равнодушным тоном:

— Пойду, высушу твою одежду.

Вышла, прикрыла дверь. Послышались хлюпающие рыдания. Ника разозлилась, во всяком случае, подумала: «Пусть делает, что хочет!» Собрала разбросанную в прихожей Лизкину одежду и пошла в ванную. Там сушильная машина. Засунула всё кучей, даже сапожки. Села на край ванной и слушала шум работающей сушилки. «Гу-у-у, гу-у-у, гу-у-у...» Эти звуки успокаивали. Подсознательно Ника понимала, надо идти в комнату, утешить одноклассницу, расспросить её, посочувствовать, поддержать. Сил не было. Девочка сидела, не шевелясь, ни о чём не думая.

Через некоторое время слышались шаги в коридоре. Одноклассница прошла в туалет, потом заглянула в ванную, руки помыть. Ника посторонилась и сказала примирительным тоном:

— Через час высохнет, ещё в школу успеем.

Сёмина стояла и глядела на Нику, жмуря мокрые от слёз глаза.

Молчали. Гудела машина, капала вода из плохо закрытого Лизой крана. Надо что-то делать. Вероника достала с полочки мамин фен, включила его и направила горячий воздух Лизе на волосы.

— Спасибо, — Сёмина забрала фен из рук Ники и стала сушиться сама.

Уже лучше. Кажется, приходит в себя. Хозяйка отправилась на кухню, решила суп разогреть. Обедать ещё рановато, но Ника чувствовала необходимость делать что-то простое, обыкновенное, чтобы отодвинуть страшный момент, который пришлось пережить, подальше в прошлое.

Когда суп согрелся, Золотко разлила его по тарелкам и позвала Сёмину. Та зашла с высушенными пушистыми волосами и грустным лицом.

— Угощайся, — Вероника сказала, не глядя на одноклассницу.

Лиза ела как будто даже с аппетитом.

— Ой, хлеб забыла подать. — Ника достала из буфета плетёный короб с нарезанным хлебом.

Гостья машинально взяла, откусила и продолжила есть. Стало спокойно и хорошо. Всё позади. Сейчас они пообедают, Ника проводит бедолагу домой, та переоденется, возьмёт портфель, и они вместе пойдут в школу.

Покончив с супом, Сёмина подпёрла кулачками лицо и уставилась в пустую тарелку.

— Ещё хочешь чего-нибудь? — спросила Ника, вспомнив про солянку с колбасой, ещё пельмени, кажется, были.

— Я хотела умереть, а ты мне помешала, — ровным тихим голосом сказала Лиза.

Ника не нашла слов для ответа, только губу кусала. Сёмина шмыгнула носом и продолжила речь:

— Я никому не нужна, только он меня понимал. Он один. Мы решили уйти вместе. Он сегодня прыгнул с крыши. Я не могу с крыши, не знаю, как попасть на крышу. — Её голос набирал силу, звенел, резал слух. — У нас в подъезде замок, на чердак не попасть, в других домофон стоит, нужен ключ, у меня нет. Я не знаю, как пройти на крышу!

Девочка обвиняла кого-то этими звонкими словами. Ника подумала, хорошо, что Сёмина не попала на крышу, тогда бы её уже, неверное, не было на этом свете. Лиза затихла, дальше лепетала, как в бреду:

— Я подумала, утонуть легче, не так больно. Я обещала, я должна...

— Вот что, Сёма! — Вероника поднялась и хлопнула ладонями по столу. — Никому ты ничего не должна. Ни на крышу лезть, ни в пруду тонуть. У тебя своя собственная жизнь!

— Жизнь?! — вскочила Лиза, — что ты понимаешь? Никто, ни один человек не любит меня! Отец бросил нас с мамой, у него другая семья, сын. Мама не может устроить свою судьбу, я мешаю ей! Она плачет ночами в подушку. Каково это слышать? Жизнь!

— Не придумывай, — возразила Ника, — никому ты не мешаешь...

— Да? Хорошо тебе говорить, тебя-то все любят!

Вероника расхохоталась. Смех не был весёлым, звучал резкими короткими взрывами.

— Меня? Меня все любят? От большой любви мне бойкот в школе устроили? А? Не знаешь, каково мне было видеть ваши постные рожи?

— Золотко, — жалобно сказала Сёмина, — я не хотела, не соглашалась. Они сказали, и мне бойкот объявят. Правда, меня заставили. Знаешь, как на тебя все разозлились?

— Ладно, проехали.

— Ты рисовать отказалась. Ребята думали, нарочно — издеваешься. Мне нужен был рисунок. Очень нужен. Если бы он только был у меня, тогда...тогда...

Она заплакала беззвучно, только плечи тряслись и огромные слёзы катились по бледным щекам.

— Сёма, ну чего ты? — Ника подошла к ней, обняла, наклонившись к лицу, — хочешь, нарисую? Хоть десять, прямо сейчас, хочешь?

Лиза затрясла головой отказываясь.

— Ну, ладно, ладно, не плачь, — как маленькую уговаривала Ника одноклассницу, — всё наладится. Послушай, всё ещё будет очень, очень хорошо.

Конечно, Веронике и раньше приходилось видеть слёзы, бывало, даже на соревнованиях девчонки рыдали — после неудачно выполненных элементов, из-за несправедливых оценок судей, или когда тренер отчитает, не стесняясь в выражениях. Причины разные — злость, обида, разочарование. Сама Ника иногда чувствовала желание поплакать от жалости, когда хочешь помочь, но не знаешь чем. Вот и сейчас, у неё защипало в горле, ресницы намокли. Она видела, как плохо человеку, в каком он отчаянии, и не находила способа утешить его.

Сёмина резко вдыхала по несколько раз подряд, словно не могла поймать воздух ртом, потом подолгу выла, пытаясь говорить. Слова получались прерывистые, несвязные их трудно было разобрать. Вероника поняла из путаного рассказа, что отец Лизы оставил их

два года назад, девочка считала это предательством, хотя любила его по-прежнему. Когда Золотова рисовала на уроке литературы картинку для Лизы, та мечтала, чтобы папа пришёл поздравить её с днём рождения. Он, действительно пришёл, подарил дочери халатик и шоколадку. Родители хорошо поговорили, девочка уже надеялась, что они помирятся. Несколько дней она чувствовала себя счастливой, но потом как-то случайно услышала разговор мамы по телефону. Та рассказывала о безвкусном подарке дочери, который купила отцова новая жена, о том, что бывший муж и его пассия ждут ребёнка, а сама Лизина мама вынуждена отказывать человеку, сделавшему ей предложение, не желая навязывать дочке отчима.

— Она-а-ы-ы так и сказала-а-а, — рыдала Лиза, — кому я-а-а нужна с хвостом-о-ом.

Девочка почувствовала себя обузой, она только мешает родителям. Мать боится устраивать личную жизнь с девочкой-подростком на руках. Отцу трудно содержать жену с младенцем, выплачивая алименты прежней семье.

— Если я-а-ы-ы умру-у, ы-ы-ы всем только ле-е-егче ста-а-анет.

Ника оторвала очередную бумажную салфетку, протянула Лизе, налила воду в стакан.

— Пей! Хватит нюни распускать, — тон её был сердитым, — тоже мне придумала, не нужна она никому.

Сделав несколько больших глотков, Сёмина сказала спокойнее:

— Сама знаешь, в классе со мной никто не дружит. Я одна всё время.

— Со мной тоже никто не дружил, с тех пор, как Лариска уехала. В секции девочки недолюбливают меня и не скрывают этого. В классе вообще бойкот устроили. Тоже прикажешь на крышу лезть?

Сёмина потрясла головой.

— Нет, конечно. Тебя родители любят.

— Послушай, Сёма. Мне было тяжело. Родителям, тоже не всё можно рассказать. От меня непрерывно что-то требовали. Вам рисунки нужны позарез, маме призовые места и медали. Даже поговорить по-человечески не с кем.

— Я не-е знала, — сочувственно сказала Лиза.

— Думала, никогда ни с кем не подружусь, а вот поехала на каникулах в лагерь, познакомилась там с отличными девочками и даже с одним мальчишкой. Много в мире людей, откуда знаешь, кого посчастливится встретить?

— С мальчиком? — заинтересовалась Сёмина.

— Хочешь, фотки покажу? — Ника поняла, наконец, как можно отвлечь эту плаксу от собственного горя.

У компьютера недолго посидели, скоро уроки начнутся, надо ещё Лизе зайти домой переодеться. Вероника достала из сушильной машины вещи. Сёмина заметно волновалась, даже не сразу заметила тёмные разводы на пальто.

— Ой, Лизка! Я, кажется, твоё пальто испортила, — виновато сказала Ника.

— Это от джинсов, они красятся, — ответила Сёмина, рассматривая тёмные волны на серой ткани. Мать убьёт.

— Может, не заметит?

Лиза махнула рукой. Всю дорогу до Лизиного дома шли молча. Вероника думала о словах, которые сказала, успокаивая Сёмину. Ей, в самом деле, не с кем поговорить по-человечески? Всё-таки это лукавство. Если бы захотела поделиться переживаниями, нашла с кем.

Лизина мама Лидия Степановна открыла дверь и сразу спросила:

— Где ты умудрилась испортить новое пальто?

— Здравствуйте, — вежливо сказала Ника, протискиваясь в прихожую следом за Сёмой.

— Я тебя спрашиваю! — не обращая внимания на одноклассницу дочери, гремела женщина.

Лиза, молча, сняла пальтишко, разулась и почти бегом бросилась в комнату. Ника стала объяснять:

— Она случайно провалилась в воду, намокла. Я не знала, что вместе нельзя сушить, загрузила и пальто и джинсы, вот оно и окрасилось.

Лидия Степановна, до этого разглядывающая испорченную ткань, обернулась к Нике:

— Куда это ты её таскала? Зачем в воду полезли, заняться нечем?

Девочка застыла с открытым ртом, к обвинениям она не была готова.

— С ума что ли посходили? — трясла женщина перед носом Вероники Лизкиным пальто, — ты думаешь, легко одной дочь растить? На алименты её папаши особенно не разгуляешься!

— Мама! — Лиза выскочила из комнаты с форменным сарафанчиком в руках, — Золотова ни при чём! Она мне только высушиться помогла.

— Ты куда собралась? В школу? Гольшом пойдёшь? Я тебя в грязном пальто не пушу позориться. Может быть, ещё отчистить смогу, — Лидия Степановна опять повернулась к Веронике, — иди, иди одна, Лиза дома останется.

Оказавшись на лестничной площадке, Ника стояла, глядя на закрытую дверь. Надо ли сказать Лизиной маме, что дочь топилась? Кричит из-за пальто, а ведь могла бы сейчас бегать по городу, беспокоиться, куда девочка пропала.

Сёмина в этот день в школу не пришла, не было её всю неделю, сказали: болеет. Вероника за неё волновалась, хотела навестить, но боялась опять наткнуться на Лизину маму. Взять бы кого-то в компанию, вдвоём не так страшно. С Мухиной и Барабанщиковой не хотела связываться, с другими девочками тоже, бойкот отменили, но отношения тёплыми не назовёшь, Нику сторонились. Твёрдо решила привлечь Полину.

После уроков, Золотко заметила, что Соловейчик пошла не в раздевалку, а куда-то за угол, проследила за ней и увидела, как Полина стоит у окна и, глядя на сверкающий в свете фонарей снег.

— Почему домой не идёшь?

Одноклассница повернулась на звук Никиного голоса, вздохнула и опять уставилась в окно.

— Не хочу в раздевалке толкаться. Пусть разойдутся.

Они помолчали. Вероника чувствовала надлом, произошедший в подруге, но не знала, как спросить о причинах. Однако оставить Полину вот так одиноко грустить не могла.

— Когда конкурс?

Не дождавшись реакции, Ника тронула скрипачку за плечо и переспросила:

— Ты говорила у тебя конкурс. Скоро?

— Через месяц.

— Готовишься?

— Да. — Полина помолчала, потом решившись, продолжила, — я, скорее всего, не пройду отбор.

— Ты чего? — возмутилась спортсменка, — разве можно перед соревнованиями так себя накручивать? Соберись сейчас же!

— Дело не во мне. — Соловейчик рисовала на окне замысловатые фигуры, Ника следила за её пальцем. Полина поставила точку, надавив на стекло, и обернулась. — Скрипку придётся вернуть. Продавец соглашался на рассрочку, обещал подождать, пока мама деньги соберёт, а теперь у него другой покупатель, у того вся сумма на руках.

— погоди, твоя мама говорила, что ей на работе дадут эту, как её...

— Ссуду. Ссуду дали, но не целиком. Ещё у бабушки и у мамы немного было скоплено. Всё равно не хватает, а больше взять негде. Даже займы не у кого попросить.

— Жаль! А на этой, прокатной не сыграешь?

— Ты же слышала, — протяжно вздохнула Полина, — буду, конечно, стараться, но...

Вероника сочувственно смотрела на одноклассницу. Да, это тебе не спортивные соревнования, где у всех одно бревно, одни брусья, главное — выдать всё, на что ты способен.

— Лучше б он не показывал мне скрипку. Я к ней привыкла, надеялась в финал конкурса пройти. Обидно.

— Погоди, Полин, сколько денег вам не хватает?

— Двадцать пять тысяч.

— Чего? — удивилась Вероника, — а сколько ж всего-то?

— Мама не говорит. Двадцать пять не хватает, это я знаю.

— Столько у меня есть, — Ника схватила подругу за руку. — Пойдём ко мне, я тебе дам.

— С ума сошла? Откуда возьмёшь?

— Говорю тебе, есть. Даже больше, я не пересчитывала давно. Пошли!

— Ника, я не пойду. Скажи, где взяла такие деньги?

— Вот чудо, — возмутилась Вероника, — ей помочь хотят, а она: «Где взяла, где взяла?» Сама знаешь, ребята мне за рисунки платили.

Ника всё-таки утянула подругу от окна, они шли к раздевалке. Полина полезла в портфель за мобильным телефоном.

— Маме надо позвонить. Её просили сегодня вечером скрипку вернуть, вдруг она уже увезла.

Девочка нажала вызов и ждала ответа.

— Удивительно, как ты набрала так много денег, за рисунок тебе давали рублей сто всего-то.

— Бывало и дороже платили, да я картинок этих пропасть изготовила.

— погоди! — Полина отошла в сторонку, поговорила с мамой, вскоре вернулась, протянула Веронике трубку, — тебя спрашивает.

Вероника подтвердила, что у неё действительно есть нужная сумма, и она готова отдать её Полине на скрипку. Раиса Марковна попросила сообщить ей мамин номер телефона. Вероника продиктовала.

— Как зовут? — уточнила тётя Рая.

— Станислав Андреевич. Папа.

— Мне проще было бы с мамой поговорить.

— Сомневаюсь.

— Ну ладно, спасибо. Идите по домам.

Девочки спустились в раздевалку, оделись и вышли из школы. Постояли, помолчали, любуясь искрящимся снегом, подышали бодрящим воздухом и разошлись. Около дома Нику встретил папа.

— Пойдём, покажешь, где они живут, — сказал он, забирая у дочери портфель. Раиса Марковна уже успела созвониться с ним.

— А деньги?

— Нашёл я твою шкатулку. Ты богачка, оказывается.

— На планшетный компьютер копила.

— Копила она! А я думаю, чего эти училки взъелись на тебя, а ты там полшколы обобрала.

— Никого я не обирала, они сами!

— Сами! С усами! В шкатулке твоей оказалось больше чем надо, я всё отдам.

— Ладно.

Несмотря на сердитый тон папы, Веронике весело было идти звонкими шагами с ним за руку. Скоро показался дом Соловейчиков.

— Вон тот подъезд.

— Такое дело... — Станислав Андреевич остановился. — Мама Полины обрисовала их положение. Отец подруги твоей погиб год назад, поэтому им тяжело живётся. Деньги отдадим без возврата, поняла?

— Хорошо. Я ещё нарисую.

— Я тебе нарисую, — засмеялся папа, — авангардистка!

Они поднялись в квартиру. Едва дверь отворилась, ошеломил вкусный запах горячей выпечки.

— Проходите, пожалуйста, — встретила Золотовых тётя Рая, — я кекс испекла, лимонный. Чаю выпьете?

— Нет-нет, мы на секундочку, нас дома ждут.

— Жалко, я думала, зайдёте.

Из своей комнаты в обнимку со скрипкой вышла Полина. Огромные её глаза лучились неподдельной радостью.

— Эта твоя Страдивари? — пошутил Станислав Андреевич.

— До Страдивари нам далековато, — улыбалась мама Полины.

— Ничего, будет заниматься, дорастёт. Главное упорство. Да, дочь?

Ника кивнула. Золотов достал из кармана конверт, протянул его Раисе Марковне.

— Я поменял на крупные, а то там полтинники и сотенки мятые, неудобно расплачиваться.

— Сейчас расписку напишу.

— Никаких расписок. Школьники собрали вашему вундеркинду в дар, так сказать, на развитие таланта.

Обе девочки недоумённо посмотрели на мужчину. Раиса Марковна оглянулась на дочь:

— Полина сказала, это Ника на рисунках заработала.

— Правильно говорит. Вероника рисовала для жертвователей. На память надо что-то оставить. Собирали-то вам на инструмент, как выяснилось. Хорошо, что успели.

— Даже не знаю, кому теперь отдавать долги, — растерялась женщина.

— Живите спокойно. Пусть Полина на концертах в школе играет, радует ребят, так и вернёт долги. Ладно, — тронул дочку Станислав Андреевич, — идём, художница, нам с тобой ещё уроки делать. Да и Полине, поди, поскрипеть охота. До свидания.

— Спасибо, — хором сказали Соловейчики.

Золотовы вышли из подъезда.

— Здорово, пап, ты придумал. Вся школа Полине на скрипку собирала. Я бы не догадалась так сказать.

— Хорошо, что догадалась нуждающейся девочке предложить деньги. За это хвалю, а тайные накопления твои меня огорчили. Планшетник ей, видишь, понадобился!

— Обойдусь. Вообще, мне больше нравится на бумаге рисовать. Когда поедем с тобой к тёте Лисе, попрошу Нонну меня немного поучить, — мечтала Ника.

Папа молчал, только сильнее сжал дочкины пальчики.

— Пап, давай в весенние каникулы съездим в Питер? Или теперь до лета? Тётя Лиса обрадуется, правда?

— Золотко, — Станислав Андреевич остановился, внимательно посмотрел на дочь.
— Мы не хотели тебе говорить до первенства...

Девочка ждала, глядя на папу снизу вверх. Она уже почти дотянулась до его плеча, но по-прежнему чувствовала себя малышкой рядом с ним.

— Видишь ли, тётя Алиса умерла. Когда ты была в лагере, мы ездили на похороны.

Они стояли, взявшись за руки, лёгкие частые снежинки, кружась, приближались к земле, казалось, это небо спускается. Станислав Андреевич внимательно смотрел на дочь, не зная, правильно ли он сделал, сообщив ей эту печальную весть сейчас. У Ники даже рот приоткрылся от растерянности. Немного помолчав, она спросила:

— Её теперь нет?

— Здесь нет.

— А Борюсик?

— Что? А, собака. Борюсик у соседей. Пойдём домой, мама заждалась.

Весь вечер Вероника думала о тёте Лисе. Где она теперь? Встретилась со своим Юрочкой? Выходит, рисунок ни при чём, зря Ника побоялась отдать «Медного всадника», всё равно тётино желание исполнилось. Лёжа в кровати, девочка слышала разговор родителей на кухне. Речь шла о Нонне. Её фотографа приглашали по «зелёной карте» в Соединённые Штаты. Раньше Нонна не могла ехать, не на кого было тётю Лису оставить. Теперь уедет, освободила её тётушка. Представлялась географическая карта, и нарисованная Нонна гуляет с обвешанным фотоаппаратами мужчиной по зелёной Америке. Муж Нонны фотографирует плато, каньоны, озёра и секвойи. Вокруг скачет Борюсик с оборванным поводком. Он убежал от соседей тёти Лисы в Америку, но фотограф его не замечает. Нонна рассматривает фотографии, восторгается и, хвастая, показывает издали Веронике.

А тётя Лиса, прозрачно-воздушная сидит на скамеечке у себя во дворе, на носу очки, в руках газета с кроссвордом. Хочется подойти, обнять её, а нельзя — она всех освободила.

Глава 8

Внеочередная переоценка ценностей

На следующий день в фойе школьной раздевалки Соловейчик подбежала к Нике и бросилась обниматься. Широкая улыбка, весёлый блеск глаз так красили Полину, что невозможно было не рассмеяться вместе с ней.

— Ты чего? Полинка! — смущалась Вероника.

— Я вчера на радостях забыла спасибо сказать!

За те полгода, которые они учились вместе, одноклассники не видели Соловейчик такой счастливой. Барабанщикова, проходя мимо, остановилась.

— Привет! Вы чего скачете?

Ответа она не дождалась, пожала плечами и направилась к лестнице на второй этаж. Золотова и Соловейчик под руку пошли следом.

— Послушай, — уговаривала Нику новая подруга, — мама приглашает тебя к нам в гости. Ведь у нас такой праздник благодаря тебе. Мамуля испечёт мой любимый «Дипломат».

— Дипломат? — удивилась Вероника и пошутила, — это человек или портфель?

— Торт! С орешками, маком, изюмом и кремом, — засмеялась Полина.

— Наверное, вкусный.

— Придёшь? Завтра мама работает во вторую смену, можно собраться утром, — уговаривала подругу Полина.

— Хотелось бы, но у меня тренировка. Первенство скоро.

Ника говорила с грустью. Она уже представила себе стол с кружевной белой скатертью в квартире Соловейчиков, огромный торт в центре, миленькие чашечки ароматного горячего чая. Вообразила, как улыбчивая Раиса Марковна раскладывает по тарелочкам прослоённые кремом кусочки ажурной лопаткой. Уютная картинка выглядела привлекательно. Когда это осуществится? После уроков слишком поздно, а по утрам тренировки. Пропускать нельзя, в прошлый раз Ника смогла оправдаться, рассказав тренеру, как по пути в спортивный комплекс повстречала вымокшую девочку и помогала ей высушить одежду у себя дома. Ольга Михайловна тогда шумно вздохнула, покачав головой:

— Что ж, сам погибай, а товарища выручай. На первый раз оставим прогул без последствий, но учти, Золотко, больше такое не должно повториться. Первенство не увеселительная прогулка, там борьба будет о-го-го! Пропущенная тренировка тебе в минус.

Вероника не спорила, хотя даже страшно представить, что произошло, если б она не свернула тогда в парк.

Первым урок математики. Ираида Владиславовна прохаживалась вдоль классной доски, строго поглядывая на учеников. Через неделю всероссийская контрольная работа по алгебре, отнестись к ней надо со всей серьёзностью, по результатам будут судить о квалификации учителей.

— Отсутствуют Сёмина и Борзов. Так. Борзов опять прогуливает? — спрашивала учительница.

— Он подвернул ногу, — приподнялся с места Колов, — к врачу пошёл.

— Ладно, позвоню его маме. Что нам делать с Лизой? Она уже неделю пропустила, отстанет, — подойдя к столу, Ираида Владиславовна нашла там пачку листов и, потрясая ими, спросила, — кто может навестить Сёмину? Надо ей передать задание.

Несколько мгновений было тихо, потом руку подняла Золотова:

— Я знаю, где она живёт.

— Хорошо, Вероника. — Ираида Владиславовна быстро подошла и протянула девочке листы. — Пусть всё прорешает.

После уроков Ника не отважилась идти к Сёминой, даже пожалела, что сама напросилась. Как её встретят? Лиза вряд ли обрадуется объёмному заданию по математике, а её мама в прошлый раз так резко разговаривала с Вероникой, что при одном воспоминании в животе возникал неприятный холодок.

На пороге школы, Соловейчик спросила подругу:

— Чего ты загрустила?

— Да вот, обещала классной зайти к Лизке Сёминой, а, честно говоря, не хочется.

— Почему?

— Неловко одной. У неё мамаша такая сердитая.

— Хочешь, я с тобой пойду? — предложила Полина и смутилась, — только не сейчас, меня концертмейстер ждёт, мы с ней договорились сегодня небольшой прогон программы устроить.

— На ночь глядя? — удивилась Ника.

Соловейчик развела руками.

— Что поделаешь, она тоже перегружена, лишний часок трудно выкроить.

— Давай завтра, вместо «Дипломата», — неожиданно для самой себя выпалила Вероника. Хотя честнее было бы сказать, вместо тренировки.

— Давай, с удовольствием, я даже могу прихватить с собой кусочек торта для болящей.

Попрощались в хорошем настроении, назначив на следующее утро встречу.

Открыла девочкам сама Лиза. По домофону она говорила с Никой, поэтому удивилась, увидев на пороге Полину.

— Я думала, Золотко, ты одна, — сказала она и распахнула дверь, — проходите.

Пока гости раздевались в прихожей, Лиза всё такая же бледная стояла и теребила поясок халатика, по фисташковому полю которого рассыпались уморительные рожицы мультяшных медвежат. Заметив, как Полина разглядывает её наряд, сказала:

— Отец подарил на день рождения. Его жена покупала. Ношу принципиально, хотя дебильный он какой-то. — На попытку Соловейчик возразить махнула рукой, не желая спорить, — проходите.

В Лизиной комнате оформление такое же детское, как и халатик. На обоях рисунки из «Винни-пуха», уголок рукоделья с маленьким столом и стульчиком, какие бывают в Детских садах, кровать под балдахином вот-вот станет коротка девочке. Около двери старенькое пианино. Полина подошла к инструменту, открыла и сыграла музыкальную фразу.

— Расстроенное. Твоё?

Сёмина захлопнула крышку.

— Пыль только протираю. Родители отдавали меня в музыкальную школу, но я через год бросила.

— Почему?

— А-а, — Лиза сморщила нос, — им было не до меня, ссорились, кричали друг на друга. Короче, мы вместе с музыкой оказались лишними.

Сели. Золотова около письменного стола тёмной полировки, который смотрелся в этой обстановке чужеродным предметом, Соловейчик на крошечный стул в уголке для рукоделья, хозяйка на кровать, предварительно завязав узлом ткань балдахины, чтобы та не мешала. Ника достала из сумочки сложенные пополам листы и положила на стол.

— Ираида Владиславовна велела тебе решить все примеры, скоро важная контрольная.

— Это она вас прислала? — спросила Лиза.

— Меня просила передать тебе задание. Соловейчик в качестве поддержки пришла, — улыбнулась Вероника, — в тот раз твоя мама меня чуть не отшлёпала.

— Она жалела потом, — перебила одноклассницу Сёмина, — прости её. Мама, если в ночь работает, днём плохо высыпается, ну и злится по каждому поводу. Не люблю, когда она в третью смену. Весь день дома торчит, да ещё сердитая.

Лиза посмотрела на Соловейчик, которая изучала содержимое коробочек с бисером, и спросила прокашлявшись.

— Ника рассказала тебе, как я топилась?

— Чего? — Полинкины глаза округлились, она едва не выронила из рук баночку с крошечными шариками. — Ты топилась?

— Никому я ничего не рассказывала, — поднялась со стула возмущённая таким предположением Вероника.

— Да-а? — протянула Сёмина, — я думала, все уже знают.

— Зачем ты топилась, Лиза? — спросила Соловейчик.

— Ну вот, сама и разболтала, — сокрушённо вздохнула Сёмина.

Полина подошла к ней, присела на корточки:

— Я никому не скажу... мы никому не скажем. Объясни только, как тебе такое в голову пришло?

Сёмина потянула Полину за руки, усадила рядом на кровать и, часто-часто моргая, поведала девочкам печальную историю. После ухода отца из семьи ей было одиноко. Мать почти не замечала её, подолгу обсуждала измену мужа с подругами и родственниками, не стесняясь дочери. Лизе было жаль маму, но принять её позицию в отношении папы она не могла. Не хотелось верить, что она дочь бессовестного человека. Поделиться переживаниями не с кем было, прежние подруги почему-то отвернулись, в классе Сёмину считали чудаковатой и сторонились. Собеседника она встретила на сайте, где такие же

одиночки ищут друзей. Случайно попала на форум, ткнув какую-то рекламу. Читала посты и удивлялась насколько высказанные там мысли созвучны её собственным.

— Крепко меня тронули слова Робин Гуда. — Лиза, рассказывая, встала и прохаживалась по комнате. — Я даже утешала его.

— Как Робин Гуда? — не поняла Полина.

— Это ник. Там все под никами, настоящих имён нет. Я, например, была Габриэла.

— Почему была? — спросила Вероника.

— С тех пор не захожу туда.

Она вздохнула, прислонилась к дверце шкафа, ударила по ней несколько раз затылком и продолжила рассказ.

Мальчику с ником Робин Гуд жилось непросто. Отец оставил семью, узнав о неизлечимой болезни сына. Мать таскала Робина по врачебным кабинетам, занимала деньги на многочисленные обследования, даже возила сына в столичную клинику. От мальчика скрывали правду, несмотря на это, он вскоре понял, что жить ему осталось недолго.

Поначалу Лиза-Габриэла отговаривала Робина от самоубийства, тот оправдывал своё стремление заботой о матери. «Я всё равно скоро умру, — писал он, — мама потратит кучу денег, времени, будет надеяться, и всё это напрасно». Постепенно переписка Робина и Габриэлы свелась к рассуждениям о способе, которым можно сделать последний шаг в жизни. День за днём Лиза посещала форум, читала откровения незнакомого мальчика, проникаясь его взглядами, её тянуло к непрерывному общению. Девочка искренне считала себя опорой несчастного больного человека, о чём Робин частенько ей напоминал. Слова, казавшиеся поначалу страшными, как будто перевернулись, стали привычными. Идеи Робина нашли отклик в голове, когда Лиза вдруг осознала, сколько трудностей она создаёт собственной матери. Если раньше мамины слова обижали и только, теперь она мечтала освободить родителей от заботы о ней.

— Это он надоумил тебя в пруд сигать? — возмущённо спросила Ника.

— Мы договорились сделать это в один день, — кивнула Лиза, — он хотел прыгнуть с крыши, я выбрала воду. Как подумаю, что Робин погиб, а я... я не сдержала слово.

Сёмина всхлипнула. Соловейчик подошла к ней и потрясла за плечи:

— С чего ты взяла, что он настоящий мальчик? А? Видела его? Говорила с ним?

Лиза отрицательно покачала головой.

— Ну вот, — продолжала Полина, — может быть, псих какой-нибудь сидит за компом, девчонкам мозги морочит своей писаниной!

— Ты что! — отстранилась от неё Сёмина, — мы целый месяц переписывались! Я... я не верю тебе.

— Ему веришь? Вымышленному герою? Робин Гуд! Тоже мне! Давай, зайди на свой сайт, я уверена, он там по-прежнему сидит.

— Правда, Сёма, — поддержала подругу Золотова, — давай, посмотрим.

Вероника никогда не видела Полину такой возбуждённой, даже узнав о приобретении скрипки, она не так сильно волновалась. Уверенность появилась в облике подруги. Ни малейшего сомнения в её правоте не возникало.

Лиза тряхнула волосами, с вызовом глянула на девочек и открыла ноутбук на столе. Одноклассницы напряжённо вглядывались в экран. Несколько кликов — форум открылся. Замелькали сероватые прямоугольники, заполненные записями. Прокрутив несколько, Лиза наткнулась на пост «Робин Гуда». Теперь он беседовал с «Химерой». Те же фразы, которые «Габриэла» читала месяц назад.

— Он жив! — радостно воскликнула Сёмина.

Подруги не успели ей что-то сказать, как она набрала обращение: «Робин! Ты здесь?»

Спустя мгновение появился ответ в личку: «Габриэла, не мешай. Ты мне уже не интересна». Следом новое сообщение, где пять хохочущих смайликов.

— Не поняла, — растерянно оглянулась на Нику Сёмина.

— Чего тут непонятного? Цел твой мнимый больной.

— Кто бы сомневался, — усмехнулась Полина.

— Сейчас же удаляйся. Слышишь меня? — Вероника повысила голос, видя, что Лизу трясёт, — Сёма! Убери учётную запись и больше никогда не заглядывай сюда.

Выполнив просьбу Ники, Лиза немного подумала и сказала:

— Я всё-таки рада, что он не прыгнул с крыши.

— А мы-то как рады! — воскликнула Полина и предложила, потирая руки, — девчонки, не выпить ли нам чаю? Мне мама четыре огромных куска торта с собой дала.

— Ой, и правда, я что-то проголодалась, — неожиданно весёлым тоном сказала Сёмина.

Пили чай с вкуснейшим тортом, разговаривали о школьных делах. Лиза сетовала, что из-за болезни она отстала от одноклассников.

— Послезавтра к врачу идти, наверняка выпишут. Как эту гадскую контрольную по математике писать, не знаю. Позориться неохота, конечно.

— У тебя вроде с алгеброй всё в порядке, — успокаивала её Ника, — чего ты вдруг опозоришься?

— Ни одного домашнего задания за неделю не сделала. Вообще, ни до чего мне было. Только вышивала. Хотите, покажу?

Не дождавшись ответа, Лиза сбегала в мамину комнату и принесла большие пальцы с натянутой на них тканью. Почти законченная вышитая картина удивила одноклассниц.

— Красота! — Соловейчик потрогала пальцем ярко-жёлтую листву берёз, серо-голубую гладь речушки. — Посмотри, Золотко, какие облака! Ну, ты даёшь, Лизка. Это настоящее произведение искусства.

— Ничего особенного. Специальный набор продаётся, все нитки подобраны, есть схема. Крёстная мне на день рождения подарила. Валялся, валялся и пригодился, наконец. Целыми днями вышивала, за уроки не бралась.

— Позанимайся сейчас, нагонишь, — советовала Полина.

— Отец бы мне помог, конечно, а мама, — Лиза махнула рукой, — она математику начисто забыла.

Одноклассницы на два голоса принялись уговаривать Сёмину позвонить папе и попросить его помочь, но та только головой крутила.

— Ему не до меня. Молодая жена, ребёнок маленький.

— Ну и что? Не может раза два-три с тобой задачки порешать? — возмущалась Ника, — младенец ест, спит да гуляет, чего ему ещё надо? Мамаша справится с ним, пока отец старшей дочерью занят, никуда не денется. Мой папа всегда мне помогает, без него я бы на тройки скатилась давным-давно.

— Он ушёл, понимаете? Бросил меня! Живёт в другом доме, — горячилась Сёмина.

Соловейчик всё ещё разглядывая Лизину вышивку, задумчиво сказала:

— Если бы мой папа не умер... Пусть бы он жил в другом доме, в другом городе, на чужой планете. Я бы звонила ему, только для того, чтобы слышать голос.

Лиза и Ника некоторое время молча смотрели на Полину, потом Лиза вышла. Вскоре девочки услышали, как она с кем-то разговаривает.

— Отцу звонит, что ли? — предположила Золотова.

— Хорошо бы, — ответила Соловейчик.

Через минуту Сёмина вернулась. Глаза её сверкали радостью, щёки разрумянились.

— Он согласился! Скоро придёт, представляете?!

Время за тортом и разговорами пролетело незаметно, Золотова и Соловейчик чуть в школу не опоздали. Поход к Сёминой ещё больше сблизил их. Обе чувствовали, что стали настоящими подругами. Эх! Сейчас бы прошлогодний вопрос Анны Ивановны!

***

Вероника совсем забыла о пропущенной тренировке. Она сидела за выполнением домашнего задания, когда вернулась с работы мама. Алевтина Сергеевна, сбросив шубку и сапожки, сразу прошла в комнату дочери. К упрёкам и обвинениям девочка не была готова.

— Как это понимать? — без предисловий начала разговор мама, — где ты гуляла сегодня вместо тренировки? А? Не слышу! Отмалчиваешься?

— Мне поручили одноклассницу навестить. Лизу Сёмину.

— Больше никому? На весь класс одна Золотова!

— Мы с Полиной Соловейчик ходили.

— Вот, пусть бы одна Полина и пошла. Тебе зачем было тащиться? Вчера родилась? Не знаешь, чем заканчивается нарушение тренировочного графика?

Ника сидела потупившись.

— Каково мне было выслушивать Ольгу Михайловну? — продолжала мама, — я в полной уверенности, что дочь на тренировке, а тренер звонит и спрашивает, где Ника? набираю тебя, телефон не отвечает.

— Дома забыла.

— Голову ты не забыла? Что мне думать? Вдруг опять под машину попала? Даже предположить не могла, что прогуливаешь. Считала тебя дисциплинированным, ответственным ребёнком. И представь себе! — Мама, подойдя к столу, подняла голову дочери за подбородок, взгляделась ей в лицо. — Ольга Михайловна говорит, что это уже не впервые! Вот так новость! Кого ты из лужи вытаскивала неделю назад?

— Сёмину.

— Опять Сёмину?

— Она простудилась, когда промокла, и заболела. В школу не ходит. У нас контрольная скоро. Ираида Владиславовна сказала...

— Хватит! Не хочу ничего слышать! Не помнишь? У тебя на носу Первенство России! Или полагаешь, туда такие же разгильдяйки приедут?

— Мама, я больше не буду, — искренне говорила Ника.

— Да? А кто обещал Ольге Михайловне, что прогулы не повторятся? Через неделю после этого опять пропускаешь тренировку! Можно тебе верить? — кипятилась Алевтина Сергеевна.

В прихожей щёлкнул замок. Станислав Андреевич вернулся домой. Вероника не хотела, чтобы отец видел эту сцену. Она быстро сказала:

— Прости, пожалуйста, честное слово, не пропущу ни одной тренировки. Папа пришёл.

Алевтина Сергеевна не обратила внимания на слова дочери и продолжала сыпать обвинения:

— Что за моду взяла? То она подружку из воды вытаскивает, то задания ей относит. О твоей Семёиной больше некому позаботиться? Ни родственников, ни друзей? Одна Золотова может высушить бедную девочку?

Ника молчала, смотрела на злое лицо папы, который вошёл в комнату. Мама, не обращая на супруга внимания, продолжала:

— Прежде всего, подготовка к Первенству! Остальное побоку! Поняла меня? Никаких подруг, никаких хождений! Если будешь игнорировать тренировки, Ольга Михайловна не допустит тебя до соревнований, так и знай!

Станислав Андреевич взял жену за плечи и, разворачивая её к двери, сказал:

— Выйдем, Аля.

— Ты здесь, Стас? Представляешь, эта паршивка уже две тренировки прогуляла! — Алевтина Сергеевна опять обернулась к дочери, — я найду на тебя управу!

Она ещё что-то говорила, но уже в коридоре, папа увёл её. Ника слышала, как родители кричат в своей комнате. Высокий срывающийся голос мамы и грозный жестокий баритон отца.

— Ты совсем замордовала девчонку своими амбициями! — разобрала Ника папины слова.

Она понимала значение слова амбиции, это стремление стать лучшим, но как можно ими замордовать? Что значит странное слово — замордовать? Крики продолжались, и девочку охватил ужас. Родители при ней никогда не скандалили. Обычно папа успокаивал горячившуюся супругу тихими ровными фразами, или сводил причину её волнений к шутке. Теперь кричал так громко, наверное, у соседей слышно. Вдруг он разлюбил маму? Нике стало страшно, а если родители разведутся, как Сёмины? Лиза рассказывала, как хорошо они жили раньше — часто гуляли вместе, всей семьёй ездили отдыхать на море. Однажды тихая спокойная жизнь прекратилась, Сёмины начали ссориться, кричать друг на друга, но дочь по-прежнему любили, даже спорили, с кем она останется при разводе. Потом папа ушёл и с тех пор о Лизе редко вспоминал.

Вероника, представив, что с ней может случиться то же самое, заплакала. Рыдала беззвучно, лицо и руки стали мокрыми, на листе тетрадки, где начато упражнение по русскому языку, появились расплывшиеся серые пятна.

Мама повторяла то, что чуть раньше говорила Нике, папа обвинял её в непомерных требованиях к дочери, в палочной дисциплине, украденном детстве. Слыша его слова, девочка задумалась, нужны ли ей самой спортивные победы? Неужели она занималась гимнастикой только в угоду маме? Слезы высохли. Ника выбралась из-за стола, вышла на середину комнаты, сделала мостик, потом стойку на руках. Нет. Ей нравится владение телом. Приятно добиваться того, что раньше не получалось, а потом доводить до совершенства каждое движение. Разве смогла бы мама заставить её заниматься вопреки собственным желаниям? Папе, конечно, неприятно слышать, когда на его дочь кричат, но сама Ника давно привыкла к этому. Огорчало только неспособность мамы признавать важным всё, что не касалось гимнастики. Надо помирить родителей, твёрдо решила девочка и пошла к ним. Тихо постучала в дверь. Голоса уже не гроыхали, но разговор продолжался на повышенных тонах. Не слышат. Ника постучала громче.

— Заходи, — папин голос.

Девочка шагнула в комнату и увидела сидящую на диване маму с красными глазами и закушенной губой. Папа стоял у окна, как будто любуясь видом, но теперь обернулся к дочери.

— Что тебе?

— Буду заниматься, не спорьте. Глупо бросать, когда ты у самой цели, — сказала Ника, глядя папе в глаза, — я немного устала, только и всего.

Мама поднялась, подошла к ней и погладила волосы.

— Извини, Золотко, зря я расшумелась. Ольга Михайловна позвонила, отругала меня, вот я и сорвалась.

— Она всегда ругается. Это обычное дело. Ты, главное, на папу не кричи.

— Не буду.

К ним подошёл Станислав Андреевич, обнял, поцеловал жену в щёку и потрепал Никино плечо.

— Мир, — сказал он, иди, доча, кажется, ты уроки делала?

Они оба улыбались, успокоенная девочка пошла к себе.

— Как рано повзрослела наша девочка, — сказал Станислав Андреевич, когда дверь за Никой закрылась.

— В каком смысле повзрослела? — удивилась Алевтина Сергеевна.

— В том смысле, дорогая, в каком ты до сих пор не желаешь взрослеть.

Вероника слышала эти слова, но не захотела о них думать.

На следующий день во время большой перемены она поделилась сомнениями с новой подругой. Полина некоторое время размышляла над вопросом, кому нужны её успехи, ей самой или маме.

— Папа любил музыку, — заговорила она, не глядя на Веронику, — он виртуозно играл на гитаре. У них даже ансамбль был в Доме Культуры. Квартет — гитара, скрипка, альт и виолончель. Дядя Андрей, папин друг, альтом владеет, как...

— Как? — переспросила Ника, поторопив замолчавшую подругу.

— Чуть не сказала, как бог, но подумала, что нехорошо так сравнивать, — улыбнулась Полина, — я сама выбрала скрипку, хотела играть не хуже дяди Андрея.

— Это понятно, — нетерпеливо сказала Ника, — начала учёбу в музыкальной школе, сдавала зачёты, играла на школьных концертах. Многим этого достаточно. Зачем в конкурсах участвуешь? Приходится в тысячу раз больше заниматься! Тебя мама заставляет?

Полина вскинула брови домиком и пожала плечами.

— Не думала об этом. Наверное, мне всё-таки самой нравится, мама меня только поддерживает в память о папе. Она мягкий человек, никого не может заставлять. Почему ты спрашиваешь?

— Да вот, хочу разобраться, кому нужны мои победы? — Ника засмеялась и затормошила подружку, — мне! Мне самой они нужны, вот кому!

Поддавшись радостному настроению Золотовой, Соловейчик схватила её за руки и закружила. Они порхали по школьному фойе, не обращая внимания на удивлённые взгляды одноклассниц.

***

В ближайшую субботу Алевтина Сергеевна пошла в спортивный комплекс, разыскала там Ольгу Михайловну. Та встретила Никину маму улыбкой.

— Что вы сделали с девчонкой?

— Опять прогуляла?

— Алевтина Сергеевна, дорогая, мы растим олимпийскую чемпионку, так и знайте.

— Олимпийскую? — боясь поверить ушам, переспросила женщина.

Тренер постучала по деревянной панели на стене коридора, где они разговаривали:

— Не сглазить бы. Веронику словно подменили. Она всегда старательно выполняла мои задания, но формально, как робот по введённому алгоритму. Теперь душу вкладывает, светится вся. Я, честно говоря, удивлена. Переоценка ценностей произошла у девочки. Ладно бы лет четырнадцать ей было, это в порядке вещей...

Тренер что-то ещё говорила, Алевтина Сергеевна понимающе кивала, она вспомнила и тренировки в Испании, когда она ловила Нику на механичном выполнении программы, и вчерашние слова мужа о раннем взрослении дочери.

— Поделитесь, пожалуйста, секретом, — просила Ольга Михайловна.

— Что? Не поняла, каким секретом?

Тренер рассмеялась.

— Да вы не слушаете меня! Как вам удалось повлиять на дочь? Какие заклинания произнесли?

— Заклинания? — смутилась Алевтина Сергеевна, — признаюсь, накричала на неё, до слёз довела.

— Ну, эти-то приёмы знаю. Так они не работают, — сомневалась тренер.

Мама Ники вспомнила, как они с мужем ссорились. Стас упрекал её в чрезмерном стремлении к спортивным победам, в том, что она превращает дочь в машину для получения медалей. Она кричали, Золотко наверняка слышала и пришла их мирить. Может быть, именно это повлияло на перемену её отношения к тренировкам? Теперь ведёт себя так, чтобы у родителей не возникало причин для разногласий? Говорить тренеру о своих предположениях Алевтина Сергеевна не стала, только пожала плечами, рассеянно улыбнулась, простилась и поспешила домой, сославшись на дела.

Глава 9

Неожиданный поворот

Соловейчик активно готовилась к столичному конкурсу, часами играла на новой скрипочке. У Золотовой скоро первенство России среди юниоров, Ольга Михайловна

назначала по две тренировки в день. У обеих девочек не было ни минуты свободного времени. По договорённости делили домашние задания и списывали друг у друга. Это совместное творчество учителя замечали и снижали отметки. Полина не обращала внимания на тройки в тетрадях, у доски она могла ответить на четыре и даже на пять, а Веронику учителя оценивали не так, как раньше. Не только в тетрадях «тройки» поселились, к устным ответам требования стали выше. Даже если школьница отвечала без ошибок, её ждали сложные дополнительные вопросы. От бывшего сочувствия не осталось и следа, теперь спортивные успехи педагоги ставили Веронике в укор: «Лишь бы на брусках вертеться, а читать-считать ей, видите ли, незачем!». В этих упрёках была доля правды. Алевтина Сергеевна отмахивалась от проблем в учёбе: к девятому классу нагоним, в крайнем случае, обратимся к репетиторам.

Безудержное мелькание уроков, тренировок, учебников и спортивных снарядов прервалось радостным событием. Из Питера в гости к Золотовым приехала Нонна. День был воскресный. Ника вернулась из спортивного комплекса, а тут такой сюрприз! Питерская тётушка обнимала племянницу, кружила её по комнате.

— Подросла! Ещё вытянулась, стебелёк мой дорогой!

— Задушишь ребёнка, Нонна, угомонись! — шутил довольный Станислав Андреевич.

— Ну, быстро мыть руки! — скомандовала гостя, — и к столу! Привезла вам гостинец, такого точно ещё не пробовали.

На первое мамин борщ, который хорошо удавался хозяйке, ярко-бордовый, ароматный, да к нему ещё пампушки с чесночком. Подмигивая Нике, которая с аппетитом уплетала любимый борщ, Нонна искренне нахваливала хозяйку, а потом угостила Золотовых бужениной собственного приготовления. Ника, хотя и не особенно любила мясо, съела с удовольствием и даже добавки взяла, чем порадовала маму.

— Нонна, придётся попросить у тебя рецепт! Редко когда получается в это дитё что-то мясное заправить! А мясо надо есть! — обернулась Алевтина Сергеевна к дочери, — иначе, откуда мышцам взяться?

— Угу! — согласилась девочка, дожёвывая очередной кусочек, чем вызвала звонкий смех тётушки и улыбку папы.

— Вечно они воюют из-за этого мяса, — хмыкнул Станислав Андреевич, — а я думаю, если организм не требует...

Супруга замахала на него руками, и он сразу перевёл разговор на другую тему:

— Ты, Нонна, всё-таки надумала уезжать в Штаты?

— Мы с мужем давно собирались. У него есть заманчивые предложения. Будем путешествовать, фотографировать.

— Не представляю, как можно всё бросить и махнуть в далёкую страну, к чужим людям, в неизвестность, — качала головой Алевтина Сергеевна.

— Мы же не навсегда. Лет пять, если ничего страшного не случится. Родители пока в силе. Нашу с Лёней квартиру сдавать будут, это подспорье к маминой пенсии. Папа пишет картины, заказчики пока есть.

— А если бы тётя Лиса не... не скончалась, — спросила хозяйка украдкой взглянув на дочку, — вы бы не уехали?

— Никуша! — обратилась к девочке Нонна, — в комнате твой рисунок на столе. Я привезла его. Ты иди, раскрась, пожалуйста. Он незакончен, а я хочу с собой забрать.

Вероника вышла. Взрослые продолжили разговор. Нонна Алексеевна навестила родственников не только из-за рисунка, конечно. Оказалось, когда Золотовы уехали летом из Питера, она уговорила тётю Лису завещать квартиру не ей, а Стасу, тётушка согласилась. Эти документы и привезла Нонна, не желая отправлять их почтой. Супруги, услышав такое известие, не сразу до конца его осознали. Золотовы мечтали жить в Санкт-Петербурге, но даже подумать не могли о таком подарке судьбы.

— Вы уж простите меня, на похоронах промолчала, я не была уверена, что тётушка успела изменить завещание, потребовалось время, чтобы это выяснить.

— Я не понимаю. — Алевтина Сергеевна разглядывала бумаги. — Почему ты так решила? Ну, не нужна тебе квартира, а деньги? Можно продать, пусть она крошечная, но что-то выручить и обменять вашу на большую в центре.

— Именно так вы и сделаете! — сказала Нонна, поставив пустую чашку на стол, — эту квартиру продадите и тётушкину. Уверена, на двухкомнатную в центре Питера вам хватит. Если захотите трёхкомнатную, придётся искать на окраине.

— Странно всё-таки, почему ты сама не хочешь. — Алевтина Сергеевна переводила взгляд с гостыи на супруга. — Мы, само собой, рады, если это воля тёти Алисы, но... насколько мне известно, она думала оставить наследство тебе.

— У Лёни чудесная трёхкомнатная квартира на Васильевском острове. Мы с ним там и обитали. И у родителей моих хорошая. Куда мне их, солить? Да уезжаем мы скоро. Стасик любит Питер, всегда хотел там жить. Я знаю.

— Спасибо, Нонна, — прервал своё молчание Золотов, — Алечка тоже грезила Петербургом. Просто она никак не поверит внезапному счастью. Ты путешествуй, радуйся жизни, а вернёшься, мы тебе подсобим, чем сможем.

— Вот и договорились! Ловлю на слове! — засмеялась Нонна, — открою секрет. Мы с Лёней ребёночка ждём. Некогда мне с наследствами и обменами возиться. Надо лететь, пока срок маленький.

— О! Поздравляю, сестрёнка! Я так рад за тебя!

— Да, долго я собиралась, не то, что вы. Вон, какая доченька выросла. Ладно, спасибо за обед, пойду к Никуше.

Вероника, увидев свой летний рисунок, вспомнила тётю Лису, которой так и не подарила ни одной картинки. Грустно стало до невозможности. Для кого только не рисовала, чьи только просьбы не выполняла, одинокую старушку обделила. Теперь поздно, уже никогда не выполнить обещания, не послать тёте Лисе рисунок. Ника впервые по-настоящему осознала, что больше не увидит милую питерскую тётушку. Девочка раскрашивала сиреневым спортивный костюм бегуни, серым дорожку, не замечая, как слезинки капают на лист. Тогда, в Питере, она представляла картинку яркой, солнечной, но

это как-то не вязалось с печалью и чувством невосполнимой потери, навалившимися на художницу теперь. Зайдя в комнату, тётя Нонна увидела нарисованное пасмурное небо, вот-вот начнётся нудный дождик. Бегущая девочка, казалось, торопится домой, в уют и тепло. Только весёлая мордочка собачки вызывала улыбку.

— Настоящая питерская погода! Спасибо, деточка, в дальней стороне твой подарок будет напоминать мне о родном городе.

— Пожалуйста, — протянула Ника готовый рисунок тёте, — будете по электронной почте фотографии присылать и письма?

— Непременно! И ты мне. Хорошо? А что это носик покраснел? Плакала?

— Немножко. Летом совсем с другим настроением рисовала.

— Я помню. Нашёл тебе папа педагога?

— Нет. Я совсем не рисую. Много тренируюсь, даже в учёбе съехала.

— Жаль! Обидно.

Нонна обняла племянницу.

— Обязательно надо учиться. У тебя не просто способности. Многие хорошо рисуют. Твои работы несут мысль, понимаешь? Не хочется говорить «идею», смысл, что ли. Смотришь, например, на бегунью твою и начинаешь понимать...

Женщина подняла лист, показывая рисунок Нике, и продолжила объяснять:

— Надо беречь своих близких. Заботиться о них, пока они рядом. Это всем известная истина, но напомнить о ней никогда не будет лишним. Здорово, когда картина наталкивает на размышления!

— Мне уже говорили такое. Лиз, моя немецкая подруга, когда я нарисовала ей бег с барьерами, сказала, что мой рисунок о том, как надо преодолевать препятствия и стремиться к победе. А одна знакомая тётя убеждена, что её дочка, глядя на мою гимнастку, радуется и у неё животик перестаёт болеть.

— Не удивлюсь, если так и есть. Ты хороший человек, Золотко. В работу вкладываешь частичку своей чистой души.

— Я теперь совсем не рисую. Дома некогда, а в школе мне учителя строго-настрого запретили.

— Надо, надо рисовать! Как это твои родители не понимают! Есть же у вас в городе какая-нибудь студия?

— Дом детского творчества. Мне даже телефон педагога давали.

Ника выдвинула ящик стола и, порывшись в бумагах, достала рисунок, который принесла из больницы. На нём доктор записала номер телефона своей приятельницы — педагога по живописи.

— Вероника, настоящая бабочка получилась! Фантазёрка! Ты просто чудо, деточка! Всегда рисуешь с добрым расположением, это чувствуется. Если бы я не уезжала, выставку твоих рисунков организовала в Питере. В успехе не сомневаюсь.

Ника с интересом посмотрела на свою гимнастку.

— А я никак не понимала, почему ребята просят меня рисовать им, да ещё говорят, что мои спортсмены желания исполняют.

— Желания исполняют? — засмеялась Нонна, — вполне возможно. Существует множество историй на эту тему, в них есть доля правды.

— Доля правды, — тоже засмеялась девочка, — сказки!

— Что значит сказки? Понимаешь, Никуша, творчество не персонально. Есть художник, и есть люди, любующиеся его творением. Каждый видит особенно. Как и в поэзии, и в музыке. Произведение искусства нуждается в зрителе, слушателе, читателе. Воспринимать — тоже творчество.

— Понимаю. Моя подруга играет на скрипке очень хорошо. Но одно дело, если она просто репетирует, а другое, когда её слушают. Она играла мне, и я чувствовала, как от неё

передавалось что-то доброе, красивое. Это казалось волшебством. Во мне даже силы прибывали!

— Да. Так и твои рисунки. Они помогают ребятам чего-то достичь потому, что к этому всей душой стремятся. У каждого есть мечта, но не всегда есть уверенность в её осуществлении.

— У них появляется уверенность?

— Сомневаешься? Представь, тебе чего-то хочется, но просить робеешь. А тут за тебя попросили. Тебе уже легче стремиться к цели.

— Людмила Анатольевна называла меня обманщицей.

— Кто это?

— Завуч. Она говорит, я придумала волшебные свойства моих рисунков.

— Не огорчайся. Всё наладится. Пожалуйста, прошу тебя, позвони в Дом творчества. — Нонна перевернула лист с рисунком и прочла имя преподавателя, — Инне Викторовне. Или, хочешь, я позвоню.

— Нет. Я сама, спасибо.

— А ещё, — тётя Нонна хитро подмигнула племяннице, — если переедете в Питер, обратись к моему папе, он посоветует хорошего педагога.

— О чём это вы шепчетесь? — в комнату зашёл Станислав Андреевич.

Он смотрел на Нону необыкновенно тёплым взглядом. Та отступила от Ники и тоже как-то по-особенному взглянула на него. Девочка почему-то чувствовала себя неловко в их присутствии.

Нонна, будто спохватившись, сказала:

— Рисуем! Глянь, какая питерская погода, а ведь Никуша приезжала в августе и такого не видела. Разве не талант?

— Захвалишь!

— Бестолковые вы родители! Ну, ничего, мы с Никой договорились, она при первой возможности запишется в Дом творчества.

— С гимнастикой сначала договорись, — буркнул Станислав Андреевич, — девочке даже уроки делать некогда.

Алевтина Сергеевна разговор о спорте услышала бы и за тридевять земель, тут же оказалась рядом с мужем.

— Стас! Ты опять!

Вероника подбежала к маме, обняла её за талию, прижав щеку к плечу, и прошептала:

— Мы просто мечтаем.

Алевтина Сергеевна кашлянула и сменила тему:

— Стас, достань с антресолей раскладушку, положим на неё Нику, она уступит гостье кровать.

Нонна хотела возразить, но Станислав Андреевич опередил её:

— Нонна у моей мамы переночует, мы уже договорились.

— Я кое-какие тёти Алисины вещи привезла ей, фотографии, — словно оправдываясь, сказала Нонна, — и вообще, надо посидеть, повспоминать.

— Ну, да, — зябко передёрнула плечами Алевтина Сергеевна и похлопала дочь по спине, — иди в ванную, я воду набрала тебе. Морская соль, пена, всё как любишь.

— Не забудь, когда наплаваешься, реферат по истории прочитать, я его распечатал. Вдруг учительница начнёт спрашивать по тексту, а ты ни в зуб ногой, — сказал папа. Когда Ника вышла, он обернулся к Нонне, — ну что? Пойдём, я тебя провожу. Аля, ты с нами? Прогуляемся, город покажем иностранке.

— Как я могу? — холодно произнесла супруга, — у меня ребёнок в ванной плавает.

Ника плескалась долго, отдавая воде усталость и напряжение. Щедро налила шампуня на волосы, взбила пену и создавала то одну то другую причёски, похожие на парики восемнадцатого века. Заглядывала в зеркало, корчила рожицы и смеялась от избытка хорошего настроения. В конце концов, мама постучала в дверь ванной и велела вылезать — вода уже холодная. Розовенькая сияющая девочка в махровом рыжем халатике, смешных тапочках-поросятках, с тюрбаном из полотенца на голове пришла к маме в комнату. Алевтина Сергеевна сидела на диване, глядя в тёмный экран телевизора.

— Что показывают? — пошутила Ника.

Мама оглянулась и вздохнула так протяжно, что у девочки на сердце стало тревожно. Она села рядом, прижавшись к маминому боку, как замерзающий птенчик.

— Почему он так долго не возвращается? — сказала Алевтина Сергеевна в пространство, — на звонки не отвечает.

Ника заметила в маминой руке трубку мобильного телефона.

— Откуда не возвращается?

Алевтина Сергеевна посмотрела на дочь, как будто только увидела.

— Давай расчёску и фен, снимай это полотенце, надо волосы в порядок привести, а то будешь завтра ходить с причёской «взрыв на макаронной фабрике».

Ника хихикнула, мама шутит, значит, не огорчена, наверное, показалось. Уложив дочери волосы, Алевтина Сергеевна отбросила фен и опять схватилась за телефон.

— Безобразие! Не берёт. Завтра на работу, проводил женщину и вернулся. Сколько можно гулять!

Ника поняла, что речь о папе.

— Он у бабушки засиделся, наверное, — предположила она, — хочешь, я бабуле на домашний позвоню?

Непривычное Алевтине Сергеевне женское сочувствие в голоске дочери тронуло её и, как будто шлюз открылся.

— Не надо, милая. Так я, глупая. Придумываю себе. Что может быть? Она беременна, уезжает, — помолчала немного, задумавшись, и сказала то, что её мучило, — не понимаю, почему Нонна ему квартиру уступила.

— Тётя Нонна папина сестра, — постаралась успокоить маму Ника, — двоюродная.

— Если бы. Не по крови сестра-то. Ладно! Чушь, бред, паранойя. Иди в постель.

Вероника заснула не сразу. Впечатлений избыток. Мама, похоже, ревнует папу к Нонне. Представилась тётя — хорошая, добрая, мягкая смеётся и подмигивает. Почему-то вспомнила девочка и Валеру. Чем эти питерцы похожи? Нонна — взрослая женщина, художник-реставратор. Валера — мальчик, спортсмен. Что может быть общего? Земляки, да и только. Вот. Поняла. Есть у них интерес к Нике. Уважение и любопытство к ней, к человеку с отличающимися его от других людей особенностями. Они не пытаются девочку переделать, радуются качествам и поступкам, ничего не хотят и не ждут для себя, готовы помогать, предлагают поддержку. Есть ли кто-то ещё такой же?

Соловейчик? Нет, она хорошая, но замкнута в скорлупке, приходится её выковыривать. Поступки Полины ответные. Оставишь её в покое, забудет про тебя.

Кравченко? Вероника улыбнулась, вспоминая подружку. Ураган веселья, натиск, розыгрыши, сюрпризы. С ней всегда интересно. Алевтина Сергеевна называла Ларису «весь вечер на манеже». А кем была Ника для подруги? Девочка вздохнула и подумала — благодарным зрителем. Тут же постаралась отогнать неприятную догадку. Давно не виделись, вот и всё. Ника остро ощутила потребность поболтать с давней подругой по душам, понять её отношение. Скоро-скоро первенство, там они наговорятся!

Лиз, Гоша. Про Игоря не стала думать, он опекал девочку, как малышку, вёл себя высокомерно, кому это понравится? Лиз проявляла интерес, но холодный, как будто ей поручили это, по обязанности, что ли. С немочкой любопытно общаться, как с человеком из другой страны, но о духовной близости речи нет.

Папа? Вероника так глубоко задумалась, что даже потеряла нить рассуждений. Почему-то перед глазами возникла картинка: заснеженные холмы, деревья с хрупкими заиндеветыми ветвями, верхушки которых окрашены восходящим солнцем в нежно-розовый цвет. Свежий морозный воздух, веселье в душе от чистоты и яркости. Лыжня уходит вниз, наклон небольшой, Ника таких не боится, но всё-таки замерла и выжидает, не хочется расставаться с волшебным видом зимнего утра. Папина светлая улыбка. Он подбадривает дочь:

— Не дрейфь, Золотко! Вперёд!

Девочка оттолкнулась и поскользилась вниз. Скорость, ветер. Дух захватывает. Здорово, но жаль потерянной картинки.

Родители любили и понимали Нику, каждый по-своему через особую линзу собственной души.

Наутро, выбегая из подъезда, Вероника чуть не натолкнулась на Борзова. Одноклассник загородил девочке дорогу:

— Стой!

— Привет, ты откуда здесь взялся? — удивилась Ника.

— Тебя жду. Дело на миллион.

— На тренировку тороплюсь.

Девочка быстрым шагом пошла дальше, мальчик увязался за ней.

— Слушай, Золотова, как человека прошу, нарисуй мне всего одного спортсмена.

— Проехали. Я не рисую, сколько можно повторять?

— Край! Я бы не просил.

— Чего? Двойку по математике хочешь исправить? — едко спросила Ника.

Лицо Борзова стало непроницаемым. Он шёл быстрым шагом справа от Ники, смотря вперёд невидящими глазами. Девочка краем глаза видела, как он напрягся. Захотела смягчить своё замечание.

— Нетрудно мне рисовать, даже нравится. Дело не во мне, а в глупых суевериях. Людмила Анатольевна говорит, я притворяюсь волшебницей. Это ведь не я придумала. Сонька. На самом деле, мои рисунки самые обычные, желаний не исполняют.

Мальчик резко остановился, схватил Нику за локоть и развернул её лицом к себе.

— Хочешь, расскажу тебе всё, только обещай не проболтаться!

Девочка испугалась, чужих тайн ей только не хватало для полного счастья!

— Борзов! Отвяжись. У меня времени нет рисовать.

— Будь человеком. Вопрос жизни и смерти!

Опять жизни и смерти. Сёмина в пруд ныряла, теперь этот. Что ж ей так везёт! Вероника оттолкнула мальчишку и побежала. Борзов не стал её догонять. Однако, выйдя после тренировки на улицу, Ника увидела одноклассника на крыльце спортивного комплекса.

— Ты чего? Следишь за мной, что ли?

Борзов упал на колени, прямо в снег. Обычно Нике приходилось глядеть на этого высокого мальчика снизу вверх. Теперь, когда он такой маленький с печальным лицом стоял перед ней, стало жаль его до слёз.

— Гришка, прекрати, замёрзнешь.

Девчонки из секции, выйдя на крыльцо, увидели эту сцену и звонко рассмеялись.

Борзов, не обращая внимания на их шуточки, продолжал стоять на коленях и грустно смотрел на Золотову. Веронике было неловко за девочек, которые, не торопясь, шли по дорожке, оглядывались на Гришу вновь и вновь и хохотали так, словно перед ними клоун выступал. Надо бы пойти за ними, не будет же он вечно здесь стоять, но Ника словно приросла к месту.

— Вставай, пожалуйста.

Мальчик молчал, не двигался, как будто превратился в ледяную фигуру. Вероника стала поднимать его, схватившись за пальто. Дверь снова распахнулась, на крыльцо высыпали парни постарше из другой секции. Они принялись помогать девочке, весело комментируя ситуацию. Гриша, получив прозвища Ромéo, Пьеро, Орфей и ещё кого-то, оказался, наконец, на ногах. Ника, буркнув ребятам: «Спасибо!», побежала домой.

После обеда девочка пошла в школу и уже не удивилась, встретив по дороге Борзова. Он шагал рядом. Молчали. Кто бы мог подумать, что Борзов такой настойчивый. Вероника, твёрдо решила не поддаваться на уговоры, но видя упорство Гришки, сомневалась, права ли она. Крепко же его припёрло.

— Так и будешь за мной хвостом ходить? — спросила она мальчика у дверей школы.

— Нарисуй, — ответил он, глядя в сторону.

Так продолжалось два дня. Борзов таскался за ней всюду. На уроках вёл себя непривычно тихо, некоторые учителя даже ошибочно отмечали Гришу отсутствующим. В конце концов, Ника прониклась сочувствием к мальчику.

На одной из тренировок гимнастики бежали кросс. Дистанция большая — не на скорость, а на выносливость. Мчаться не надо, можно потихоньку «тюхать», по выражению Ольги Михайловны, и думать о чём-нибудь. Ника вспоминала, как беседовала о волшебных свойствах искусства с питерской тётей.

Этот разговор Вероника долго обдумывала, ей хотелось с кем-то обсудить всё услышанное от Нонны. Родителей стеснялась, вдруг они рассердятся на Нонну за то, что та забивает голову ребёнка сказками. С одноклассниками — почитателями художественных способностей нельзя, ещё подумают, что она цену своим рисункам набивает. Лучше всего поговорить о творчестве с Полиной. Она музыкант, а Нонна говорила и про музыку, но, к сожалению, Соловейчик готовилась к отъезду и теперь они увидятся только после конкурса. Скоро первенство, там Ника надеялась встретиться с Ларисой, но поймёт ли подруга рассуждения тёти Нонны? Кравченко в прошлом году посмеивалась над «волшебными» рисунками и не просила для себя ни одного. После того как Золотова

перестала тренироваться, Лариса по вольным упражнениям стала лучшей в секции, поверила в свои силы и не нуждалась в дополнительной помощи. Какие настроения у неё теперь, когда почти весь учебный год она провела в спортивном интернате, не ясно. Ольга Михайловна рассказывала о достижениях своей бывшей воспитанницы, хвалила её. Кравченко побеждала без помощи «волшебства», собственными стараниями. Вряд ли влияние Никиных картинок на судьбы ребят Лариса воспримет всерьёз.

Упорство Борзова доказывало справедливость теории тёти Нонны, но отступить от собственного принципа и нарушать обещание данное директору неправильно. И всё-таки она взялась за карандаши, нарисовала оторвавшегося от трамплина лыжника. Всё утро просидела, не выполнив упражнения по русскому и английскому, даже не глянув, что задали по алгебре. А ведь списать не у кого. Полина уехала.

Как же Веронике нравилось рисовать! Наклонённая вперёд фигурка спортсмена летит над белой равниной, под ним отбрасывающие длинные тени дерева, крошечные зрители, вдалеке дорога, на которой красные, чёрные и синие точки машин, а над лыжником ярко-освещённые золотистые облака на фоне голубого, пахнущего весной неба. Спортсмен, будто птица покоряя пространство, парит в высоте.

Увлечлась, даже пальцы устали сжимать карандаш, отвыкли уже. Пора собираться на уроки. Девочка сидела, разглядывая рисунок. Отдавать Гришке или нет? В школе нельзя, тогда другие ребята снова накинутся на неё со своими просьбами. Если один кто-то узнает о рисунке для Борзова, уже не отвяжется от десятка заказчиков. Нашла старую газету, спрятала в неё своего лыжника, может быть, получится как-то незаметно вручить.

Выйдя на улицу, Ника покрутила головой. Борзова не видно. Не подошёл он и на пути к школе. Девочка вздохнула с облегчением, наверное, у Гришки всё наладилось, больше ему не требуется чудесная помощь. Однако, не увидев паренька в классе, она забеспокоилась. Он, конечно, не отличался дисциплинированностью, но в последние дни вёл себя примерно, если можно так назвать печальный, задумчивый вид на всех уроках. Пришёл Борзов с десятиминутным опозданием.

— Что с тобой? — испуганным голосом спросила Эльмира Альбертовна.

— Можно войти? — Гриша старался спрятать от учительницы расцарапанную щёку.

Биологичка подошла к нему, развернула к свету его рану и, крепко уцепившись за плечо мальчика, сказала остальным ребятам:

— Взяли чистые листы и пишем ответ на первый вопрос параграфа, у вас пять минут. Вернусь, соберу. Оценки в журнал.

Как только Эльмира Альбертовна вывела Борзова из кабинета, ученики зашумели. Ника смотрела на закрывшуюся дверь и думала о том, что же могло случиться с Гришкой, и не сразу расслышала обращённый к ней вопрос Барабанщиковой:

— Ну что, Золотова, довольна?

Послышались и другие возгласы:

— Ещё бы не довольна!

— Строила из себя скромницу, а сама...

— Мы-то наивные, думаем, она спортом занимается...

— Ха-ха! Знаем, что это за тренировки!

Вероника растерянно оглядывалась вокруг, видя обращённые к ней кричащие лица. Говорили, конечно, не все, но смотрели все до одного. Кто с любопытством, кто с осуждением, кто сочувственно, но таких было мало. Находясь под прицелом двадцати пар глаз, Ника сжалась. Где благословенное время бойкота? Неуютно было от полного отсутствия внимания, холодно и пустынно, но теперь, прожигаемая насквозь пристальным вниманием, девочка много бы отдала, чтобы вернуть прежнее состояние.

— Причём тут Золотова? — Колов сделал слабую попытку вступиться за Веронику.

— Не знаешь? — тархтела Барабанщикова, — Борзов за ней бегал, бегал, вот ему и накостиляли.

— Гришка?

— Конечно! Видели некоторые, как он перед ней на коленях стоял.

— Подумаешь! За что тут бить?

— Так у нашей Веронички поклонник в седьмом «Б»! Сёма застучала их, когда они целовались, — выкрикнула Катя с «камчатки».

Вероника обернулась на Лизу, та сгорбившись над учебником, лихорадочно его перелистывала.

— Чего выдумываете? — сказала она тихо, никто не услышал.

— О! Золотова, ты у нас, оказывается... — начал Колов, но дверь кабинета отворилась и он замолчал.

Следом за Эльмирой Альбертовной в класс зашёл Борзов. Рана у него на щеке была заклеена пластырем.

— Кто готов? Сдаём! — сказала учительница, слегка подтолкнув Гришу к его парте.

Человек шесть из класса протянули листки с выполненным заданием, остальные склонились, дописывая.

Все уроки в этот день проходили в перешёптываниях и переглядываниях учеников. Ошарашенная безобразной сплетней Ника забыла о лыжнике, которого нарисовала для Борзова. Сёмина пряталась от неё, остальные девочки сторонились, а если случайно встречались с Никой глазами, делали ехидно-хитрое лицо. Золотова получила двойку по английскому за невыполненное домашнее задание, пришлось выслушать лекцию англичанки: непонятно, как «наша гимнастка» собирается выступать за страну на международном уровне, не зная языка. По классу прошелестело: «Гуляет с мальчиками... влюбилась... целоваться меньше надо... по углам...». Ника еле сдержалась, чтобы не вскочить, не сбежать из класса. Хорошо ещё, не собирали тетради по русскому и математике, а то ещё две «пары» схлопотала бы.

Борзов ждал Веронику у подъезда её дома.

— Как это ты меня обогнал, я первая уходила, — сказала она сердито.

— Поговорить надо.

— Заходи. — На улице Ника не хотела стоять, ещё кто-нибудь увидит. Сплетен хватало и так.

Они зашли в подъезд. Девочка поднялась на две ступеньки, чтобы оказаться вровень с Гришей, спросила:

— О чём?

Одноклассник мялся, шумно сопел, тёр шею, как будто ему что-то мешало. Вероника не верила глазам. Бесшабашный, неуправляемый Борзов близко не просматривался в смущённом и неуверенном мальчике, стоявшем перед ней.

— Ты влюбился, что ли в меня?

Гришка испугался и быстро затряс головой:

— Не-е-ет.

— Ладно, пошли к нам, — видя, что Борзов сомневается, добавила, — никто тебя не съест.

Алевтина Сергеевна уже вернулась домой. Увидев дочь с мальчиком, удивилась, но виду не подала. Сказала, обращаясь к нему:

— Голодные наверняка. Идите к столу. Ника покажи товарищу, где руки можно вымыть, и полотенце дай.

Борзов сидел за столом, как на великосветском приёме. Это не помешало ему с аппетитом умять картошку пюре и две котлетки. Вероника всё больше убеждалась в правильности своей догадки. Вернее, не догадки, а подсказанной одноклассницами мысли.

После ужина они зашли в Никину комнату. Мама велела не засиживаться:

— Грише ещё домой надо дойти, родители волноваться будут.

— Мы недолго, мама, — успокоила её дочка, — отдам рисунок, и он уйдёт.

Борзов не думал, что Никины слова, сказанные маме, правда, поэтому увидев, как девочка достаёт из газеты картинку, изумился, даже замер.

— Берёшь, или уже поздно? — спросила Ника, протягивая Грише прыгуна с трамплина.

— Ты всё-таки нарисовала? — Мальчик дрожащей рукой взял лист. — Вот это да! Классно у тебя получается.

— Смотри, не проговорись. Директор с меня слово взяла.

— Сейчас! — Борзов выскочил в прихожую, вернулся со школьным рюкзаком. — Сейчас, деньги...

— Не придумывай! Какие ещё деньги, — возмутилась девочка, — перестань, а то отберу.

— Но ты раньше брала сто рублей...

Вероника постояла с открытым ртом, соображая как объяснить отказ, через несколько мгновений сказала:

— Раньше я на скрипку для Полинки Соловейчик собирала, а теперь уже не нужно. Купили.

— А-а! Я думал, ты себе.

— Не себе. Ну? Всё?

Борзов осторожно уложил рисунок в рюкзак и улыбнулся:

— Спасибо! Даже если не подействует... Мы сделали всё, что могли.

— Пожалуйста. Иди, а то, и правда, родители начнут искать с собаками.

Мальчик продолжал стоять. Он мял пальцами ремешок рюкзака, собираясь с мужеством. Вероника молчала, глядя на него сочувственно.

— Всё-таки скажу, ты ведь не проболтаешься.

— Как хочешь. Я не спрашиваю.

— Мне очень нравится одна девочка, — выдохнул Гриша, — красивая.

Ника насторожилась.

— Я написал ей ВКонтакте. Признался. Она... Она меня не любит.

— Из нашего класса? — спросила Ника, чувствуя облегчение.

— Нет. Из седьмого. Она с одноклассником дружит, сказала ему про моё признание. Вот он меня поучил сегодня.

— А-а-а, — протянула Ника.

— Да если б он один был, я бы показал, — повысил голос Борзов, — втроём набросились, прикинь?

— Нехорошо втроём на одного, — это Станислав Андреевич заглянул в комнату и услышал последние слова мальчика.

— Папа! Ты пришёл? — глупо спросила Ника.

— Здравствуйте, — пролепетал Гриша вежливо.

— Пойдём, провожу, — сказал ему Станислав Андреевич, — вдруг тебя караулят.

— Не надо, я один дойду, — возразил Борзов.

— Достаточно твою физиономию сегодня разукрасили. Пошли, не ломайся.

Прогуляемся, поговорим по-мужски.

Закрыв дверь за одноклассником дочери и супругом, Алевтина Сергеевна вздохнула:

— Голодный пошёл. Совести у вас нет.

***

Узнала Вероника тайну Гришки Борзова. Предположение Лены Барабаншиковой оказалось ошибочным, не за Нику его побили, за другую девочку. Сплетня, тем не менее,

набирала обороты. За спиной у Золотовой шептались, а с ней некоторые одноклассницы разговаривали елейными голосами, сообщая, что такая-то и такая-то говорят про неё то-то и то-то. У Ники щёки пылали от услышанного. Она совершенно растерялась. Как оправдаться в том, в чём не виновата? Раньше была рвачкой и обманщицей, теперь, когда перестала рисовать, превратилась в шалопутную. Хотела поговорить с Лизой Сёминой, которая якобы видела Нику в компании старших мальчишек, но та бросалась наутёк, едва завидев оболганную ей девочку. Вскоре Вероника отказалась от мысли выяснить у Лизы, зачем она это выдумала. Напугается ещё до смерти, да полезет опять в пруд.

Ника не понимала, как себя вести, с кем-то надо было посоветоваться. Случай однажды представился. Шла, не торопясь, в школу и думала, поговорить с мамой о школьных сплетнях или нет. Подскажет она что-то или раскричится?

— Ника! — знакомый мягкий голос.

Девочка обернулась, к ней торопилась Раиса Марковна:

— Здравствуй, дорогая!

— Здравствуйте, а я думала, вы с Полиной в Москве.

— Не отпустили с работы, — печально сказала Полинкина мама, — с ней бабушка поехала, но мы созваниваемся каждый день. У них всё хорошо. А ты как? Унылый вид у тебя, прямо скажем.

— Ничего, всё нормально. — Девочка опустила глаза. — Устаю на тренировках.

Она хотела попрощаться и пойти дальше, но Раиса Марковна шла рядом, вглядываясь в Никино лицо.

— Дело не в тренировках, не лукавь. Скажи мне, Солнце, что случилось, ты ведь не чужая мне.

Вероника вдруг страстно захотела поделиться с этой милой женщиной своими обидами. Полинкина мама слушала, вдумчиво всматриваясь в Никины синие глаза.

— Зачем они всё это про меня выдумывают? Я не понимаю. Раньше не разговаривали со мной, злились, когда я отказалась рисовать. Теперь узнали почему — мне директор запретила. И что же? В глаза говорят приятные вещи, а за спиной гадости!

— Послушай, дорогая, совет: не изучай психологию грешников. Когда пытаешься встать на место человека, совершающего плохие поступки, понять и оправдать его, свою душу лишаешь чистоты.

— Не понимаю, — в Никиных глазах засветилась искорка интереса.

— Знаешь, каково живётся судьям, следователям, тюремщикам? Тяжело. Для души тяжело. Они столько преступников видят на работе, расследуя их деяния, изучая их мотивы, что готовы каждого человека подозревать в какой-нибудь мерзости. Люди поступают, как умеют, незачем их понимать. Слава богу, мы с тобой не судьи и не дознаватели, — Раиса Марковна ободряюще улыбнулась.

— Что же мне делать? Вести себя так, как будто мне всё равно?

— Выбор за тобой — общаться со сплетницами или нет.

— Они в нашем классе учатся. Подходят, говорят со мной. Отворачиваться, что ли?
— удивилась Ника.

— Правильнее всего не обращать внимания, общаться подчёркнуто вежливо и отстранённо. А с другими ребятами постарайся подружиться, тем более что нормальных ребят больше.

— Катке это не понравится, — хмыкнула Ника, — она дзюдоистка, чуть что не по ней, кулаки в ход пускает.

— Дерётся? — изумилась Раиса Марковна.

— Ещё как! И с мальчишками, и с девчонками.

— Не думала... — женщина покачала головой, — надеюсь, она тебя не тронет.

— Уж я-то за себя постою. — Вероника смотрела светло и весело, беспокойство в её душе улеглось после этого разговора.

— Вижу тебе лучше, я рада. Будь сама собой, не подстраивайся ни под кого. А за нарпаслину — сорок грехов долой, так предки наши говорили. Хотя, какие у тебя грехи!

— Можно поискать, — пошутила Ника.

Раиса Марковна засмеялась и сказала:

— Сейчас не будем, пожалуй. Поторопись! На урок опоздаешь.

Простились, девочка побежала в школу. В предыдущие дни она старалась прийти в класс первой, чтобы не сталкиваться в раздевалке с Катей и её свитой. В многолюдной толкучке перед звонком особенно часто слышались скабрёзные шуточки и нелестные замечания о Золотовой. Понимая, что сейчас, то время, когда незадолго до начала занятий второй смены в школу приходят почти все, Ника вспомнила слова Полинкиной мамы. Как принять отстранённый вид? Не смотреть ни на кого? В пол уставиться? Нет, так не пойдёт, надо думать о чём-нибудь. Когда глубоко задумаешься, многого не слышишь и не видишь. Представила, что выполняет упражнения на брусьях. Одно движение за другим перебирала мысленно. Помогло. Быстро механически переобулась, повесила одежду и мешок со сменкой на крючок. С кем-то здоровалась, не глядя на лица. Уже уходя, услышала громкие слова Барабанщиковлй, брошенные в спину:

— Чего это с ней?

— Выпендривается, — ответ Кати.

В класс Золотова вошла, продумывая вольные упражнения. Даже ощущала, как вслед за мыслью напрягаются нужные группы мышц. Вид у девочки был такой, словно она в облаках витает. Почти все ребята оглянулись на неё. Сёмина метнулась было в сторону, но заметила, что Ника не обращает на неё внимания. Только удивлённому «Привету» Колова кивнула и села за парту. Лиза разглядывала Веронику. Как будто, внутрь себя смотрит! На свою подругу Соловейчик стала чем-то похожа. Немного посомневавшись, Сёмина подошла к Нике. Лизу угнетала роль, которую она невольно сыграла в новой травле одноклассницы.

— Золотко! — Сёмина присела рядом. — Я не виновата. Просто удивилась, когда увидела тебя с тем семиклассником, вот и сболтнула в раздевалке, а Барабанщикова услышала и растрезвонила.

Ника молчала, мысленно делая сальто, поворот, потом разбег и прыжок в шпагат.

— Послушай! — пыталась привлечь её внимание Лиза, — чего такого? Этот парень почти всей школе нравится. Лена просто завидует, да и Катька...

— Какой парень? — повернулась, наконец, Ника.

— Из седьмого «Б», с которым ты... ну... стояла тогда.

— Ни с кем я не стояла, Сёма. Отвяжись.

— Я узнала тебя. Пуховик и шапки твои были точно, — убеждала одноклассницу Лиза.

— Может быть, и лицо моё? — Ника подпёрла кулачком подбородок, будто приготовилась слушать сказку.

— Он тебя загородил, я лица не видела.

— Ага! Хорошо. Я уж думала, мне у тебя теперь спрашивать, где и с кем я была, как будто сама не знаю. Так вот, Сёма, пуховик у меня не от Армани, таких ещё сто на город наберётся, да и шапка куплена в ближайшем «Детском мире». Не я это была, можете расслабиться и не завидовать.

Прозвенел звонок. В класс вошла Ираида Владиславовна. Сёмина не торопилась отсаживаться, шепча Нике извинения.

— Лиза? Ты почему за чужой партой? — строго спросила учительница.

— Можно я здесь буду, пока Полины нет?

— Соловейчик скоро возвращается, давай не будем нарушать привычный порядок, иди к себе.

Сёмина сокрушённо вздохнула и пересела. Нику посетило радостное чувство. От того, что Лиза наговорила на неё случайно и теперь огорчена, оттого, что Полина скоро вернётся, а ещё оттого, что она научилась отстранённости.

Глава 10

Новый круг волшебства

Станислав Андреевич следил за ходом конкурса скрипачей в интернете и первым узнал о победе Соловейчик в одной из номинаций. Когда он сообщил об этом жене и дочке, обе искренне порадовались за юную скрипачку. Ника даже скакала по квартире, восклицая: «Наши победили! Ниши победили! Полина — молодчина!». Вероника скучала по неразговорчивой подружке, не терпелось обнять и закружить победительницу, тем более она считала себя чуть-чуть причастной к успеху. Возвращаясь с конкурса, Полина простудилась и пока не ходила в школу. Надо бы её навестить, расспросить о выступлениях, поделиться новостями. Кроме того, Ника хотела Полинкину маму поблагодарить за помощь, советы Раисы Марковны кстати пришлось и помогли в трудную минуту. Однако Алевтина Сергеевна категорически запретила дочери ходить к Соловейчик, дабы не подхватить инфекцию. Заболеть накануне таких ответственных соревнований недопустимо!

Всё чаще Вероника вспоминала о Лариске. На первенстве они увидятся! Надо столько всего рассказать, и весёлые байки Кравченко хотелось послушать.

В школе у Золотовой дела шли плохо, Людмила Анатольевна при каждом удобном случае упрекала «зазнавшуюся гимнастку». Некоторые учителя, стараясь нужным образом реагировать, забрасывали администрацию докладными о пропусках Золотовой и её отставании в учёбе. Девочке непросто жилось. На тренировках, придираясь к мелочам, наседали тренер, в школе сыпались обвинения и со стороны одноклассников, и со стороны учителей. Взрослые устали отлавливать её старые рисунки, невзлюбив Веронику как источник всего этого безобразия. Ребят злил отказ Ники рисовать. Особенно после того как прошёл слух о чудесном вмешательстве художницы в судьбу Борзова. Гриша не удержался и подарил Никин рисунок девочке Насте из седьмого «Б», она согласилась с ним дружить, покинув одноклассника, признанного многими девчонками красавчиком.

Когда в классе стало известно о дружбе Борзова с другой девочкой, все решили, что он «бросил» Золотову. Вскоре стало известно, что «бывший её мальчик» тоже гуляет с

новой пассией. Выдуманные неудачи Никиной личной жизни бурно обсуждали одноклассницы.

— Так ей и надо! — говорила Лена Барабанщикова победным тоном, будто фиаско Золотовой её личная заслуга, — не будет сразу за двумя парнями бегать!

— Я вообще не понимаю, чем наша Золотова может привлечь мужское внимание, одни мышцы, кожей обтянутые, — сокрушалась Соня, считавшаяся теперь самой симпатичной девочкой в классе.

— Скорее всего, ребята спорили на неё, — со знанием дела заметила Катя, — изображала недотрогу, будто кроме гимнастики ничего ей не надо. А только пальчиком поманили, сразу побежала.

Вероника, приняв однажды отстранённость за стиль поведения, не отступала. Замечания и колкости, громко высказанные в её сторону, мимо ушей пропускала, не принимая на свой счёт, на вопросы отвечала односложно, не выказывая неудовольствия или возмущения. Ни спорить, ни доказывать чего-либо не хотела.

Борзов долго не видел разразившейся по его вине бури. На каждой перемене он убегал из класса к подруге, чувствовал себя счастливым, считая Никин рисунок причиной его везения. Правда, семиклассница Настенька убеждала Гришу, что её сердце растаяло, когда он мужественно сражался с тремя крепкими парнями, отстаивая свою любовь. Золотова со своими художествами ни при чём. Раньше Насте внимание красивого одноклассника льстило, но теперь она поняла, этот самодовольный тип не способен на отважный поступок. Нападать втроём на одного низко.

Слухи о Нике Борзов узнал от дружка своего Колова. Тот как-то назвал Гришу предателем, бегающим то за одной, то за другой девочкой. Чуть не подрались.

— Кто это придумал? — возмущался Борзов, — никогда за Никой не бегал.

— На коленях тоже скажешь не стоял? — тряс друга за грудки Колов, — я это был? А?

— Стоял, — признался Гриша, — но это не то.

— Нормально? Перед одной девчонкой на коленях стоишь, к другой на переменах стремглав летишь, и всё не то!

— Ну, так я из-за Насти, — проговорился Гриша, — из-за Насти на коленях стоял.

— Чего? — расхохотался одноклассник, — у Золотовой Настиной руки просил?

— Рисунок я у неё клячил, — зашептал Борзов, — только не говори никому.

— Она снова рисует? — понизил голос Колов, оглядываясь на случайных свидетелей, не услышит ли кто.

С этого дня в классе собралась группка защитников Золотовой. К Борзову и Колову примкнула Сёмина и ещё несколько девочек и мальчиков. Они обвиняли Катю и Лену в распускании лживых сплетен. Некоторым пришлось попробовать крепость Катиних кулаков, кому-то испытать уколы Лениного язычка, но ребята продолжали стоять на своём. Обе партии замкнулись друг на друге, забыв о причине вражды — Веронике, которая часто пропускала уроки, а приходя в школу, казалась человеком «не от мира сего», сидела, прокручивая в голове гимнастические упражнения.

Стычки, происходящие в шестом «А», не остались незамеченными администрацией школы. Затишье после директорской проработки Мухиной и Золотовой оказалось временным. От Ираиды Владиславовны требовали восстановить в классе порядок. Опять причину конфликтов искали в художествах Золотовой, хотя девочка вела себя тихо, ни с кем не разговаривала, не рисовала и, вообще, часто отсутствовала. Поговаривали о хитрости и коварстве «этой тихони».

В пылу словесных сражений в шестом «А» всплыла-таки история прыгуна с трамплина, и хотя никто прямо не говорил, что Ника опять рисует, но слухи ползли.

Борьба завуча с рисуночной магией всё больше напоминала битву с ветряными мельницами. Теневой рынок процветал. То и дело учителя докладывали о том, кто, где, у кого купил очередного волшебного спортсмена. Людмила Анатольевна без устали проводила разъяснительную работу. В классах выступали приглашённые умные люди с рассказами о древних верованиях, обожествляющих силы природы. Школьный психолог

Анна Ивановна, работая с группами учеников, на примерах показывала, как из обычных совпадений некоторые люди делают неправильные выводы, ищут смысл совсем не там, где надо. Школьники выслушивали, иногда сами делали доклады и презентации с логичными и ожидаемыми выводами, но, как будто из упрямства, основная масса продолжала множить и распространять копии Никиных работ. Отчаявшись совладать с этим вздором, Завуч пригласила в школу Станислава Андреевича. Как говорится, хваталась за соломинку, рассчитывала на помощь отца самозваной волшебницы — необходимо развенчать миф о необыкновенной силе рисунков Вероники.

Золотов пришёл в субботу. Его приняли в кабинете социального педагога, по совместительству психолога. Небольшое уютное помещение. Центральным местом завладел овальный стол тёмного дерева, вокруг него стояли двадцать деревянных стульев, того же цвета, вдоль стены высились книжные шкафы, к мебели были хорошо подобраны тяжёлые шторы на окнах. Заметно, как хозяйка кабинета стремилась сделать его не казённым, почти домашним. Анна Ивановна встретила Станислава Андреевича растерянной улыбкой, благодарила за визит. Вскоре прибыла и Людмила Анатольевна, вид у неё был решительный, напыщенный даже.

— Классный руководитель болеет, — сообщила завуч, плотно закрывая дверь, — мы вынуждены обсудить происходящее по вине вашей дочери события без неё. Присаживайтесь, пожалуйста.

Сказав это, она посмотрела на родителя ученицы победно.

Станислав Андреевич уселся за стол напротив Анны Ивановны. Людмила Анатольевна, то и дело бросая на него строгие взгляды, продолжала прохаживаться.

— В чём обвиняют мою дочь, позвольте узнать? — Никин папа чувствовал себя неловко в обществе учительниц, словно на какое-то время превратился в нерадивого школьника.

— Она обещала прекратить свою деятельность, и что мы видим? — Людмила Анатольевна, как факир, выхватила откуда-то рисунки и бросила на стол.

— Насколько я знаю, Вероника всегда выполняет обещания. — Мужчина взял листы, любуясь, перекладывал их.

— Обычное заблуждение, родительская слепота. — Людмила Анатольевна остановилась за спиной съёжившейся Анны Ивановны, невозмутимо глядя на Золотова, — Каждый считает своего ребёнка лучшим, замечательным и не хочет признавать собственных очевидных промахов. Наша задача раскрыть глаза родителям, проще говоря, продемонстрировать истинное лицо их чада.

— Что же такого в лице дочки хотите мне показать?

— Она врёт и не признаётся.

— Голословное заявление, — покачал головой Никин папа и хотел что-то добавить, но завуч остановила его резким взмахом руки.

— С вами крайне трудно разговаривать, Станислав Андреевич. Вы должны выслушать нас и осознать пробелы воспитания ребёнка в семье. А затем, усилить внимание, отругать, наказать, в конце концов. Вас пригласили не для дискуссии, а...

— Для проработки?

— Чтобы обозначить проблему и найти единую стратегию против...

— Моей дочери? Я должен выступать единым фронтом с вами против собственного ребёнка?

— Видите ли, — подхватила знамя у опешившей Людмилы Анатольевны Анна Ивановна, — когда в школе распространились слухи о победе Соловейчик на конкурсе, интерес к Никиным работам усилился.

— Не выполняет она обещаний, — едко заметила завуч, — рисует тайком.

— Погодите, какая связь? Соловейчик победила на конкурсе, я рад. Но причём здесь Вероника?

— Раз она для подруги рисует, значит, должна и другим помогать, так ребята рассуждают. — Людмила Анатольевна перестала мелькать и уселась, облокотившись на стол локтями. Пауза затягивалась, нарушил её Золотов:

— Она не рисовала для Полины. Первенство на носу, нет времени даже на уроки, тем более на баловство.

— Факты упрямая вещь, — возразила завуч, — Соловейчик победила, значит, рисунок был. Это же очевидно!

— Хотите сказать, девочка добилась результата на конкурсе не своим трудом, а за счёт Никиной ворожбы?

Учительницы растерянно переглянулись, Людмила Анатольевна поспешила исправиться:

— Вы неправильно меня поняли. Конечно, Соловейчик занималась усердно, но она стеснительная, робкая. Трудно таким детям выбиваться в лидеры, а так называемый волшебный рисунок придал ей уверенности.

— Уверенности, говорите? Вероника действительно помогла подруге, но не в мистическом, а обыкновенном материальном смысле.

— В материальном смысле? — удивилась Анна Ивановна, — что имеется в виду?

— Деньги имеются в виду, — ответил Золотов, — ребята, как вам известно, платили Нике за рисунки, она скопила значительную сумму и отдала Соловейчик.

— Зачем? — хором спросили учительницы.

— Для выступления на конкурсе девочке требовалась хорошая скрипка. Стоит такой инструмент дорого. Мать не могла собрать всё, вот и пригодились скопленные Вероникой средства. Считайте, школа оказала материальную помощь одарённому ребёнку. Что называется, с миру по нитке.

— Позвольте, — всплеснула руками завуч, — почему об этом ничего не известно нам? Ведь совсем другой оборот дело принимает!

— Я просил девочек не рассказывать. К чему лишняя болтовня?

— Такой благородный поступок меняет картину. Как хорошо, что мы вызвали вас на разговор, Станислав Андреевич. Удивительно! А я-то думаю, куда она деньги деваёт?

— Где ребята достают новые рисунки? — сбила пыл завуча Анна Ивановна, — подпольная торговля процветает, все попытки изъять материалы проваливаются.

— Да, — подтвердила Людмила Анатольевна, — быть может, Веронике следует потребовать вернуть ей работы?

— Как она может требовать, если деньги за них получала? — возразил Золотов.

Он посмотрел сначала на одну, потом на другую женщину. Анна Ивановна — худенькая, одетая мешковато, не подкрашенная, с большими напуганными глазами. Людмила Анатольевна — дородная, яркая, в элегантном костюме, вполне уместным макияжем и белыми крашеными уложенными в пышную причёску волосами.

Станислав Андреевич сердился из-за обвинений, которыми они осыпали его дочь, но в глубине души испытывал жалость. Учительницы. Дамы, брошенные на передовую образования. Профессия обязывает быть непререкаемым авторитетом. Ни малейших сомнений, никаких колебаний, со временем педагоги и сами начинают верить в собственную правоту и непогрешимость. Школьники, их родители просто обязаны смотреть в рот учителю, верить каждому его слову. И вдруг! Несколько месяцев весь коллектив безуспешно воюет с непослушными учениками. Никакими уговорами, угрозами и наказаниями не могут отнять у ребят смешную веру в чудо. Только загоняют проказников «в подполье». Никин папа хотел помочь, но как? Его дочь выполняла своё обещание, в этом он не сомневался, а на других он повлиять не мог.

— Я не педагог и не психолог, советовать профессионалам не берусь...

Обе женщины внимательно вглядывались в лицо Золотова.

— Но я не стал бы силой отбирать у детей эту сказку, быть может, последнюю сказку в их жизни... а вот поделиться ей они могут.

— Что значит поделиться? — вскинула брови Людмила Анатольевна.

— Пожертвовать. Предложите им подарить рисунки космонавтам на орбиту, солдатам в горячую точку, больным детям, наконец. Можно найти какую-нибудь интересную ребятам цель. Есть рядом люди, у которых одно желание — жить. Многие школьники, на мой взгляд, захотят участвовать в осуществлении этого желания и

поделятся волшебством, в которое верят. Что-то должно тронуть их сердца. — Мужчина поднялся со стула. — Извините, не рассчитывал, что наш разговор так затянется. Мне надо идти. А насчёт Ники не беспокойтесь, в следующем году она будет учиться в другой школе.

— Как? Всё-таки уйдёт в спортивный интернат? — завуч тоже встала.

— Мы уедем в Санкт-Петербург.

— А я надеялась, что Вероника окончит нашу школу и станет её гордостью!

Золотов не пожелал дослушивать лицемерную тираду, попрощался и вышел из кабинета.

— Вы и так её не забудете, — тихо сказал он, когда дверь закрылась.

Оставшись наедине, завуч и психолог некоторое время раздумывали над идеей Станислава Андреевича. Анна Ивановна нарушила молчание:

— Возможно, это выход. Если Золотова не рисует новых картинок, как утверждает её отец...

— Достаточно изъять прежние. Можно ли надеяться на готовность учеников отдать рисунки, даже если это будет представлено как благородный поступок?

— Я думаю так, Людмила Анатольевна, пусть несколько человек принесут своих волшебных спортсменов, а мы сообщим школе, будто принесли почти все, пристыдим утаивших и...

— Те, у кого рисунки остались, не захотят признаваться.

— Конечно! Торговать прекратят, именно это нам и нужно. Потом, можно не одномоментную акцию провести. Получим отзывы, огласим. Снова попробуем собрать рисунки у тех, кто не сдал сразу.

— Вот что я вам скажу, Анна Ивановна, надежда невелика, но пробовать стоит. Подготовимся хорошенько. Свяжитесь с родительским комитетом школы, я поговорю с

учителями. Спешить не будем. Надо как-то так преподнести это детям, чтобы они загорелись.

Мысль Станислава Андреевича нашла отклик в учительской среде. Посыпались предложения — как и что можно сделать для успеха задуманной акции. В школе провели мероприятия, где рассказали о страдающих смертельными недугами детях, о том, как трудно человеку изо дня в день бороться за жизнь, находясь в четырёх стенах, не общаться даже с родными людьми. Ираида Владиславовна нашла сайты благотворительных фондов, списалась с ними. Там согласились принять рисунки. Во всех классах рассказывали о деятельности этих фондов, о работе волонтёров, Людмила Анатольевна провела школьный конкурс сочинений на тему: «Как я могу помочь человеку, попавшему в беду». Неизвестно, сами ученики придумали подарить больным детям «волшебных спортсменов» или кто-то из взрослых надоумил, но ребята потянулись в кабинет социального педагога сдавать Никины рисунки. Каждый лист был подписан владельцем — незамысловатые пожелания. Учителя увлеклись благим делом, почти не вспоминали об истинной причине сбора картинок. То, чего не могли достичь месяцами, произошло за две недели.

Многим жаль было отдавать рисунки, сначала один приносили, два или три оставляя себе, но потом, встретив восторженный приём Анны Ивановны, получив похвалы завуча и классного руководителя, расставались с остальными. Хвастали, кто и сколько картинок смог пожертвовать. Азарт охватил всю школу.

Вероника, поддавшись общему настроению, разыскала дома свою бабочку-гимнастку и вывела на обратной стороне: «Я рисовала в больнице, теперь здорова. Желаю тебе победить болезнь. Золотова Ника». Уже хотела убрать рисунок в портфель, но заметила в уголке номер телефона Инны Викторовны, художницы из Дома творчества. Вспомнила, что обещала тёте Нонне обязательно позвонить по этому номеру.

Услышав тихий мягкий голос, сбивчиво заговорила. Рассказала незнакомой женщине, как лежала в больнице, рисовала там, как доктор Наталья Матвеевна советовала учиться живописи, и дала этот номер. Сказала, что очень хочет учиться, но не может, потому, что скоро уедет в Санкт-Петербург. Инна Викторовна выслушала и поблагодарила за звонок:

— Подойди, пожалуйста, ко мне в Дом творчества с кем-нибудь из родителей. Я дам адрес художественной школы в Питере, там работает мой учитель.

— Но у меня нет рисунков. Бабочку, которую Наталья Матвеевна велела показать вам, хочу отдать в благотворительный фонд.

— Отдавай, конечно. А рисунки твои я видела. Велосипедиста сама направляла на областной конкурс, водный цветок мне Эльмира Альбертовна показывала, да и ребята кое-что приносили. Этого достаточно для рекомендаций.

Расположение, звучавшее в голосе Инны Викторовны, придало Нике уверенности. Нельзя бросать рисование! Пусть урывками, используя время в автобусе, в гостинице, но она будет заносить в альбом все то, что привлечёт внимание и мысли. Теперь незачем торопиться, хоть месяц можно работать над каждым рисунком. А когда семья переедет в Санкт-Петербург, надо будет обязательно записаться в художественную школу! Девочка достала из ящика стола бумагу и карандаши, положила в чемодан. Она готовилась ехать на первенство.

Людмила Анатольевна зашла в кабинет социального педагога. Большой овальный стол заполнили стопки рисунков. Шла работа: листы размещали в пяти посылках. Ираида Владиславовна и Анна Ивановна подняли на завуча полные слёз глаза.

— Что случилось? — забеспокоилась Людмила Анатольевна.

— Ничего-ничего, мы так, что-то расчувствовались. — Психолог аккуратно осушала ресницы бумажным платочком, стопка их лежала рядом.

Ираида Владиславовна протянула завучу рисунок:

— Посмотрите, что пишут.

Людмила Анатольевна взяла в руки мчавшегося по листу конькобежца, перевернула и прочла: «Я мечтала о роликовых коньках, теперь они у меня есть. Желаю тебе поправиться и тоже кататься на роликах. Варя Кудряшова 6 «А» класс». На другом взятом

со стола листе значилось: «Выздоровлявай. Колов», а вот знакомый прыгун в воду: «Пусть болезни убегут без оглядки. Ашот Петросян, 8 класс»

— Они не просто рисунки отдают, делятся своими мечтами, — объясняла свои чувства Анна Ивановна.

— Ролики-то у Кудряшовой останутся, её мечта при ней, — пожала плечами завуч.

— На коньках Варя кататься будет или забросит, дело не в них. А это... — Социальный педагог взяла лист с конькобежцем. — Это память о мечте, о том, как сильно хотелось иметь ролики, как девочка была счастлива, получив их.

— Анна Ивановна, вспомните, как нас благодарили в письме из фонда, когда мы первую бандероль отправили, — утешала коллегу Ираида Владиславовна, — тем, кто ежедневно борется за жизнь, нужна и такая поддержка, тем более, если это сочувствие сверстников.

Завуч кивала, соглашаясь:

— Да. Предлагаю то письмо зачитать всем учащимся. Пусть дети знают, какое доброе дело совершили. А мечты? Раздадим ребятам грамоты или благодарности какие-нибудь. Вы, Анна Ивановна, подберёте трогательные слова. Думаю, этого будет достаточно, чтобы события не стёрлась из памяти.

В кабинет зашла Эльмира Альбертовна с новой стопкой и сказала:

— Охранник просил передать. Выпускники прошлого года узнали о нашей акции и принесли.

Преподаватели стали разбирать рисунки, подаренные ребятами, уже шагнувшими во взрослую жизнь. Вспоминали их самих, примечательные случаи в той параллели. Кто-то из выпускников мечтал успешно сдать ЕГЭ, кто-то хотел поступить в вуз, есть и такие, которые замуж торопились. Бывшие школьники желали незнакомым детям одолеть болезнь, встать на ноги и тоже мечтать о простых обыкновенных вещах.

— Сколько ж Золотова спортсменов нарисовала? — изумилась завуч, глядя на аккуратно разложенные по столу стопки альбомных листов, — не все, наверное, принесли.

— Я думаю, все, — сказала Анна Ивановна и взяла очередной платочек.

Глава 11

Прощание

И вот первенство России по спортивной гимнастике среди юниоров. В прошлом году Вероника не попала на него, хотя её включили в сборную города. Вмешался случай, гимнастку сбила машина и врачи рекомендовали на некоторое время оставить спорт. Несколько девочек из нынешней команды выступали тогда и знакомы друг с другом, на Золотову теперь косились. Она и не стремилась кому-то понравиться. Всё время рисовала — и в дороге, и в гостинице. Между собой девочки называют её «наша импрессионистка», одна сказала, остальные подхватили. Школу-интернат представляет другая команда. Там Юля и Лариса. Впервые Ника не только в личном, но и в командном зачёте соперница подругам.

Алевтина Сергеевна сопровождала дочь, рассчитывая переговорить с питерскими тренерами. Надо обратить их внимание на перспективную спортсменку, может быть, они посоветуют, где ей заниматься спортивной гимнастикой после переезда на новое место жительства.

Вероника с нетерпением ждала встречи с Ларисой, по-прежнему считая её лучшей подругой. В первый же день увидела Кравченко на площади перед гостиницей, подбежала. Бывшая одноклассница сухо поздоровалась, высокомерно взглянула и пошла по своим делам, что-то невнятно буркнув. От неожиданности Ника даже забыла прогнать с лица улыбку, так и стояла, пока мама её не позвала. Вечером девочки из команды пошли прогуляться, надо бы пойти с ними, но у Вероники не было настроения, да её не особенно и приглашали. Нет бы, познакомиться ближе, поговорить, но привыкнув отстраняться от ребят в школе, девочка никак не могла перестроиться. Осталась в гостиничном номере одна. Мама устраивалась самостоятельно, её комната находилась на другом этаже.

Просидев над рисунком около получаса, Ника встала, нельзя долго оставаться без движения. Растягивая мышцы, думала о дневной встрече с Кравченко. Что это было? Могла подруга обидеться на что-нибудь? Ждала звонка? Но Ника не знала её нового номера, а тренер и Ларисины родители не хотели его сообщать. Раньше за Кравченко не замечалось особой щепетильности, захотела бы поговорить, сама позвонила, у Ники номера прежние. Воспоминание о неожиданной холодности бывшей подруги мешало Нике

собраться, она даже почувствовала, как возвращается прежняя механистичность упражнений. Нет, так и выступления недолго провалить. Надо выбраться из кокона растерянности и разочарования.

Гимнастка быстро спустилась в холл гостиницы, выяснила, в каких номерах разместились девочки из спортивного интерната. Решительно подошла к нужной двери, постучала. Из комнаты слышался знакомый голос и общий смех. Кравченко опять шутит, значит, с ней всё в порядке, просто днём она, видимо, была не в настроении. Всё-таки соревнования предстоят ответственные. Ника постучала громче. Наконец, дверь открылась. Перед Вероникой стояла Лариса.

— Что тебе надо? — опять тот же стылый тон.

— Я... поговорить хотела.

— Извини, у нас режим. Треться с кем попало некогда.

— Недолго, — настаивала Ника, хотя «с кем попало» резануло.

— Видишь ли, тренер у нас очень строгий, не будет разбираться, долго-недолго. Может быть, тебе всё равно, как выступишь. От нас требуют конкретных результатов, — хитро подмигнула подругам Кравченко, кого-то передразнивая, и сказала, — иди-иди, девочка, не мешай.

Веронике ничего не оставалось, как повернуться и пойти прочь, но Лариса бросила ей в спину:

— Золотова! Говорят, тебе нынче не до спорта, за парнями бегаешь?

Ника оглянулась и увидела закрытую дверь, из-за которой послышался взрыв хохота.

В номер возвращаться не хотелось, пошла к маме, но Алевтина Сергеевна спустилась в буфет, где беседовала с питерскими тренерами. Ника постояла немного под запертой дверью и отправилась блуждать по гостинице. В душе разлилось гадостное чувство. Каким образом школьные сплетни добрались до Кравченко? Выходит дело, Лариса созванивалась с одноклассницами. С кем? Наверное, с Барабанщиковой или

Мухиной. Вот, странно. Удивительно не то, что Кравченко общалась с другими девочками, с ней многие хотели дружить, но Вероника думала, Лариса не звонит ей от занятости, выходит, ошибалась.

Чуть не заблудилась, бродя по коридорам, неожиданно вышла к лифтам. Надо бы спуститься на свой этаж и вернуться в комнату, но Ника продолжала стоять, глядя, как мигают огоньки, показывая движение лифта. Вздрогнула от звонка мобильного, даже не помнила, как сунула его в карман, выходя из номера. Ответила не сразу. На экране смартфона высветилось изображение Полины Соловейчик, самозабвенно играющей на скрипке. Эту фотку Ника сделала, когда впервые попала к однокласснице домой. Вспомнился тот вечер, пирожки Раисы Марковны, чай со смородиновым листом, красивая настоящая музыка. На душе потеплело. Девочка поднесла трубку к уху. Чуть искажённый голосок подруги:

— Золотко! Не мешаю? Ты ещё не выступала?

— Нет, мы только приехали.

— Желаю тебе очень-очень хорошо показаться! На сто процентов!

— Спасибо.

— Мама тоже хочет с тобой поговорить. Можно?

— Да, конечно. — Впервые за вечер на лице Ники появилась улыбка.

— Солнце! Как ты там? — Мягкие нотки голоса Раисы Марковны.

— Нормально.

— Никуша, соберись, забудь всё плохое, в голове должна быть только программа, слышишь?

— Да, я слушаю, — кивнула девочка.

— Всё обязательно наладится, мы с Полинкой думаем о тебе, всё время думаем.

— Хорошо. Постараюсь, — обещала Ника, удивляясь, как Раиса Марковна узнала о навалившихся на неё невзгодах.

— Вот и умничка!

Простившись с Соловейчиками, Вероника побежала в номер. Соседки уже вернулись и разглядывали брошенные Никой рисунки.

— Извини, мы без спроса взяли, ты их не спрятала, — сказала самая младшая, Ася.

— Ну, и как вам? — поинтересовалась рисовальщица.

— Если ты так же хорошо выполняешь гимнастические элементы, как рисуешь, соперницам не поздоровится, — авторитетно заметила другая девочка.

— Надеюсь, что так.

Заснула Ника спокойно, позабыв о пережитом разочаровании. Обдумывать причины холодности Кравченко не стала.

***

Особенно размышлять не давали — график напряжённый. На открытой тренировке через день снова увидела Ларису. Вероника, ожидая своей очереди, сидела на лавочке и делала зарисовки. Её внимание привлекли младшие девчонки, выступающие по третьему разряду. Понравилась рыженькая и чёрненькая. Одна смешно готовилась, а другая огорчалась после упражнений до слёз. Рисовальщица, ухватив «говорящие» движения, торопилась их изобразить. Вдруг папка свалилась с колен — это Кравченко, проходя мимо, задела и, не оглянувшись, прошла к снаряду. Вероника кинулась поднимать разлетевшиеся работы. Помогала ей Юлия Снегирёва, которая шла за Ларисой следом и задержалась около Вероники. Она подняла несколько рисунков, один из них стала рассматривать:

— Здорово у тебя получается! — Указала на рыжую гимнастку. — Я тоже заметила, как она перед прыжком голову вперёд тянет и кулаки сжимает.

Ника, поднимая листы, смотрела вслед Кравченко. Юлия улыбнулась:

— Не обращай внимания! Она у нас звезда теперь.

— И что? Ни с кем не разговаривает?

— Надеется золото в вольных взять. А кто главная соперница? Всегда тебе проигрывала, вот и злится.

— Ещё не проиграла, а уже злится? — пожала плечами Ника, — А ты?

— Брусья! Тут меня не обойдёшь! Знаешь, как у меня петля Корбут получается? А? трепещи! — Снегирёва шутливо поплевала через плечо и вернула Нике рисунок. — Не грусти, пройдут соревнования, может, и оттает. Пойми, тебе только двенадцать исполнилось, а ей уже скоро тринадцать, надо кандидата выполнять.

— Конечно. Спасибо, что объяснила.

— Знаешь, Кравченко здорово изменилась в интернате. С легкомысленным характером там жить несладко. Короче, не обижайся. Держись! — Юлька побежала к тренеру, её уже звали.

Проводив Снегирёву взглядом, Ника понаблюдала и за Ларисой. Собранная, словно углублённая в свои мысли, гимнастка выглядела чужой. Не просто соперницей, а как будто врагом. В груди щемило, не от обиды даже, от потери. Жаль было расставаться с привычным образом подружки, который она почти год бережно хранила в памяти. Однако сдаваться раньше времени Вероника не собиралась. Золотко не надо учить организованности. Рисунки отложила, лишние мысли из головы выбросила, тренировку провела отлично. Девочку похвалили, дали насколько ободряющих советов. Мама успела побеседовать с тренером из Санкт-Петербурга. Та подошла к Нике, сообщила, что рада будет такой ученице, пожелала успешно выступить.

Вечером в гостинице, укладываясь спать, Вероника вспомнила Кравченко. Что с ней? Тренировались девочки вместе с первого дня. У Ники всё получалось чуть лучше. Элементы выходили чисто чуть раньше. На соревнованиях результаты чуть выше. Лариска относилась к этому легко, как будто и не стремилась обойти подругу. Спортивный зал казался ей местом, где можно выплеснуть избыток энергии. Она могла, завалив элемент, расхохотаться, держась за живот. Ольга Михайловна частенько ругала Лариску за легкомыслие, считая излишнюю общительность и смешливость помехой в спорте. «Гимнастика любит серьёзных и собранных», — говаривала тренер. Все думали, что

изменить девочку невозможно, но год в интернате доказал обратное. «Может быть, Юлька права? Получит Кравченко свои медали и станет прежней?» — с этими мыслями Вероника заснула.

В день соревнований Ника ни о чём постороннем не думала, даже папку с рисунками оставила в гостинице. Девчонки из команды волновались. Забыли неприязнь к Импрессионистке, друг друга поддерживали и её не забывали. После вольных упражнений бросились обнимать: хотя радоваться рано, но так чисто, чётко и с настроением Золотова всё выполнила, что заслужила похвалу. На бревне выступила лучше, чем ожидала, даже обошла подругу по команде, лидера в этом виде. Следила за выступлением Снегирёвой на брусках, отметила возросшее мастерство, но не сдавалась, боролась, грубых ошибок не допустила. Рада была за Юльку, хоть она из другой команды. Кравченко тоже хорошо выступила, но обойти бывшую одноклассницу Лариса не смогла. Она чуть не плакала, когда объявили баллы и, оказалось, что у неё второй результат, девочка отмахивалась от утешавших подруг. К Веронике снова подошла тренер питерской школы, похвалила, сказала, что в августе ждёт способную гимнастку у себя.

Во время награждения за победу в вольных упражнениях Золотова и Кравченко стояли рядом. Ника завоевала золото, Лариса серебро. Холодок во взгляде бывшей подруги мешал радоваться. Отвлекли от грустных мыслей девчонки из сборной города. Так радовались общекомандному третьему месту, так искренне поздравляли Импрессионистку с успешным выступлением, что Лариска с её оттопыренной губой почти забылась.

После завершения соревнований, Ника искала Кравченко, хотела всё-таки поговорить с ней. Вдруг, Снегирёва права, и Лариса оправилась от соревновательного азарта, снова стала прежней? Вскоре увидела автобус интерната, подбежала. Кравченко сидела у окна, заметила бывшую подругу, демонстративно отвернулась. Перед этим Вероника не столько разглядела, сколько почувствовала её тяжёлый каменный взгляд. Отступать с полпути Ника не привыкла, она попросила женщину, преградившую вход в автобус, позвать Кравченко. Вместо Ларисы вбежала Юлия Снегирёва:

— Золотко! Я не успела тебя поздравить, чемпионка! Такая кутерьма была! — Она обняла Веронику. — Жаль всё-таки, что ты в интернат не попала! В сентябре ждём, нам в команде такие крутые вольницы нужны.

— Я уезжаю в следующем году из города, если и буду в команде, то в питерской, опять вашей соперницей.

— Да? Классно! Рада за тебя. Надо же, в Питер!

— Ага. Юля, ты очень хорошо на брусьях выступила, не зря хвастала, — улыбнулась Вероника, — я тебя тоже поздравляю, молодец!

— Спасибо, — Снигирёва наклонилась к Никиному уху, — Лариску не трогай, злая как чёрт, все девчонки от неё шарахаются.

Женщина, стоявшая около водителя в автобусе, закончила проверять присутствующих гимнасток по списку и строго сказала Юле:

— Прощайтесь! Снигирёва, тебя ждём.

Юлька легко впорхнула по ступенькам и махнула Нике на прощанье. Дверь закрылась, автобус поехал, сквозь стекло был виден Ларискин затылок. Кравченко, похоже, молчала, другие девочки сидели с угрюмым видом. Как это не похоже на то, что в Никиной памяти связано с подругой!

Золотову уже искали. Ольга Михайловна по привычке стала отчитывать её за нарушение дисциплины, но осеклась, перехватив взгляд Алевтины Сергеевны.

— Ах, да! Вы теперь не наши. — Тренер, усмехнувшись, взглянула на девочку, жестом указала на место рядом с её мамой, но когда Ника уселась, похлопала бывшую подопечную по плечу и уже мягче сказала, — рада за тебя, Золотко, в хорошие руки попадёшь. Надеюсь, не забудешь свою колыбель?

— Не забуду, Ольга Михайловна, честное слово.

— Ладно-ладно, словами не бросайся, а то подруга твоя нос теперь воротит, как будто и не я её с пелёнок пестовала. Хорошо, что ты обошла Кравченко, это ей нужный урок.

В автобусе, возвращаясь домой, Ника вспомнила нахлынувшие во время церемонии неприятные ощущения. Восторг победы омрачал Ларискин хмурый вид, даже на

расстоянии чувствовалась её неприязнь, как будто тёмная тень падала на всё вокруг. Вероника понимала необходимость забыть, отстраниться — школьный опыт подсказывал пройденный однажды путь. Тогда у неё получилось, теперь же было всё по-другому. Одноклассники сначала превозносили Нику за её «волшебство», потом объявили ей бойкот. Пусть и выдуманные причины у них были для этого. Даже сплетни возникли не на пустом месте, просто по ошибке, недоразумению. Было обидно и горько, но девочка интуитивно понимала, это не навсегда. Кроме того, ребята хоть и учились с ней почти шесть лет, не были её друзьями. Когда Раиса Марковна посоветовала девочке занять независимую от всех, отстранённую позицию, Ника просто заняла голову другими мыслями. Обида на Кравченко была совсем другой, как будто кусочек души отрезали, и рана саднит, напоминая о себе. Забыть о существовании подруги никак не получалось, даже захотелось нарисовать её на память.

Вероника достала папку, изобразила себя, рядом Ларису, обе с медалями и с букетами оранжевых цветов. Нарисованные девочки улыбались и держались за руки. Пусть на самом деле всё было не так, художница вправе выразить своё, а не Ларискино настроение. Скоро они будут ещё дальше друг от друга и даже случайно не смогут встретиться, только на крупных соревнованиях. Захочется ли когда-нибудь пообщаться с Ларисой? Возможно, но сейчас рано об этом думать. Впереди новые знакомые, новые победы.

— О чём размышляешь? — спросила мама.

Сама она была весела. С удовольствием вспоминала, как Ника стояла на пьедестале, слушая гимн, как аплодировали ей зрители во время выполнения сложных элементов. Дочь выступила успешно. Она теперь чемпионка России среди юниоров! Её берут в хорошую спортивную школу в Питере! Алевтина Сергеевна всегда грезила о Петербурге. Жить в культурной столице — мечта, казавшаяся неосуществимой, а тут такая удача! Нонна оформила тети Лисино наследство на Стаса. Покупатели на питерскую квартиру нашлись, теперь Золотовы купят себе жильё в том же районе! С новым местом работы тоже всё устраивается. Алевтину Сергеевну ждут в головном офисе фирмы, в филиале которой она работала в родном городе. Супругу там же подыскали хорошую должность.

— Мам, ты говорила, родители Кравченко считают, что я ей мешала. Помнишь? — спросила Ника после паузы.

— Не думай об этом, люди всегда ищут виноватых на стороне.

— Нет. Я, в самом деле, мешала.

— Да что ты, доченька! Какие глупости! Вы ходили вместе в школу, сидели за партой, занимались в одной секции, только и всего. Чем ты могла мешать?

Вероника не знала, как объяснить. Она понимала где-то в глубинах сознания, Ларисе нравилось показывать своё превосходство в общении, поэтому она легко прощала Нике результаты в гимнастике. Пусть Золотова была лучшей в спортивном зале, зато в классе, в компаниях она всегда на вторых ролях. Кравченко всюду звали, она волокла за собой Нику и та выглядела серой мышкой рядом с громкой эффектной подругой. Утратив возможность утвердиться за счёт Золотовой среди друзей, девочка все силы бросила на спорт, тем более что тренеры в интернате не позволяли ей паясничать и требовали серьёзного отношения к занятиям. Поменяв жизненные ориентиры, друзей и среду, Лариса и сама изменилась. Точнее, повернулась к миру другой гранью характера. Зачем Нике знать эту незнакомую хмурую и сердитую Лариску, пусть она будет такой где-то далеко — в интернате, у себя дома, на соревнованиях, а в памяти останется весёлой, жизнерадостной оптимисткой.

— Хм, — разглядывала Никин рисунок мама. — Лариса злая какая-то была на соревнованиях. Что-то с ней в интернате не то сделали.

— С Юлькой ничего не сделали...

— Да, Снегирёва молодец! Всё-таки хорошо, Золотко, что ты не угодила туда.

— Хорошо, — согласилась дочка.

Они обнялись и глядели в окошко на серую дорогу, мокрые дома и влекущее бескрайностью синее весеннее небо. «Главное, что мама и папа будут рядом, — думала Вероника, — с Полиной можно переписываться, как с Лиз. Приглашать лучшую подругу на каникулы в гости... Соловейчик ещё не бывала в Питере, ей наверняка понравится. Может быть, Валера сводит их в Эрмитаж, когда там нет посетителей? Обещал». От воспоминания о своём знакомом мальчике из спортивного лагеря «Лесная сказка» стало хорошо. Ларису Кравченко Ника мысленно отпустила. У неё своя жизнь.

Глава 12

В ожидании перемен

Вернувшись с первенства России, Ника получила неделю отдыха. Тренировки начнутся только со следующего понедельника, и график будет менее напряжённый. Дома ждал сюрприз. Станислав Андреевич, пока супруга и дочь были в отъезде, надумал отметить двенадцатилетие дочки. День рождения уже прошёл, но во время подготовки к первенству не получалось выкроить время для торжества, да и традиции помпезно отмечать такие события в семье не было, обычно ограничивались уютным домашним чаепитием. Этот год необычный, семья собирается покинуть родной город, вот и пришлось на ум, совместить дочкин день рождения с прощальным вечером, собрать близких людей. Станислав Андреевич заказал в детском кафе развлекательно центра несколько столиков. О чём и сообщил вернувшейся супруге. Алевтина Сергеевна восприняла известие холодно:

— Зачем ты всё это затеял, Стас? Так дорого, а нам приходится экономить, ведь столько трат предстоит этим летом!

— Не переживай, я всё просчитал, уложимся в небольшую сумму. Хочется накануне отъезда посидеть всем вместе. Я Зою с Игорёшкой пригласил, Валентину с детьми. Разве ты не рада будешь пообщаться с подругой и сестрой?

— Но ведь можно было дома.

— Дома тесновато, наверняка Золотко захочет подружек позвать. Тебе опять кушанья готовить, хлопотать. Давай без лишней суеты отметим медали дочкины. Это ли не повод?

— Повод, конечно. Пожалуй, ты прав, на новоселье в Санкт-Петербург все не выберутся, так устроим прощальный вечер по случаю отъезда здесь.

Кроме Соловейчик папа предложил позвать ещё кого-нибудь из класса. Он заговорил про Ларису, но Алевтина Сергеевна перебила его сказав:

— Стас, ты же знаешь, Кравченко в интернате.

— Взаперти? Даже после соревнований не отпустят на выходные?— удивился он.

— Мы с Ларисой поссорились, папа, — выдохнула Ника.

Заметив, как она огорчена, Станислав Андреевич, предложил:

— Наверное, в классе найдётся другая девочка, которую ты захочешь пригласить.

Ника долго думала, но не решалась выполнить папину просьбу. В памяти свежи воспоминания о бойкоте и отчуждённых взаимоотношениях с одноклассниками. Не хотелось видеть на своём празднике кого-то из них. Станислав Андреевич настаивал:

— Во-первых, я заказал определённое количество мест и рассчитывал на двух твоих подруг, не знал, что вы с Ларисой разбежались. Во-вторых, не надо быть эгоисткой, стоит подумать о Полине. Она не знакома ни с Игорем, ни с твоими двоюродными братом и сестрой. Что ж ей весь вечер к маме жаться?

— Она со мной знакома. Потом, Полина и в школе-то с ребятами не общается.

— Тем более! Ты уезжаешь, надо девочке в классе отношения налаживать.

— Ладно, я у неё спрошу, с кем бы ей хотелось отношения налаживать, — согласилась Ника.

Этим же вечером Вероника побежала к Полине. Та уже поправилась, с завтрашнего дня будет ходить в школу. Девочки наговориться не могли. Столько у них было новостей. Скрипачка во всех подробностях расписала свои перипетии на конкурсе. Столько талантливых участников приехало из разных уголков страны! Она и предположить не могла, какво соперничество. Когда прошла предварительный отбор, радовалась, как будто победила.

— Таких сильных ребят отсеивали! — говорила Полина, глядя на Нику широко распахнутыми глазами.

— А почему?

— Не знаю. Слышу, здорово играет, думаю, точно пройдёт в следующий тур, а его раз и завалили. Удивительно.

— Да, — согласилась гимнастка, — бывает так, наблюдаешь за выступлением, идеально девочка всё делает, а судьи низкие оценки ставят. Одно дело, если ошибки или шероховатости, но когда чисто, а не оценили...

— Надо, наверное, настрой иметь особенный, чтобы на одной волне с жюри оказаться.

— Моя тётя Нонна, знаешь, как сказала? Важно, не только хорошо ли сам человек делает, но и что видят те, кто наблюдает. Значит, ты смогла вложить много добра и света в своё выступление, вот и победила.

— Скажешь, тоже! — засмеялась Полина, — если я чего и передала своим исполнением, так это дикий страх. Знаешь, как волновалась? И уж никак не думала, что меня назовут победителем.

— Ну что, болтушки? — заглянула в комнату Раиса Марковна, — идёте ужинать?

С аппетитом поглощая голубцы, девочки продолжали делиться впечатлениями. Вероника рассказала, как разочаровала её встреча с бывшей соседкой по парте, как ей неловко было от того, что Лариса не хочет с ней разговаривать, видит лишь соперницу. Хорошо, что программа была отточена до каждого пальца, иначе трудно было бы справиться с огорчением. Полина призналась, перед выходом на сцену в финале конкурса не помнила ни одной ноты и была уверена, что, когда дирижёр подаст ей знак вступить, она не сможет этого сделать. Удивительно, но именно в этот момент всё само вспомнилось и никто, ни в оркестре, ни в зале, не заметил растерянности конкурсантки.

— Жалко, что я не услышу, как ты играешь с оркестром. Разве что буду по телевизору смотреть, по каналу «Культура».

— Ага, а я тебя по каналу «Спорт».

Девочки расхохотались.

— Жалко расставаться с тобой, — вдруг погрузилась Ника.

— Опять на соревнования? — спросила Раиса Марковна.

— Мы летом в Санкт-Петербург переезжаем навсегда. Тётя Рая, вы отпустите Полину ко мне в гости?

— Если твои родители позволят.

— Конечно, позволят! — убеждённо сказала Ника и вспомнила о папином поручении, — они в развлекательном центре праздник организуют на прощанье, я вас приглашаю.

— Полину?

— Папа сказал, подружку с мамой.

— Мы придём! — засияла Полина, — правда, мамочка? Я диск подарю с выступлениями участников конкурса. Вот Ника и послушает, как я с оркестром играю.

— Здорово! — обрадовалась Вероника, — будут мои двоюродные Петя и Маша, Игорь, сын маминой подруги. Да, ещё вот что. Родители сказали кого-нибудь из класса позвать. Я не хотела, но настаивают.

— Из-за бойкота не хочешь? — уточнила подружка, — выбрось из головы! Ведь всё наладилось! Любой будет рад как-то примириться с тобой. Теперь, когда все рисунки в благотворительный фонд отдали, уже и не будут тебя просить, чтобы рисовала им.

— Ну а кого приглашать?

— Может быть, Лизу Сёмину?

— В начальной школе моя мама с Лизиной в родительском комитете были, хорошо знакомы, — задумчиво сказала Ника.

— Я тоже знаю Сёмину Лидию Степановну. Мы с ней на одном предприятии работаем, — сказала Раиса Марковна, — А Полиночка с Лизой в садик вместе ходили.

— Вот это да! Так что ж вы в школе даже не разговаривали? — удивилась Ника.

— Не узнали друг друга, представляешь! Пока мама не сказала, я даже не вспомнила.

Задумка Станислава Андреевича устроить дочери необычный день рождения обернулась хорошим тёплым праздником. Пожалуй, это было логичным завершением истории с «волшебными» рисунками. Отмечали переезд Золотовых в Питер, победу Вероники на первенстве России, успех Соловейчик на конкурсе скрипачей. В детском кафе развлекательного центра были сдвинуты столы в уютном углу, отделённом от остального помещения аквариумом и стойкой с вьющимися растениями. При желании можно было выйти в игровой зал, где находился тир, несколько столов настольного аэрохоккея.

Игоря Ника не видела с того самого момента, когда его увезли к врачу, а она случайно прочла его стихи. Ребята учились в одной школе, но мальчик занимался в первую смену и все мероприятия у них проходили отдельно. Гоша выглядел другим: вытянулся, кожа стала бледной. Нарядно одетая Зоя Александровна с торжествующей улыбкой поглядывала на Веронику. Она держала в руках красочную бумажную сумку, где лежал подарок, и не спешила передавать её виновнице торжества. Всем известно стремление Игоря удивлять окружающих, но стихов от него точно никто не ждал. Поэтому, когда мальчик развернул большую открытку и начал зачитывать поздравление, все уставились на него.

— Ника! Не суди меня строго, ведь я не поэт. Но летом ты хотела почитать мои стихи, а ещё оставила письмо, в котором... Ну, ты знаешь. Короче, — он обратился ко всем, — я посветил Золотовой Веронике вот это:

Тебе под силу любые задачи,
Вершин не будет, что ты не возьмёшь,
Достанет сил. Желаем удачи!
Долой ненастье — туман или дождь.
Пусть светит солнце, согреет лучами,
Пускай ласкает судьбу твою бриз!
Да будет дом переполнен друзьями,
И каждый день преподносит сюрприз.
Твои победы людей восхищают,
Заслуг твоих никому не отнять!
Я крикну всем: «Вероника крутая!»
Побед! Успеха! Опять и опять!
Мила, скромна и застенчива даже,

Я знаю, встретишь мечту и любовь!
Избранник будет умён и отважен,
Из нашей жизни, а не из снов.
Иди, не бойся невзгод и сомнений!
Ведь ты романтик, не только спортсмен.
Рисуй, твори! Дерзай непременно,
Желаю лучших больших перемен!

Игорь замолчал, лукаво поглядывая на Нику.

— Ай, да Пушкин, ай да... — заговорил шутливым голосом Станислав Андреевич, но Алевтина Сергеевна, смеясь, ткнула его локтем в бок:

— Тс-с-с! — и обратилась к юному поэту, — Игорёша, ты целую поэму сочинил, вот это да! — потом к имениннице, — дочка, тебе понравилось?

Вероника многое хотела сказать. Она никогда не думала, что ей кто-нибудь посвятит стихи, тем более Гоша, который так сильно нравился ей прошлым летом. Трудно понять, как можно из обыкновенных слов создать музыку и смысл. Конечно, тронули хорошие добрые пожелания. Много мыслей толпилось в голове, но выговорить Ника ничего не могла от смущения и восторга.

— Ну вот, у девочки щёки маками пылают, — приобняла Нику тётя Валя, которая стояла рядом, — не спрашивайте, разве может не понравиться такое посвящение!

Взрослые почему-то засмеялись, Игорь протянул Нике открытку, а его мама передала Алевтине Сергеевне подарок. Обсуждение Гошиного дарования продолжалось и после того, как девочка получила открытку и залюбовалась красиво нарисованными буквами, это, наверное, тётя Зоя переписывала стихотворение сына. В уголке помечено: «Посвящается Золотой Веронике», а ещё стоит какая-то закорючка, наверное, Гошин автограф.

— Подумаешь, — подал голос Никин двоюродный брат, — «Поздравляю-желаю», так себе стих, из интернета, поди, скачал.

— Не завидуй, Петька! — шутливо сказал Станислав Андреевич, — пойдёмте в тир, мужички, пока остальные гости подтягиваются.

Папа с мальчиками ушёл, за ними, конечно, и Маша побежала, а Ника всё стояла, любуясь недлинными строчками. Она не могла читать, просто смотрела и не верила своему счастью: Игорь посвятил ей стихотворение.

— Что ж, ты даже спасибо не сказала, Золотко, — тихонько спросила мама с укором.

Вероника кивнула и пошла в тир. Её тут же привлекли к соревнованиям в меткости. Первое место занял папа, выбив сорок восемь из пятидесяти, второй результат, как ни странно, у Машки — сорок ровно, мальчишки умудрились выбить одинаково — по тридцать семь очков, Ника специально плохо целилась, не хотела обойти Игоря. Станислав Андреевич только хмыкнул и не стал озвучивать её результат, сказав:

— Почётное четвёртое место, будем тренироваться, дочка!

Возвращаясь в кафе, Ника с Гошей отстали. Станислав Андреевич безуспешно останавливал ссору Пети и Маши, даже пригрозил приглашать их в гости только по одному. Это им даже понравилось, тут же заспорили, кто из них первым поедет в Питер.

— Чего тебе? — хитро улыбаясь, спросил Игорь, когда Вероника остановила его за рукав.

— Мне очень понравились стихи, спасибо, — бормотала она.

— На здоровье, то есть, на долгую память. Пользуйся.

Надо было ещё что-то сказать, и Ника неожиданно для себя самой выпалила:

— Моя подруга тоже сочиняет стихи, правда, читать не даёт.

— Эта? Рядом с твоей мамой стоит? — спросил Игорь, кивнув на Соловейчик, которая уже пришла. Заметив, как Ника испугалась его догадки, успокоил её, — ладно тебе, не волнуйся, ты не говорила, я сам понял.

— Разве это можно понять? — удивилась девочка.

— Конечно, видишь, какое у неё лицо... одухотворённое.

Ника посмотрела на мальчика с сомнением, у него лицо, скорее, насмешливое, а никак не одухотворённое, а стихи-то вон какие пишет.

— Может быть, это потому, что Полина музыкант, — предположила она.

— Что ты говоришь! — воскликнул Игорь, — значит, она может сочинить мелодию к моим стихам!

— Не знаю, — пожала плечами Ника, — На скрипке играет. Недавно на конкурсе первое место заняла, теперь готовится за границу ехать, там будет соревноваться.

Она замолкла, чувствуя, что хвастает успехами подруги.

— Представь меня, а? — Игорь вцепился в Никину руку и потащил девочку за собой.

— На балу, что ли? — только и успела хмыкнуть девочка.

Вопреки ожиданиям, Гоша ни словом не обмолвился, ни об Испании, ни о Лиз. Почти сразу он переключил внимание на Полину, чем весьма её смутил. Ника, наблюдая, как товарищ по прошлогоднему отдыху рассыпается шутками перед её подругой, только усмехнулась: «Вот Дон Жуан!» Подошедшие в это время Сёмины отвлекли Нику. Лиза, немного волнуясь, отдала красиво упакованный свёрток и сказала:

— Подарок потом посмотришь. А это возьми, тебя поздравляют все ребята из класса!

В руках у Вероники оказалась тетрадь с надписью на обложке: «На память от шестого «А» класса». Девочки уселись рядышком и начали листать страницы. Здесь были рисунки и поздравления одноклассников. Некоторые с юмором, некоторые серьёзно-торжественные. Где-то стояли фамилии или имена, а кто-то просто расписался непонятной закорючкой. Лиза поясняла имениннице, кто автор безымянных работ.

— Вот, смотри! Это Колов нарисовал, правда, здорово?

— Здорово! — смеялась Ника, разглядывая изображение тоненькой гимнастки, оседлавшей спортивный снаряд. Бревно при этом встало на дыбы, как норовистый конь, а вокруг шеи всадницы на красных ленточках разлетелись медали.

Ей радостно было читать простые искренние пожелания. Кто-то пророчил Нике будущее знаменитой художницы, кто-то желал успехов в спорте и учёбе. Клетчатые страницы пестрели крылатыми пятёрками, олимпийскими кольцами, восклицательными знаками, цветиками-семицветиками.

Мамы в это время беседовали о проблемах образования. Тётя Зоя с тётёй Валею обсуждали особенности воспитания мальчишек. Станислав Андреевич с племянником Петей играл в аэрохоккей, а Маша болела за каждого из них по очереди. Игорь продолжал очаровывать Соловейчик. Как совершенно неожиданно выяснилось, он оказался большим любителем концертов для скрипки с оркестром.

Время проводили разнообразно. Угощались сладостями и фруктовыми салатами, гоняли на симуляторах-болидах, стреляли в тире. Незаметно подкрался вечер. Пора по домам. Игорь вызвался проводить Полину и Раису Марковну. Прощаясь с Вероникой, он спросил:

— Ты не обижаешься?

— На что мне обижаться? — удивилась девочка.

— Вечно я тебя бросаю...

— Ты? Разве можно бросить то, чего и в руках-то не держал? — Ника и сама удивилась неожиданному каламбуру.

— Хм... Я в том смысле... Всё-таки твой день рождения, а я весь вечер болтал с Полинкой.

— Ничего, я не скучала, — успокоила товарища Вероника, — мне твоего общества и в Испании хватило.

Игорь по обыкновению скорчил потешную рожицу и сказал:

— Надеюсь, ещё приедешь, когда соскучишься по морю и Сальвадору Дали.

Ника пожала плечами.

Гости разошлись, Золотовы тоже пошли домой. Алевтина Сергеевна, ещё более красивая, чем обычно, благодарила супруга за праздник:

— Как хорошо всё прошло! Даже показалось мало.

— Я рад, что угодил. А тебе, Золотко, понравился твой день рождения?

— Очень! Спасибо, папочка!

На душе было светло и радостно. Все-все люди казались Нике добрыми и счастливыми. Она прижимала к себе Гошину открытку, тетрадь с рисунками одноклассников и думала о том, как хорошо, что пригласили на день рождения Сёмину. Получалось, что через Лизу все ребята примирились с Вероникой, высказав ей добрые пожелания.

Несколько дней она чувствовала себя счастливой. Совсем-совсем? Чего-то не хватало. Какой-то маленький уголок души оставался неохваченным. Может быть, там осталась грусть по Лариске? Ника шла с тренировки и думала об этом. Весенний воздух влажный и свежий пронизывали солнечные лучи тёплые ласковые, обещающие скорую жару. Зазвонил телефон. Девочка взглянула на экран. «Валера Питер». А ещё изображение заснеженной ёлочки в «Лесной сказке», которое Ника присвоила номеру этого абонента.

— Алло! Ты меня узнаёшь? — задорный мальчишечий голос.

— Привет, Валера.

— Слушай, я тут в интернете обнаружил инфу о первенстве России, там есть и твои выступления. Классно! Поздравляю с победой!

— Спасибо.

— Ты просто молодчина!

Ника вдруг сказала:

— Мы в Санкт-Петербург переезжаем. В следующем году буду там заниматься, мама уже и с тренерами договорилась.

— Правда! Здорово! — У Валеры, кажется, перехватило дыхание. — Я, честное слово, рад! Позвонишь, когда приедете? А?

— Обязательно. Ты обещал меня в Эрмитаж сводить, помнишь?

— Не сомневайся. Я уже с тётёй Марусей договорился.

— А если я с подругой буду? — спросила Ника, вспомнив, что хотела и Полине показать Питер.

— Даже лучше! — засмеялся Валера, — меня как раз тётя Маруся просила и сына её заманить. Подружка симпатичная? Ладно, ладно, не отвечай. Рад был тебя услышать!

— Я тоже. До свидания.

Вероника нажала отбой и вдруг поняла: не охваченный счастьем уголок её души теперь заполнен.

Послесловие

Близился конец учебного года. Нике пришлось налечь на учёбу, обидно переводиться в новую школу с тройками в табеле. Видя старания Золотовой, учителя с удовольствием ставили ей хорошие отметки. Про надоевшую педагогам школы историю с «волшебными» рисунками уже не вспоминали, как будто с самого начала девочка рисовала для больных детишек. Вероника и сама уже забыла о своём невольном предпринимательстве. Отношения с одноклассниками наладились, многие даже пришли на её выступление в родном спортивном комплексе. Ольга Михайловна устроила домашний турнир, где показывала городским властям достижения своих учениц. У Золотовой подобралась самая большая группа болельщиков. Ребята принесли плакаты, шары, поддерживали гимнастку аплодисментами.

Напомнило о «волшебных спортсменах» письмо немецкой подруги. Лиз сообщала, что её отец обнаружил на сайте благотворительного фонда выставку рисунков, подаренных

больным детям учениками одной из российских школ. Поражало сходство манеры, в которой они выполнены с Никиной. Не учится ли Вероника там, и как получилось, что столько ребят в этой школе так хорошо рисуют? Заданные вопросы развеселили девочку. Пришлось поведать подруге об этом нелёгком отрезке своей жизни. Размышляя над ответом, Ника чувствовала благодарность одноклассникам за полученный опыт. Во-первых, она смогла помочь Полине с покупкой инструмента, во-вторых, порадовать незнакомых ей детишек, в-третьих, отточить своё умение рисовать. Теперь она точно знала, творчество приносит не меньше радости, чем спорт, и без рисунка не мыслила своей дальнейшей жизни.

Золотовы побывали в Доме детского творчества. Туда Ника пришла с папой. Руководитель художественной студии Инна Викторовна оказалась милой женщиной с внимательными глазами и тихим голосом. Она долго говорила со Станиславом Андреевичем. Девочка в это время изучала работы, выполненные гуашью на больших листах ватмана и развешанные на стенах длинного коридора. Их интересно разглядывать. Ника и сама любила нагружать рисунок деталями, но делала это интуитивно. На картинах студийцев она увидела единый стиль. При бережном отношении к индивидуальности учеников Инна Викторовна умело руководила их кистью и мыслями, поэтому работы производили хорошее впечатление, настраивали на радостные светлые переживания. Золотов записал адрес питерской художественной школы и клятвенно обещал Инне Викторовне разыскать её учителя, чтобы устроить к нему на обучение дочку. По дороге домой он рассказал Нике содержание разговора, сетуя, что они забросили рисование, когда ей было пять лет. Если бы не это несчастье с сотрясением мозга и вынужденным покоем в больничной палате, Вероника, может быть, ещё долго не взялась за карандаши.

Тренировки не были такими напряжёнными, как зимой, всего-навсего четыре раза в неделю. От предложения летом ехать с девочками из секции в Болгарию Вероника отказалась. Ольга Михайловна не настаивала, зная, что со следующего года Золотова тренируется в Питере, и не будет выступать за свою прежнюю команду. Родители планируют всё лето заниматься переездом на новое место жительства, так что заботу о Нике на время каникул поручили бабушке. Придётся с июня по август на даче за грядками ухаживать. Девочку это не огорчало, с ней поедет Полина Соловейчик. Их мамы во время праздника в развлекательном центре обсуждали проблемы летнего отдыха. У Раисы Марковны тоже нет возможности куда-то отправить дочку, ещё не со всеми долгами за

инструмент расплатились. Тётя Рая будет их проведывать по выходным. Подружки смогут играть в бадминтон, собирать землянику на лугах, искать грибы в березняке, купаться и загорать. Обе мамы надеялись, что девочки найдёт время для усердных занятий — Ника гимнастикой, а Полина игрой на скрипке. Бабушка обещала строго проследить за этим. Алевтина Сергеевна не слишком рассчитывала на свою маму, зная, как мягко она относится к внучке, но надеялась отслеживать график тренировок по телефону.

Подходил к завершению учебный год, а с ним и непростой период в жизни Золотовой Вероники — девочки с победным именем и блестящим прозвищем. Впереди новые впечатления, новые знакомые и, быть может, новые трудности. В этой неведомой пока жизни Нике обязательно помогут её спортивная закалка, крепкая дружба, любовь близких людей и доброе сердце.